

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ
В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Материалы международной научной конференции
адъюнктов, аспирантов и соискателей*

(21 мая 2024 г.)

Выпуск 20

Омск
ОМА МВД России
2024

УДК 34(082)
ББК 67в=67я54
П71

Редакционная коллегия:

И. В. Сидорова — кандидат юридических наук (председатель);
В. Н. Борков — доктор юридических наук, профессор (зам. председателя);
О. И. Бекетов — доктор юридических наук, профессор;
В. В. Бабурин — доктор юридических наук, профессор; *М. А. Бучакова* —
доктор юридических наук, доцент; *Т. Е. Грязнова* — доктор юридических наук,
доцент; *И. А. Вормсбехер* — кандидат юридических наук (отв. секретарь)

Преемственность и новации в юридической науке : мат-лы
П71 междунар. науч. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей
(Омск, 21 мая 2024 г.) / пред. редкол. И. В. Сидорова. — Омск :
Омская академия МВД России, 2024. — Вып. 20. — 160 с.

ISBN 978-5-88651-860-3

В сборнике публикуются тезисы докладов и сообщений участников научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей Омской академии МВД России и других юридических вузов. Освещается широкий круг теоретических и практических проблем развития права.

Предназначено для аспирантов, адъюнктов, студентов, курсантов и слушателей образовательных организаций.

УДК 34(082)
ББК 67в=67я54

РАЗДЕЛ I.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ;
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО;
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ
ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ
ЧАСТНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО,
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

А. А. Асанова

(Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург)

Цели издания нетипичных правовых актов

Отдельного внимания в науке заслуживает определение критериев типичности и нетипичности правовых актов. Анализом нетипичных правовых актов занимались такие ученые, как Т. В. Кивленок, Р. А. Ижожкин, Р. Л. Иванов, А. В. Малько, Я. В. Гайворонская и другие [1, с. 260–261; 2, с. 7; 3, с. 11; 4, с. 7].

Исследование целей издания нетипичных правовых актов при наличии всего арсенала средств и методов издания типичных правовых актов вызывает интерес в научной среде.

При подробном изучении научных работ названных авторов можно прийти к выводу, что нетипичный правовой акт — это акт, который обладает нехарактерными признаками, чертами, свойствами и функциями.

Разберемся более подробно в видах нетипичных правовых актов, предлагаемых учеными, и постараемся определить цели их издания.

Т. В. Кивленок к атипичному (нетипичному) правовому акту относит смешанный правовой акт, под которым понимается акт, содержащий в себе несколько юридических предписаний (нормативные и индивидуальные, нормативные и интерпретационные и т. д.) [1, с. 260].

Например, приказ МВД России от 29 декабря 2021 г. № 1199 «Об утверждении Порядка и условий осуществления дополнительной специальной социальной выплаты медицинским и иным работникам, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» — смешанный правовой акт, так как п. 4 данного документа закрепляет индивидуальное предписание — контроль возложен на генерал-полковника полиции В. Д. Шулику.

Мы поддерживаем позицию Т. В. Кивленок в том, что смешанный правовой акт является нетипичным, хотя в науке существует дискуссионное мнение по этому поводу. Какова же цель издания данного нетипичного правового акта.

Во-первых, конкретной задачи, связанной с соединением нескольких юридических предписаний в одном документе, у законодателя нет. По нашему мнению, ключевым вопросом издания смешанного правового акта в данном случае выступает более рациональное использование времени и ресурсов.

Издание смешанных правовых актов значительно снижает бумажную волокиту и количество правовых актов, поэтому можно предположить, что целью его принятия выступает эффективное использование существующих возможностей для более быстрого и качественного решения поставленных перед федеральными органами государственной власти задач.

Следующим видом нетипичного правового акта, к которому хотелось бы обратиться, является предложенный А. С. Домченко документ, изданный в период чрезвычайной ситуации, требующей срочного решения [5, с. 11].

В данном случае ученый обращает внимание на то, что подзаконные акты в период экстренных ситуаций заменяют действующее законодательство, становятся основным инструментом регулирования общественных отношений.

Подтверждает данную точку зрения ситуация, связанная с распространением коронавирусной инфекции. Как отмечает Е. Ю. Архипова, количество подзаконных актов в этот период превышало издаваемые законы в 14 раз [6, с. 65].

Вернемся к вопросу о том, в чем же цель издания данного вида нетипичного правового акта. Попробуем предположить, что это связано с необходимостью срочного регулирования возникших общественных отношений. Процедура принятия подзаконных ведомственных актов проще, чем федеральных законов. Поэтому правовые акты меньшей юри-

дической силы становятся основными регуляторами отношений по конкретной проблеме федерального законодательства.

Разновидностью нетипичных правовых актов, к которым хотелось бы обратиться далее, выступают различные концепции, программы, доктрины, стратегии и т. д. Указанные документы являются нетипичными, так как, по мнению А. В. Малько и Я. В. Гайворонской, они не предоставляют субъективных прав, не налагают обязанностей, не определяют меры юридической ответственности, не изменяют правового статуса, не имеют юридических последствий, что свойственно типичным правовым актам [4, с. 4].

К рассматриваемым актам, с точки зрения Р. Л. Иванова, можно отнести также обращение — «квазиправотворческий акт, выражающий видение главой государства стратегических направлений развития России на ближайшую перспективу, в который включены положения политического, экономического, идеологического характера, а также конкретные предложения, касающиеся законотворческой деятельности парламента» [3, с. 7].

Исходя из изложенного, можно предположить, что целью издания указанных видов нетипичных правовых актов является закрепление позиций законодателя по поводу направления вектора реализации государственной политики. Данные акты обозначают актуальные проблемы, акцентируют внимание на значимых в определенный период времени задачах, национальных интересах, планах и приоритетах на долгосрочную перспективу.

Таким образом, многообразие видов нетипичных правовых актов порождает и различные цели их издания. Каждый из таких актов, не смотря на нехарактерные черты, свойства, признаки, функции, несет в себе определенный и значимый смысл их издания, который является ключевым при решении конкретных задач.

Список источников

1. Кивленок Т. В. Смешанные правовые акты как вид атипичных правовых актов // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 6.
2. Ижокин Р. А. Нетипичные правовые акты в регулировании личных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.
3. Иванов Р. Л. Квазиправотворческие акты и отношения в российской правовой системе // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 2(27).
4. Малько А. В., Гайворонская Я. В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1.

5. Домченко А. С. К вопросу о «нетипичных» административных актах // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2015. № 1.

6. Архипова Е. Ю. Развитие российского законодательства в условиях COVID-19 // Вестник Поволжского института управления. 2021. № 2.

И. Н. Астафьев

(Омская академия МВД России)

Механизм профилактики и правового регулирования ответственности за неповиновение законному требованию сотрудника полиции

Административные правонарушения в виде неповиновения законному требованию сотрудника полиции ослабляют авторитет власти и приводят к нарушению прав и законных интересов граждан. Правовая охрана служебной деятельности полиции имеет комплексный характер и обеспечивается нормами различных отраслей права — уголовного, административного, гражданского. Наиболее актуальной является административно-правовая охрана служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел [1, с. 43; 2, с. 9]. В настоящее время административно-правовая охрана служебной деятельности полиции обеспечивается достаточно большим количеством (11) специальных норм и одной общей нормой — ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ).

Неуклонный рост административных правонарушений по ст. 19.3 КоАП РФ (с 2018 по 2022 гг. рост составил 18,3%) может свидетельствовать о том, что применяемые меры профилактики и административной ответственности недостаточно эффективны и не обеспечивают предупреждение преступлений, связанных с применением насилия в отношении сотрудников полиции (рост преступлений по ст. 318 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) с 2018 по 2022 гг. составил 12,8%) [3, с. 84]. Наиболее часто административные правонарушения по ст. 19.3 КоАП РФ пресекают сотрудники патрульно-постовой службы полиции (61% от их общего количества) и участковые уполномоченные полиции (30%). В исследуемый период времени произошло увеличение на 29% административных правонарушений по ст. 19.3 КоАП РФ, пресеченных сотрудниками патрульно-постовой полиции, и на 8,6% — участковыми уполномоченными полицией [4, с. 3].

Нами обоснован механизм правового регулирования ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст. 19.3 КоАП РФ, который включает в себя меры профилактики (официальное предостережение), административные наказания (за впервые совершенное административное правонарушение и за повторное административное правонарушение), уголовное наказание (административная преюдиция).

В качестве мер профилактики предлагается применять официальное предостережение. Применение официального предостережения будет наиболее эффективным в отношении подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в изоляторах временного содержания органов внутренних дел.

Административное наказание в виде предупреждения (ст. 3.4 КоАП РФ) за впервые совершенные административные правонарушения, предусмотренные ст. 19.3 КоАП РФ, считаем применять нецелесообразно, так как данное административное правонарушение посягает на установленный порядок управления, имеет повышенную степень общественной вредности и относится к категории грубых [5, с. 94].

Административным законом не предусмотрена ответственность за повторное административное правонарушение, предусмотренное ст. 19.3 КоАП РФ. По результатам проведенного исследования нами предложено скорректировать общие правила назначения административного наказания (ст. 4.1 КоАП РФ). При назначении административного наказания за административные правонарушения, предусмотренные ст. 19.3 КоАП РФ, нами обоснована необходимость применения принципов индивидуализации и альтернативности, предложены конкретные способы реализации этих принципов.

Завершающей мерой в предлагаемом нами механизме правового регулирования ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст. 19.3 КоАП РФ, является административная преюдиция — уголовное наказание за совершение третьего и последующего административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.3 КоАП РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию, либо лицом, ранее привлекаемым к административной ответственности. По степени общественной опасности преступление с административной преюдицией может быть отнесено к преступлениям средней тяжести.

Перечисленные соподчиненные меры правового регулирования ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст. 19.3 КоАП РФ, позволят предотвращать преступления,

связанные с применением насилия в отношении сотрудника полиции (ст. 318 УК РФ).

Список источников

1. Соловей Ю. П. Теория и практика административно-правовой охраны деятельности милиции : учеб. пособие. Омск, 1987.
2. Дубровин А. К. Административная ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника милиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
3. Астафьев И. Н. Современная правоприменительная практика обеспечения административно-правовой охраны деятельности полиции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 2(64).
4. Астафьев И. Н. Пресечение сотрудниками различных подразделений полиции административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.3 КоАП РФ // Полицейская и следственная деятельность. 2023. № 1.
5. Бабкин И. С. Классификация административных правонарушений и категорий риска причинения вреда (ущерба) в свете проведения административной реформы: проблемы взаимосвязи // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2021. № 2.

Гукова Н. А.

(Омская академия МВД России)

Наказание за незаконную передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в местах лишения свободы

Изоляция лиц, совершивших противоправные деяния, на протяжении всей истории правоохранительной деятельности государства была и остается одной из самых эффективных мер профилактики противоправного поведения. Лишение свободы всегда влечет существенные ограничения прав и свобод граждан, в том числе связанных с передачей предметов и вещей, находящихся в гражданском обороте. Согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) и Уголовному кодексу Российской Федерации (далее — УК РФ) предусмотрена ответственность за передачу запрещенных предметов лицам, находящимся в местах лишения свободы.

До 1997 г. предусматривалась ответственность по ст. 188⁴ УК РСФСР [1] за незаконную передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительно-трудовых учреждениях, следственных изоляторах,

воспитательно-трудовых, лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториях. За совершение указанного деяния налагалось наказание в виде лишения свободы, исправительных работ и штрафа.

Одной из новелл УК РФ 1997 г. стала декриминализация рассматриваемого состава. Данное деяние стало представлять собой лишь административное правонарушение.

В настоящее время, как показывает практика, наиболее распространенными предметами, передаваемым лицам, содержащимся в специальных учреждениях, считаются мобильные телефоны и комплектующие к ним. Они являются не только средствами коммуникации, с их помощью совершаются преступления (например, дистанционные мошенничества). Кроме того, поддерживаются связи с лицами, занимающимися преступной деятельностью, за пределами специальных учреждений, координируется деятельность преступных организаций. Используя средства мобильной связи, заключенные могут оказывать воздействие на свидетелей преступления, потерпевших и их родственников путем шантажа, запугивания. Тем самым негативное влияние распространяется на процесс отправления правосудия, что представляет непосредственную угрозу не только деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы и изоляторов временного содержания, но и общественной безопасности в целом.

В последнее время неоднократно поднимался вопрос об усилении административной ответственности и внесении изменений в УК РФ, а также о признании передачи незаконных предметов лицам, находящимся в специальных учреждениях, преступлением. Такие предложения нашли свое воплощение в Федеральном законе от 19 декабря 2023 г. № 596-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», в соответствии с которым передача либо попытка передачи запрещенных предметов влечет наложение административного штрафа в размере от пяти до десяти тысяч рублей (ч. 1 ст. 19.12 КоАП РФ), а за передачу средств мобильной связи и иных средств коммуникации от двадцати пяти до пятидесяти тысяч рублей (ч. 2 ст. 19.12 КоАП РФ). Положительным является установление статьей 321¹ УК РФ ответственности за повторную передачу или попытку передачи средств связи в места, предназначенные для изоляции, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

Однако полагаем, что увеличение суммы штрафа не является эффективным, т. е. не обеспечивает выполнения профилактической функции

наказания. Нередко лица, подвергнутые наказанию в виде административного штрафа, просто игнорируют исполнение наказания. За некоторые действия КоАП РФ устанавливает ответственность по ч. 1 ст. 20.25 «Уклонение от исполнения административного наказания» и признает альтернативную санкцию в виде штрафа, административного ареста либо обязательных работ. Субъектами правонарушения чаще всего становятся неработающие лица маргинального типа, осуществляющие посреднические функции за небольшое денежное вознаграждение. Как правило, за данное правонарушение назначается административный штраф, который правонарушитель не в состоянии оплатить. В целях соблюдения принципа неотвратимости наказания, предупреждения совершения аналогичных правонарушений, воспитательного воздействия на лиц, содержащихся под стражей, а также сокращения издержек на производство по делу об административном правонарушении считаем необходимым дополнить санкции ст. 19.12 КоАП РФ альтернативными видами наказания — обязательными работами или административным арестом.

Список источников

1. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40.

Е. Г. Ергашева

*(Дальневосточный юридический институт МВД России
имени И. Ф. Шилова, г. Хабаровск)*

Перспективы развития законодательства в сфере деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав

На современном этапе развития Российского государства представляется необходимым проводить профилактику преступности лиц, не достигших возраста 18 лет, поскольку количество общественно опасных деяний, совершаемых этой категорией, несмотря на общее снижение, остается высоким. Обращаясь к статистическим данным, отметим, что 2023 г. характеризуется весьма низкими показателями (19884) [1, с. 56] в сравнении с аналогичными периодами 2020–2022 гг. (33575, 29126, 26305 соответственно) [2, с. 59].

Одним из основных субъектов профилактики правонарушений и иных антиобщественных действий выступают комиссии по делам несо-

вершеннолетних и защите их прав (далее — КДНиЗП), на которые возложены полномочия по профилактике преступности несовершеннолетних, бродяжничества, беспризорности, проведению бесед с родителями или лицами, их заменяющими.

Создание КДНиЗП обусловлено следующими факторами:

1) высоким уровнем противоправных деяний, совершаемых несовершеннолетними;

2) необходимостью контроля и координации действий иных органов системы профилактики;

3) важностью наличия отдельного органа, который обеспечивал бы права и законные интересы лиц, не достигших возраста 18 лет; взаимодействовал с родителями или лицами, их заменяющими; проводил мероприятия по борьбе с бродяжничеством, попрошайничеством, побегами из дома; рассматривал дела об административных правонарушениях, совершаемых данной категорией лиц.

КДНиЗП выполняет достаточно большой объем функций по сравнению с иными органами системы профилактики, например:

1) анализируют оперативную информацию о несовершеннолетних на конкретной территории и передают сведения органам местного самоуправления для проведения дальнейшей работы;

2) проводят мероприятия по ликвидации причин и условий преступности, правонарушений;

3) выявляют лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками;

4) устанавливают места скопления несовершеннолетних, характеризующихся антиобщественным поведением.

Деятельность КДНиЗП регламентируется федеральным законодательством и нормативно-правовыми актами, принимаемыми на региональном уровне. Важно подчеркнуть, что субъекты Российской Федерации наделяются достаточными полномочиями по расширению задач, направлений работы и определению ответственности в отношении конкретных категорий лиц.

Законодательство в сфере регулирования деятельности КДНиЗП, на наш взгляд, является слабо развитым, поскольку не закреплены основополагающие моменты:

1) размыт правовой статус КДНиЗП, в соответствии с чем предлагаем закрепить его в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», представив в следующем виде: «КДНиЗП — орган исполнительной власти, деятельность которого осуществляется на воз-

мездной основе. В ее состав входят представители руководителей органов системы профилактики правонарушений, девиантного поведения несовершеннолетних, а также родители или лица, их заменяющие, в целях снижения уровня преступности, устранения причин и условий, способствующих этому»;

2) отсутствует перечень полномочий, закрепленных за каждым членом КДНиЗП, что не позволяет определить, какие функции законодательно возложены на представителей системы здравоохранения, образования, социальной защиты и др. Как следствие, возникает вопрос, в чьи обязанности это входило и кто несет ответственность за бездействие, в связи с чем необходимы уточнения в упомянутом федеральном законе;

3) отсутствуют нормы, устанавливающие форму удостоверения для представителей КДНиЗП. Сейчас этот вопрос регулируется на уровне субъектов. Предлагаем закрепить это в федеральном законе, утвердив единые требования для всех регионов;

4) поскольку члены КДНиЗП выполняют функции на добровольной основе безвозмездно, то их качество не отвечает предъявляемым требованиям: большой объем задач вынужден осуществлять секретарь, должность которого является единственной финансируемой (оплачиваемой). Целесообразно рассмотреть вопрос об установлении оплаты за участие в заседаниях комиссии для ее членов.

Таким образом, подчеркнем, что современные реалии требуют внесения изменений в действующее законодательство в целях конкретизации правового статуса, полномочий членов КДНиЗП, закрепления на федеральном уровне значимых моментов (ответственности за воспрепятствование законной деятельности членов КДНиЗП, формы удостоверения специалиста и др.).

Список источников

1. *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 г.* URL: мвд.рф/reports (дата обращения: 12.02.2024).

2. *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 г.* URL: мвд.рф/reports (дата обращения: 12.02.2024).

Е. В. Ковалева

(Омская академия МВД России)

О возможности применения специальных средств при вскрытии транспортных средств сотрудниками органов внутренних дел

Глава 4 Федерального Закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон о полиции) устанавливает порядок применения отдельных мер государственного принуждения. В ходе осуществления своих полномочий по применению мер государственного принуждения сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с рядом сложностей. Это подчеркивает актуальность проблем, связанных с государственным принуждением в рамках их деятельности. Так, одной из последних введенных мер является вскрытие транспортных средств. Данная процедура закреплена в ст. 15.1 Закона о полиции, она наделяет сотрудников органов внутренних дел полномочиями, предусматривающими возможность проникновения в транспортные средства для осуществления определенных действий.

Анализируя положения указанной нормы права, включающей в себя основания применения отдельной меры принуждения, видим, что одним из вопросов, который требует более детального изложения, является порядок осуществления вскрытия транспортного средства, а именно, способы и средства вскрытия. Так, в аналогичной мере принуждения «проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории» (ст. 15 Закона о полиции) регламентировано, что «...сотрудник полиции вправе при необходимости произвести взлом (разрушение) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в указанные помещения...». В статье 15.1 Закона о полиции не указано, какие части автомобиля могут быть повреждены для доступа в салон. Кроме того, не установлены требования по минимизации ущерба, наносимого имуществу, при осуществлении вскрытия.

В настоящее время правоприменительная практика вскрытия транспортных средств сводится к минимуму. Это обусловлено причиной нарушения целостности автомобиля, вторжением в права гражданина, что подтверждает проведенное нами анкетирование слушателей заочной формы обучения (62 респондента) и факультета первоначальной подготовки (действующие сотрудники ГИБДД — 40 респондентов) Барнаульского юридического института МВД России. Обобщив

ответы на вопрос анкеты «Причина, по которой не применяется мера принуждения „вскрытие транспортных средств“», приходим к выводу, что сотрудники полиции не применяют данную меру, так как она связана с нарушением целостности автомобиля, жалобами владельцев автотранспорта, отсутствием четкого алгоритма действий при ее применении (например, каким способом и какие части автомобиля вскрывать). На основании изложенного нам видится, что боязнь нарушения законодательства, отсутствие четких способов и средств снижает эффективность ст. 15.1 Закона о полиции. Следовательно, представляется важным уточнить условия для осуществления вскрытия транспортного средства, включая методы доступа к нему, а также подробно определить процедуру, которую должны соблюдать сотрудники при реализации данной меры государственного принуждения. Анкетирование также показало, что в одном из случаев, когда применяли данную меру принуждения, полицейские производили вскрытие транспортного средства путем механического повреждения замка. Аналогичным способом вскрывают автомобили сотрудники МЧС с помощью различных специальных средств, например таких, как гидравлический аварийно-спасательный инструмент, используемый для разрезания аварийных деформированных транспортных средств и металлоконструкций при разборке завалов, особенно в местах, где условия не позволяют применять электрический инструмент.

На основании изложенного выше возникает вопрос о целесообразности дополнения ч. 1 ст. 21 Закона о полиции в части применения специальных средств для повреждения запирающих устройств, элементов и конструкций, мешающих доступу в транспортное средство. Данную норму права можно изложить в следующей редакции:

«1. Сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять специальные средства в следующих случаях:

13) для разрушения запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в транспортные средства по основаниям, предусмотренным статьей 15.1 настоящего Федерального закона;

2. Сотрудник полиции имеет право применять следующие специальные средства:

16) средства вскрытия транспортных средств — в случаях, предусмотренных пунктом 13 части 1 настоящей статьи.»

Подводя итог анализу, можно отметить, что организационно-правовая база для осуществления такой меры государственного при-

нуждения, как вскрытие транспортного средства, является недостаточно развитой, что ограничивает ее практическое применение в работе правоохранительных органов, вместе с тем требуя дополнительных разъяснений и положений норм законодательства, в том числе реализации предложенной нами новой редакции ст. 21 Закона о полиции.

В. В. Кривушин

(Омская академия МВД России)

Роль преемственности в формировании института дисциплинарной ответственности

Социально-историческое развитие как процесс непрерывного движения поколения является своего рода контекстом для определения жизнеспособности меняющихся ценностей общества на том или ином историческом этапе. Учитывая исторические изменения и связанные с ними социокультурные трансформации общества, очень важно во всех сферах жизни страны прибегать к использованию многолетнего опыта. Все эти факторы дают нам почву для попытки разобраться в природе преемственности процессов, происходящих в обществе, в том числе и в административной деятельности. Изучение того или иного события или явления в правовом контексте, в том числе и дисциплинарной ответственности государственных служащих, а также процесс его модернизации невозможны без обозначения эволюционных этапов динамики норм права в истории юридической практики [1].

Для того чтобы точно определить сущность дисциплинарной ответственности, нужно понимать историю ее возникновения и становления.

Авторы исторической литературы показывают нам, что понятие «ответственность» появилось вместе с возникновением трудовой деятельности человечества, отражая тем самым моральную составляющую этого термина.

Первым нормативным документом, включившим государственную гражданскую службу в отдельную сферу и определившим понятие дисциплинарной ответственности государственных служащих, стал «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины», учрежденный указом Петра I от 24 января 1722 г. Данный документ, помимо разделения чиновников, формировал правила поведения и меры наказания за нарушения установленных правил [2, с. 132].

8 апреля 1782 г. институт административной деятельности снова подвергся переменам. Так, Екатериной II был принят Устав Благочиния или Полицейский. Документ можно считать первым законодательным актом, который посвящен полиции. В нем были четко определены требования к государственным служащим, структура и обязанности полиции [3].

Важным этапом в истории развития дисциплинарной ответственности стал советский период. В ходе установления республиканского строя уровень законности в государственных органах значительно снизился. Чтобы повысить уровень дисциплины в то время были созданы дисциплинарные суды, дисциплинарные товарищеские суды, а также был закреплён перечень дисциплинарных взысканий.

В современном понимании дисциплинарная ответственность, применительно к системе органов внутренних дел (далее — ОВД), является особым и наиболее распространенным видом юридической ответственности, принимая во внимание тот факт, что сотрудники ОВД обладают особым статусом государственного служащего. Применение мер дисциплинарной ответственности в отношении сотрудников ОВД в настоящее время регламентируется Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1377, приказом МВД России от 6 мая 2013 г. № 241 «О некоторых вопросах применения мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий в органах внутренних дел Российской Федерации» и др.

Являясь одним из действенных инструментов правоохранительной системы в части повышения уровня служебной дисциплины и обеспечения законности в ОВД, в условиях настоящего исторического этапа в жизни нашей страны данный блок административной деятельности также требует постоянного реформирования в целях повышения эффективности правового регулирования. Продолжение этого процесса возможно при условии использования накопленного ранее опыта, не утратившего своей актуальности и в наше время. Не стоит путать «преемственность» с понятием «повторяемость», так как преемственность гораздо шире. Преемственность — это не только сохранение и удержание, но и отвержение некоторых аспектов предшествующего развития, сохранение тем самым обретенного наследия и использование его на качественно новом уровне.

Основываясь на изложенных фактах, проанализировав исторические перемены в становлении института дисциплинарной ответственности гражданских служащих, можно говорить о том, что законодательство дореволюционного периода создало хорошую базу для современных институтов, значительная часть содержащихся в них постулатов находит свое отражение в действующих российских законах.

Учет исторического опыта при реформировании государственной службы позволит не допустить ошибок, которые уже совершили наши предшественники, сократив при этом путь к совершенствованию.

Список источников

1. Рубанов В. Г. Понятие «Преемственность» и его социальное измерение. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-preemstvennost-i-ego-sotsialnoe-izmerenie/viewer> (дата обращения: 15.02.2024).

2. Уржумцев Д. А. История развития института дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих в России // Российская государственность в XXI веке (государственно-правовые институты и политические процессы в России: прошлое, настоящее, будущее) : сб. статей всерос. науч.-практ. конф. Киров, 2018.

3. Артюхова А. В., Соколова Ю. А. История становления института дисциплинарной ответственности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-instituta-distsiplinarnoy-otvetstvennosti/viewer> (дата обращения: 15.02.2024).

С. В. Литвякова

(Омская академия МВД России)

Защита здоровья детей и действующее антитабачное законодательство

В целях защиты населения от пагубного воздействия потребления табачной и иной содержащей никотин продукции в Российской Федерации применяется блок нормативных правовых актов, который можно определить как антитабачное законодательство. После введения отдельных запретов и ограничений в сфере оборота и потребления табака количество курильщиков в возрастной группе старше 15 лет неуклонно сокращается, в 2019 г. их численность составляла 24,2%, в 2022 г. — 21,5%, а в 2023 — 21,1% [1]. За последние пять лет доля потребителей сократилась на 3,7 млн человек, что подтверждает эффективность национального антитабачного законодательства.

По данным официальной статистики, за годы действия антитабачного законодательства распространенность курения в стране неуклонно снижается, однако на смену классическому способу потребления никотина пришли альтернативные варианты. Например, популярность получили электронные сигареты и вейпы. Необходимо отметить, что с появлением эпохи электронных систем для курения в числе их приверженцев насчитывался относительно небольшой процент населения. В 2019 г. их употребляли всего 0,1%, но уже в 2022 г. количество любителей увеличилось до 3,6%, в 2023 г. — до 3,7% или 4,5 млн человек. Цифры наглядно свидетельствуют, что электронные системы с каждым годом становятся все более распространенными [2].

Особую обеспокоенность вызывает то, что наибольшую востребованность такая продукция получила среди молодежи. Из 23,5 млн курильщиков около 3,5–4 млн используют электронные сигареты, а это около 15% [2].

В ходе исследования проведен опрос 30 сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, каждый из которых пояснил, что неоднократно выявлял факты потребления вейпов детьми. Тревогу вызывает то, что минимальный возраст выявленных полицейскими курильщиков — от 7 лет. По данным Росстата, почти каждый пятый российский подросток употребляет никотин [3].

Одним из основных критериев, позволяющих определить эффективность деятельности государства по созданию условий для дальнейшего развития, является охрана здоровья населения, прежде всего детей [4]. Каждый ребенок требует к себе пристального внимания, а в современных условиях дети нуждаются в особой защите. Одной из угроз выступает наличие самой возможности потребления ими веществ, причиняющих вред здоровью. Такая продукция, разрушая тело и психику подростка, является непреодолимой преградой к полноценному формированию его личности.

Полагаем, что установление законодательного запрета на продажу электронных сигарет и ароматизированных электронных устройств для курения в нашей стране, а также введение строгих мер административной ответственности за его нарушение защитит здоровье несовершеннолетних.

В соответствии с общими принципами государственной политики в интересах детей [5] и целями концепции ее осуществления в сфере противодействия потреблению россиянами табака [6] предложенные изменения антитабачного законодательства смогут оградить детей от воз-

возможности потреблять вещества, представляющие опасность для не сформированного организма ребенка, и будут способствовать надлежащему физическому и духовному развитию будущего полноценного члена общества.

Список источников

1. URL: <https://ngs.ru/text/health/2024/03/24/73368698> (дата обращения: 13.03.2024).

2. URL: <https://ngs.ru/text/economics/2024/02/08/73205330/> (дата обращения: 13.03.2024).

3. URL: <https://msk1.ru/text/incidents/2022/11/28/71851151/> (дата обращения: 13.03.2024).

4. Чанурко Т. М. Государственная политика в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-sfere-zaschity-prav-i-interesov-nesovershennoletnih> (дата обращения: 13.09.2023).

5. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака и иной никотинсодержащей продукции в РФ на период до 2035 г. и дальнейшую перспективу : распоряжение Правительства РФ от 18 ноября 2019 г. № 2732-р.

Е. С. Молоков

*(Дальневосточный юридический институт МВД России
имени И. Ф. Шилова, г. Хабаровск)*

К вопросу о нормативном употреблении и этимологии слов «дисциплина» и «ответственность» в правоохранительных органах Российской Федерации

Дисциплина по своей правовой природе является неотъемлемой частью профессионально-служебной деятельности субъектов правоохранительных органов Российской Федерации. Дисциплина как инструмент правового регулирования абсолютно необходима для исправного функционирования и поддержания порядка в вопросах, касающихся службы в целом. Ключевыми факторами поддержания данного механизма являются: профессионализм «хорошего» руководителя; понятные

и урегулированные взаимоотношения между сослуживцами; справедливое и в то же время объективное применение мер карательного воздействия (наказания) [1, с. 12].

Дисциплина — это, прежде всего, некий сформированный или общепринятый порядок поведения людей, который берет свое начало в период становления норм этикета и морали, в соответствии с установленными требованиями норм права, службы или организации.

Необходимо отметить, что на законодательном уровне в настоящее время не закреплены понятия «дисциплины» и «ответственность», применяемые к сотрудникам различных подразделений и служб правоохранительных органов. Для того чтобы понять нормативное употребление словосочетания «дисциплинарная ответственность», необходимо обратиться к словарям. Основная цель толковых словарей заключается в толковании значения слов, необходимых не только для студентов, ученых, но и для представителей власти.

Так как «дисциплина» стоит перед «ответственностью», то совершенно справедливо будет рассмотреть их в последовательном порядке.

В переводе с латинского языка *disciplina* — строгий порядок. Слово «дисциплина» было заимствованно в начале XVIII в. в период правления Петра I. Первоначально оно употреблялось в значении «наука», «обучение», лишь спустя время слово трансформировалось в окончательный вариант [2, с. 52].

Согласно словарю С. И. Ожегова «дисциплина» — это обязательное для всех членов какого-нибудь коллектива подчинение установленному порядку, правилам [3, с. 167].

В словаре В. И. Даля «дисциплина» трактуется как воинское повиновение, послушание, порядок подчиненности, чинопочитание [4, с. 496].

На первый взгляд кажется, что каждое определение автономно, но все же в каждом из них есть ключевой центральный элемент — порядок. Порядок выступает первоисточником формирования дисциплины в любом коллективе, а также самодисциплины в собственном поведении и отношении внутренних и внешних обстоятельств, стоящих перед человеком.

Как ни странно, но нормативного закрепления слова «ответственность» в российской правовой доктрине нет, этимологические словари тоже не раскрывают его происхождения.

В словаре С. И. Ожегова слово «ответственность» разъясняется как необходимость, обязанность отдавать кому-нибудь отчет в своих действиях, поступках.

Таким образом, мы видим, что существование и практическая реализация юридической дисциплинарной ответственности должностных лиц как мера государственного принуждения выступает показателем культурно-правового развития не только государства, но и характеризует этап становления общественных отношений посредством их взаимодействия.

Список источников

1. *Вергилес Э. В.* Анализ принципов управления Анри Файоля. М., 2002.
2. *Семёнов А. В.* Этимологический словарь русского языка. Серия: «Русский язык от А до Я». М., 2003. 704 с.
3. *Толковый словарь русского языка / с. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2007.*
4. *Даль В. И.* Толковый словарь великого русского языка. М., 2010.

В. В. Перцев

(Омская академия МВД России)

Воздушный маршал как субъект обеспечения безопасности на борту воздушного судна

Воздушный транспорт пользуется большой популярностью в мире. Это обуславливается тем, что авиатранспорт позволяет в максимально короткий срок доставить пассажиров или грузы в пункт назначения. Пассажиропоток на авиатранспорте за январь-февраль 2021 г. составил 10 457 646 человек, за январь-февраль 2022 г. — 14 008 992, что на 3 551 346 человек больше [1]. Увеличение пассажиропотока может способствовать росту административных правонарушений, совершаемых на объектах транспорта. Однако согласно сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД России за январь-декабрь 2022 г. сотрудниками подразделений полиции на транспорте пресечено 601 650 правонарушений, за аналогичный период 2023 г. — 571 036 правонарушений [2]. Статистические сведения позволяют сделать вывод, что количество административных правонарушений снижается, однако данные правонарушения обладают повышенной опасностью, так как совершаются на объектах транспортной инфраструктуры, к которым относятся воздушные суда.

Ведущее место в противодействии подобным деликтам отводится следующим субъектам: подразделениям полиции на транспорте, входя-

щим в состав МВД России, Минтрансу России, МЧС России, ФСБ России, ведомственной охране МВД России и др. Однако указанные субъекты обеспечивают безопасность на воздушном судне только по прилету в аэропорт назначения. Авиационный персонал, находящийся во время полета на борту воздушного судна, согласно ч. 1 ст. 52 Воздушного кодекса Российской Федерации имеет профессиональную подготовку по обеспечению безопасности полетов воздушных судов или авиационной безопасности [3]. Члены экипажа по распоряжению командира воздушного судна вправе пресекать противоправные действия, в том числе используя специальные средства сдерживания, находящиеся на борту воздушного судна. Указанные действия не всегда могут решить проблему угрозы безопасности и предотвратить противоправные деяния. Поэтому возникает необходимость в регулировании данной деятельности и внесении новелл, которые поспособствуют решению указанных проблем.

В современных реалиях большую популярность по всему миру набирает создание особого института воздушных маршалов как субъекта обеспечения безопасности на борту воздушного судна во время полета. В США данная служба, известная как *Federal air marshals*, существует с 1962 г. Ее сотрудники под видом обычных пассажиров находятся на борту самолета и осуществляют наблюдение. При возникновении потенциально опасных ситуаций, угрожающих безопасности полета, или действий, нарушающих установленные правила поведения на борту воздушного судна, предотвращают и пресекают правонарушения [4, с. 195].

В Российской Федерации вопрос о создании службы воздушных маршалов не раз поднимался не только учеными, но и сотрудниками различных ведомств, в том числе обеспечивающими общественную безопасность на объектах транспортной инфраструктуры. Так, Следственный комитет Российской Федерации выступал с инициативой создания института воздушных маршалов в 2019 г., которая до настоящего времени не реализована [5].

По нашему мнению, создание в Российской Федерации института воздушных маршалов может оказать положительное влияние как на обеспечение безопасности на борту воздушного судна, так и в стерильных зонах аэропорта. Граждане, пользующиеся услугами авиации, будут заведомо знать о существовании данной службы, что станет сдерживающим фактором при совершении противоправных деяний. Однако если противоправное деяние все-таки было совершено на борту воздушного судна, то воздушные маршалы прекратят деяния, задержат

правонарушителя и применяют к нему необходимые меры принуждения, что с положительной стороны повлияет на обеспечение безопасности на борту воздушного судна во время его нахождения в воздушном пространстве.

Список источников

1. URL: <https://favt.gov.ru/deyatelnost-vozdushnye-perevozki-perevozki-passazhirov/> (дата обращения: 17.03.2024).
2. *Главный* информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации.
3. *Воздушный* кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. *Зубков Б. В., Бочкарев А. Н.* Современные проблемы и риски в деятельности гражданской авиации, новые компетентные методы и средства обеспечения авиационной безопасности // Научный вестник МГТУ ГА. 2007. № 122.
5. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2019742249-3z3nn.html> (дата обращения: 17.03.2024).

Ю. М. Сабадаш

(Омская академия МВД России)

Некоторые процессуальные проблемы привлечения несовершеннолетних к административной ответственности

Производство по делам об административных правонарушениях представляет собой вид правоприменительной деятельности, осуществляемой различными государственными органами, в том числе судом.

Несовершеннолетние как лица, в отношении которых ведется производство, обладают некоторыми дополнительными процессуальными гарантиями в силу своего особого правового статуса. Однако отдельные положения законодательства вызывают вопросы.

Во-первых, большинство дел об административных правонарушениях рассматриваются специальными органами — комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — КДНиЗП, комиссии). Правовой статус таких коллегиальных государственно-общественных органов довольно специфичен, поскольку они, не являясь органами публичной власти, от имени государства рассматривают дела об административных правонарушениях и выносят по ним решения [1, с. 58]. Эти комиссии в силу содержания ст. ст. 23.2 и 23.3 Кодекса Российской Феде-

рации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) обладают практически полной юрисдикцией в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

В виде исключения закон предусматривает всего два административных правонарушения в области дорожного движения, которые по усмотрению сотрудников органов внутренних дел могут быть переданы для принятия решения в КДНиЗП (ч. 2 ст. 23.2 КоАП РФ), ответственность за совершение которых предусматривает возможность назначения административного ареста.

Так как комиссии предназначены для привлечения к административной ответственности несовершеннолетних, норма, позволяющая по своему усмотрению сотрудникам ГИБДД направлять дела о нарушениях правил дорожного движения, не соответствует принципам специализации и распределения функций и полномочий [2, с. 149]. На практике в основном такие дела не передаются комиссиям по делам несовершеннолетних, если они рассматриваются сотрудниками ГИБДД.

С учетом особенностей правового положения комиссий необходимо закрепить за ними рассмотрение всех дел об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, включая нарушение правил дорожного движения. Исключение нужно для тех случаев, когда невозможно вынести решение без разбирательства в суде.

Другой процессуальной проблемой выступает исключительная территориальная подведомственность дел об административных правонарушениях (по месту жительства лица). Исходя из норм Закона «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», местом жительства является то место, где лицо зарегистрировано [3].

На основании постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» по ходатайству лица, в отношении которого ведется дело, изменить подсудность невозможно [4].

Однако на практике уже давно существует правило, что дела рассматриваются по месту фактического проживания несовершеннолетнего, так как это дает больше гарантий защиты несовершеннолетним. Иными словами, правоприменение отошло от буквы закона к более эффективно-му рассмотрению дела по месту фактического проживания несовершеннолетнего. Считаем, что это необходимо отразить в законе.

Третьей проблемой является отсутствие регулирования положений, касающихся несовершеннолетних иностранных граждан, совершивших административные правонарушения на территории России, если они находятся на территории нашей страны временно. С учетом положений ст. ст. 23.2, 25.3, 29.5 КоАП РФ надлежащим образом привлечь к ответственности без создания механизма рассмотрения дела без участия законных представителей и по месту совершения административного правонарушения иностранных несовершеннолетних граждан не представляется возможным.

Таким образом, правовое регулирование привлечения к административной ответственности несовершеннолетних не лишено проблем. Их решение позволит более эффективно противодействовать правонарушениям несовершеннолетних.

Список источников

1. *Спесивов Н. В., Морковская К. С.* Правовой статус и полномочия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав на этапе исполнения актов, вынесенных ими и судами // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1(138).

2. *Давыдов К. В.* Принципы административного права: к построению универсальной системы // Вестник ВГУ. Серия: «Право». 2019. № 4(39).

3. *О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации* : закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5.

Е. И. Сотникова

(Омская академия МВД России)

К вопросу о субъекте административного правонарушения, предусмотренного статьей 5.35 КоАП РФ

Административная ответственность всегда носит персонифицированный характер. То есть субъект, привлекаемый к ответственности, обладает признаками индивидуальности и конкретности [1, с. 51]. Общим субъектом административных правонарушений признается вменяемое

физическое лицо, достигшее к моменту правонарушения возраста административной ответственности. В данном определении приводится минимальный набор признаков, которыми должно обладать привлекаемое к административной ответственности лицо.

Наряду с общим субъектом, в теории принято выделять специальный субъект административного правонарушения, который обладает признаками общего субъекта и дополнительными признаками [2, с. 109]. Эти характеристики зафиксированы в диспозиции конкретного состава и вытекают из сути противоправного деяния.

Административное правонарушение, связанное с неисполнением родителями или иными законными представителями обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних (ст. 5.35 КоАП РФ), включает социально-демографический признак, а именно, семейно-родственные отношения. Таким образом, в анализируемом нами составе закреплён специальный субъект.

Вторым дополнительным признаком специального субъекта указанного правонарушения, по нашему мнению, выступает их возраст. Убеждены, что административная ответственность родителей должна наступать с 18 лет, т. е. правонарушителю необходимо обязательно достичь совершеннолетия. Его несовершеннолетие исключает возможность применения репрессивного механизма. Единственно допустимыми в силу ограниченной дееспособности обоих молодых родителей мерами воздействия должны стать такие методы, как убеждение, помощь, индивидуальная профилактическая работа со стороны органов системы профилактики и безнадзорности правонарушений несовершеннолетних. Воспитание и побуждение к правомерному поведению, формирование у них установок на принятие традиционных семейных ценностей — вот главные составляющие добровольного и осознанного исполнения несовершеннолетними родителями обязанностей заботиться о своем ребенке. Таким образом, несовершеннолетие родителей должно рассматриваться как обстоятельство, исключающее административную ответственность, замену которой составит применение к ним мер воспитательного, стимулирующего и иного созидательно-профилактического воздействия.

Полагаем, что анализируемый нами юридический состав может быть расширен и конкретизирован за счет включения самостоятельной части, предусматривающей юридическую ответственность родителей или иных законных представителей, в случае если несовершеннолетний совершил: административное правонарушение либо преступление, а также антиоб-

щественное деяние в виде попрошайничества или бродяжничества. При этом считаем правильным привлекать родителей к административной ответственности за любое преступление, совершенное ребенком. Но к административным правонарушениям следует подходить избирательно, предусмотрев в предлагаемой нами диспозиции перечень конкретных противоправных деяний. Родители должны привлекаться к административной ответственности за серьезные умышленные правонарушения, совершенные несовершеннолетними, например, побои, незаконный оборот и потребление наркотических средств и психотропных веществ, мелкое хищение, неповиновение законному распоряжению представителя власти, мелкое хулиганство и появление в общественном месте в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность.

Список источников

1. Денисенко В. В. Философско-правовой анализ административно-деликтных отношений // Философия права. 2000. № 2(2).
2. Дерюга А. Н. Проблемы правоприменения материальных норм КоАП РФ, направленных на защиту прав несовершеннолетних // Современное право. 2009. № 9.

К. В. Степина

(Омская академия МВД России)

Аспекты взаимодействия России с межгосударственным объединением ОПЕК

Объединение стран-экспортеров нефти (ОПЕК) представляет собой международную межправительственную организацию, которая была сформирована нефтедобывающими развивающимися государствами и имеет более чем 60-летнюю историю. Создание ОПЕК стало возможным в силу национализации нефтегазовых отраслей в странах третьего мира, вследствие чего существовавшие западные компании лишились возможности добычи и эксплуатации ресурсов в Северной Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

Россия, являясь одной из ведущих нефтедобывающих стран, долгие годы тесно сотрудничала с ОПЕК. Несмотря на исторически непростые взаимоотношения между ОПЕК и Россией, связанные в том числе и с отказом во вступлении по объективным причинам, — страна-участница должна быть развивающейся, а экономика основана на нефти, их взаимо-

действие является неотъемлемым аспектом современного устойчивого и плодотворного функционирования на международной арене.

С 1998 г. Россия принимала участие в работе сессий Конференции министров нефти стран — членов ОПЕК в качестве наблюдателя. Следует также отметить, что регулярно проходят совместные заседания экспертов высокого уровня России и стран — членов ОПЕК.

Деятельность ОПЕК преследует ряд целей, а именно, координацию деятельности и выработку общей политики, касающейся добычи нефти, стабилизации цен на мировом рынке, обеспечения стабильного снабжения стран-потребителей.

Необходимо подчеркнуть, что за последние годы существенно увеличилась доля государств — членов ОПЕК в экспорте сжиженного газа.

В 2018 г. было подписано соглашение между 24 государствами, включая страны — члены ОПЕК и Россию, о сокращении объемов добычи нефти, направленное на стабилизацию цен на мировом рынке нефти.

В настоящее время проводится политика добровольного сокращения добычи сверх квот, что на 2024 г. суммарно составило 1,66 млн баррелей в сутки, из которых 500 тыс. приходится на Российскую Федерацию — 300 тыс. баррелей на нефть и 200 тыс. на нефтепродукты [1].

Ежемесячно ОПЕК проводит оценку состояния мировой экономики и выпускает отчеты, освещающие основные события на нефтяном рынке, динамику цен на сырую нефть, мировой спрос и предложение нефти, рынков танкеров, баланс спроса и предложения.

Список источников

1. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20404009?ysclid=luiq0bwv7874641149> (дата обращения: 02.04.2024).

В. Д. Терских

(Омская академия МВД России)

Обычное право как предмет юридического исследования в XIX столетии: к постановке вопроса

Сегодня мы являемся свидетелями процесса преобразования практически всех сфер человеческой жизни, видим, как происходит ломка традиционных отношений и осуществляется поиск новых форм существования человеческого сообщества. Состояние современной юридической науки характеризуется многоаспектностью исследований [1, с. 4]. Одной из наиболее актуальных сфер научного поиска выступает изуче-

ние закономерностей научного познания в контексте исторического развития общества и культуры.

В отечественной юриспруденции процесс изучения этнокультурных традиций, в частности обычного права, отчасти уже запущен. Об этом свидетельствуют работы, посвященные этой теме [2, с. 4–6; 3, с. 19–23]. Проблема становления и развития российского обычного права нашла широкое освещение в трудах как теоретического, так и историко-правового характера. Эти работы в основном направлены на исследование обычая и обычного права как явления, юридическая историография раскрывается слабо, лишь как дополнение к общим теоретико-историческим выводам.

Однако нам представляется, что современная наука, накопив богатейший опыт теоретико-исторических исследований, нуждается в критическом осмыслении этого опыта, который как ничто иное позволяет увидеть перспективы не только дальнейшего становления самой науки, но и политико-правового развития российского государства и права, определить закономерности этого процесса, оценить с реалистических позиций особенности современного периода. Прошлое и будущее науки не изолированы друг от друга, а, напротив, соединены множеством причинно-следственных связей. Научный поиск есть в первую очередь анализ научных знаний многих поколений юристов. Изучение исторического наследия науки и его адаптация к современным целям лежат в основе одного из новых междисциплинарных направлений отечественной юридической науки — юридической историографии и юридического источниковедения. Поэтому обращение к теме обычного права, правового обычая, являющихся неотъемлемой частью правового развития Российского государства, в контексте истории науки позволит ответить на часть поставленных вопросов.

Проблемы развития обычного права в российской правовой системе, его места в правовом регулировании различных сфер общественной жизни, вопросы о соотношении обычного и позитивного права, права и морали, о нравственных началах права и т. п. наибольшее освещение получили в дореволюционной науке. Фактически в этот период сформировалась концепция понимания обычного права. В круг научного интереса правоведов XIX в. были включены различные аспекты, например, о воздействии социокультурных и политических процессов на формирование национального права, об обычае как источнике права, о влиянии обычного права на общероссийское и партикулярное законодательство, о специфике отраслевого законодательства в соотношении с обычным

правовом. Дореволюционная отечественная юридическая наука, ориентируясь на исторический подход к пониманию правовой действительности, накопила богатейший потенциал в изучении обозначенной проблемы, не утратившей своей актуальности в настоящее время.

Ценность историографических изысканий, позволяющих в обобщенном виде представить современной науке верифицированные практикой выводы о роли и месте обычного права в развитии российской государственности и права, очевидна. Труды подобного рода будут способствовать формированию целостного представления об обычном праве как социокультурном и правовом явлении российской действительности, дадут импульс новым направлениям изучения обычного права в качестве эффективного регулятора общественных отношений с учетом требований сохранения и преумножения исторически сложившихся национальных правовых традиций и обычаев.

Список источников

1. *Кожевина М. А.* Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв. : монография. Омск, 2013.

2. *Шатковская Т. В.* Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.

3. *Безгин В. Б.* Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М., 2017.

Н. Ю. Туркина

(Омская академия МВД России)

Административно-правовой режим военного положения в условиях переходного периода новых субъектов Российской Федерации

Большинство исследований, посвященных режиму военного положения, осуществлялось в условиях мирного времени. Сейчас же проведение специальной военной операции, присоединение в связи с этим новых территорий к Российской Федерации и введение на них военного положения позволяют провести не только теоретический анализ, но и рассмотреть практические проблемы, возникающие при реализации норм военного законодательства.

Казалось бы, какие сложности могут возникнуть, если указанная экстраординарная ситуация имеет свое правовое регулирование. Но си-

туация осложнена тем, что новые субъекты Российской Федерации (Донецкая и Луганская народные республики, Запорожская и Херсонская области) находятся в переходном периоде. Это означает, что нормативно-правовые акты на данных территориях только начинают реализовываться в соответствии с российским законодательством.

Так, режим военного положения регулируется нормами Федерального закона «О военном положении» [1]. Но в Донецкой Народной Республике (далее — ДНР) с 2015 г. действует Закон ДНР «Об особых правовых режимах» [2], который до настоящего времени не утратил своей юридической значимости. В данном документе есть отдельная глава, посвященная режиму военного положения. После вхождения ДНР в состав Российской Федерации Президент РФ своим указом объявил военное положение на данной территории и обозначил меры, осуществляемые на этой территории во исполнение указа о введении военного положения [3; 4]. Следовательно, возникла ситуация, при которой несколько нормативно-правовых актов стали регулировать одну правовую область, что повлекло возникновение правовых коллизий — какая норма имеет наибольшую силу и подлежит применению в определенной ситуации.

Очевидно, что приведение к порядку правовой системы — не единственная проблема. Наряду с обозначенным вопросом, возникает необходимость приведения к единообразию и юридической техники, так как до этого новые регионы находились под юрисдикцией другого государства [5, с. 27].

Указ Президента Российской Федерации, связанный с мерами, обеспечивающими реализацию режима военного положения, также вводит в оборот новое понятие «уровни реагирования» [3]. Данная правовая категория нигде не раскрывается и не содержит дефиниции, однако является новеллой в военном законодательстве. Как видится, в результате реализации данной нормы, суть которой не раскрывается, могут возникнуть ситуации использования различных форм реагирования, порой противоречащих друг другу.

Таким образом, административно-правовой режим военного положения приобретает особую актуальность как эффективный организационно-правовой инструмент обеспечения национальной безопасности. Успех реализации государством своих задач во многом зависит от эффективности данного правового режима. Это особенно важно в чрезвычайных ситуациях, когда необходимо оперативно нормализовать обстановку и восстановить правопорядок. Практика по-

казывает, что глобальные угрозы могут достигать таких масштабов, что их нейтрализация с помощью действующего в обычных условиях российского законодательства оказывается невозможной. Однако существующая система военного законодательства нуждается в совершенствовании и адаптации к меняющимся условиям. Для этого целесообразно разработать дополнительные кодифицированные нормативные правовые акты, которые будут регламентировать обеспечение правопорядка не только в стабильных условиях, но и при возникновении экстраординарных ситуаций, угрожающих национальной безопасности России. Такие кодифицированные акты должны учитывать особенности различных видов угроз и предусматривать меры, направленные на их своевременное выявление, предупреждение и ликвидацию. При этом важно обеспечить гибкость и оперативность реагирования, а также четкую координацию действий всех органов государственной власти и правоохранительных структур. Внедрение дополнительных кодифицированных актов позволит создать целостную и эффективную систему специальных административно-правовых режимов по надлежащему обеспечению национальной безопасности в условиях действия военного положения.

Список источников

1. *О военном положении* : федеральный конституционный закон от 30 января 2002г. № 1-ФКЗ. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Об особых правовых режимах* : закон Донецкой Народной Республики от 24 марта 2015 г. № 23-ІНС.

3. *О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей* : указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756.

4. *О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756* : указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757.

5. *Туркина Н. Ю.* Соотношение института военного и чрезвычайного положения // Преемственность и новации в юридической науке : материалы междунар. науч. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей (Омск, 23 мая 2023 г.). Омск, 2023.

А. В. Честнов

(Омская академия МВД России)

Анализ понятия «информация»

В Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понятие «информация» закреплено как любые данные, сведения и сообщения представляемые в любой форме.

Новые области применения коммуникативных средств позволяют смотреть на информацию в другом контексте. Цифровые технологии распространились на многие сферы общественной жизни. При этом появляются новые потребности человека и общества, которые охватываются процессом цифровизации. Такое явление стало элементом развития современного государства и общества.

Н. Н. Моисеев считает, что «строгого и универсального понятия информации быть не может в связи с тем, что оно чересчур сложно» [1, с. 94]. В силу многоаспектности термина «информация» необходимо согласиться с мнением автора из-за характера объекта, однако важно отметить, что данное понятие может только расширяться и приобретать новые свойства, обладая при этом своими базовыми качествами.

Понятие «информация» нуждается в постоянном и непрерывном анализе в связи с изменениями в обществе. Л. Х. Гиттис, напротив, определяет информацию как «сведения, знания, данные», считает ее первичной и не требующей точных определений [2, с. 35].

По нашему мнению, в условиях цифровизации современного общества содержание этого понятия стоит рассматривать гораздо шире. Оно не обладает свойствами статичности, а обретает динамичность в связи с развитием цифровых технологий и общества.

Качественные изменения к подходу и развитию работы с информацией были связаны с появлением сети Интернет и развитием информационных технологий.

Необходимо отметить, что понятие «информация» складывается из объективных качеств, которые характеризуют ее. К ним относятся:

- достоверность — соответствие данных объективным фактам. Это то, что определяет качество информации, детерминирует ее полноту и точность;

- полнота — достаточность сведений для понимания содержания процессов или явлений;

— новизна и актуальность — необходимое составляющее информации в силу ее востребованности;

— объективность и субъективность — отражают в себе сущность восприятия предлагаемых сведений;

— доступность — возможность получения информации различными способами (печатные издания, телерадиовещание, интернет-сервисы, собрания, официальные интернет-источники).

Указанные аспекты, присущие информации, не являются исчерпывающими. Следует обратить внимание и на своевременность распространения информации, а также на такое ее свойство, как полезность, так как она служит удовлетворению публичных или частных интересов.

Таким образом, отметим многоуровневый характер понятия «информация». Важно выделить необходимость его постоянного анализа, связанного с развитием государства, общества и информационных технологий. Способы распространения информации постоянно совершенствуются и изменяются, что влияет на понимание и трактовку информации.

Список источников

1. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998.
2. Гиттис Л. Х. Толковый словарь информационных терминов. М., 1995.

С. Н. Шарипов

(Омская академия МВД России)

Обеспечение законности в административной деятельности милиции Республики Таджикистан

Административно-правовая деятельность органов внутренних дел Таджикистана осуществляется несколькими подразделениями и службами: участковыми инспекторами милиции, патрульно-постовой, паспортно-регистрационной службами и службой по обслуживанию иностранных граждан, конвоирования, ИВС, приемниками-распределителями, инспекторами по предупреждению домашнего насилия, ГАИ, медицинскими вытрезвителями и др., обобщенно, службой охраны общественного порядка или наружной службой милиции. Ее деятельность направлена на эффективное осуществление задач милиции, обеспечение общественного порядка и построение безопасного общества.

Служба охраны общественного порядка действует на основании Закона Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции» [1], Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях (далее — КоАП РТ) [2], Инструкции по единой деятельности административной практики [3]. Осуществляя административно-юрисдикционную деятельность, служба приносит немалый доход в государственную казну. Сотрудники службы охраны общественного порядка принимают участие в обеспечении общественного порядка и безопасности гостей и участников политических, спортивных, культурных мероприятий, а также поддерживают общественный порядок и безопасность в целом. Кроме того, участковые инспекторы милиции согласно Закону Республики Таджикистан от 22 июня 2023 г. № 1970 «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из исправительных учреждений» [4] осуществляют регулярный контроль за ранее судимыми лицами по месту жительства. Сотрудники милиции на основании Закона Республики Таджикистан от 8 июня 2007 г. № 272 «О регулировании традиций, праздников и обрядов в Республике Таджикистан» [5] выявляют также случаи нарушения законодательства физическими и юридическими лицами, возбуждают дела об административных правонарушениях и взыскивают штрафы согласно КоАП РТ, способствуя построению социального государства.

В рамках реализации Закона Республики Таджикистан от 2 января 2018 г. № 1484 «Об ограничении употребления табачных изделий» [6] сотрудники милиции выявляют лиц, употребляющих табачные изделия в общественных местах, и составляют протоколы об административных правонарушениях. Эта функция возложена на патрульно-постовую службу.

В соответствии с требованиями Закона Республики Таджикистан от 2 августа 2011 г. № 762 «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» [7] сотрудники службы охраны общественного порядка возбуждают дела об административных правонарушениях в отношении родителей неуспевающих учащихся, которые регулярно нарушают правила и устав школы, и направляют их в суд. Сотрудники милиции на основании требований п. 21 протокола Собрания Правительства РТ от 29 декабря 2021 г. № 12 «Об определении точного количества граждан Республики Таджикистан, находящихся в трудовой миграции и вернувшихся на Родину из трудовой миграции» [8] определяют количество трудовых мигрантов, пребывающих за рубежом.

Милиция взаимодействует с общественностью и внештатными сотрудниками милиции в работе по предотвращению и выявлению адми-

нистративных правонарушений. Сотрудник милиции должен понимать, что результаты его деятельности оцениваются населением. Он обязан стремиться добросовестно выполнять свои функции в рамках закона. В то же время он знает, что количество раскрытых преступлений и составленных протоколов об административных правонарушениях не являются основными показателями его деятельности. Поэтому сотрудники милиции не должны пытаться каким-либо незаконным способом раскрыть преступление либо составить протокол об административном правонарушении.

Как отметил Основатель мира и национального единства — Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон, «таджикская милиция работает над соблюдением законности и восстановлением конституционного строя, положив начало непримиримой борьбе против десятков незаконных вооруженных групп, которые пытались привнести в повседневную жизнь общества террористические акты, убийства, грабежи и захват людей в заложники. Таджикский народ не забудет честную службу сотрудников милиции по поддержанию порядка и законности в Республике. Законность в административной деятельности таджикской милиции прежде всего обеспечивает безопасность граждан и налаживает сотрудничество с обществом» [9].

Основной целью милиции выступает защита прав и свобод человека и гражданина, государственной собственности и личной собственности граждан, обеспечение общественного порядка.

Милиция осуществляет административную деятельность на основании Конституции Республики Таджикистан, международно-правовых документов, признанных Республикой Таджикистан, стратегии и программы реформирования милиции, внутренних нормативных актов МВД РТ. Сотрудник милиции, независимо от занимаемой должности, находится на службе народу; он должен служить народу честно и действовать в рамках закона. Милиция в одиночку не способна бороться с преступлениями, поэтому каждому сотруднику необходимо взаимодействовать с гражданским обществом в целях предотвращения и выявления преступлений и административных правонарушений в соответствии с законом.

Список источников

1. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?_id=30545639 (дата обращения: 04.12.2023).
2. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?_id=30414710 (дата обращения: 04.12.2023).
3. URL: <https://ncz.tj> (дата обращения: 19.03.2024).

4. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?_id=32241848 (дата обращения: 04.12.2023).
5. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?_id=30587030 (дата обращения: 04.12.2023).
6. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?_id=35411261 (дата обращения: 04.12.2023).
7. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?_id=31051281 (дата обращения: 04.12.2023).
8. URL: <https://www.adlia.tj//show> (дата обращения: 19.03.2024).
9. URL: <https://vkd.tj/index/php/ru/informatsiya/istoriya-militsii/2-incategorised/11240-vystuplenie> (дата обращения: 19.03.2024).

РАЗДЕЛ II. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

А. Ю. Аполоненко

(Сибирский юридический институт, г. Омск)

Некоторые проблемы квалификации деяний, состоящих в незаконных выдаче и получении избирательных бюллетеней

12 декабря 1993 г. на референдуме была принята Конституция РФ, провозгласившая Российскую Федерацию демократическим и правовым государством. Дальнейшее развитие демократических основ потребовало от общества кардинальных перемен и реформирования всех начал политической жизни, в том числе оплота демократии — института выборов. Начиная с 1994 г., принимается пакет законодательных актов, которые стали нормативным базисом для проведения выборов, а также регулировали процедуру выборов высших органов государственной власти. В их число вошли федеральные законы от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», от 17 мая 1995 г. № 76-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Однако путь реформирования электоральных процедур — это сложный и многогранный процесс, часто сопровождающийся многочисленными нарушениями избирательных прав граждан с использованием противоправных средств для достижения политических целей, а также совершением преступлений, связанных с искажением волеизъявления населения в процессе проведения выборов. Выявление ранее неизвестных форм противоправного поведения лиц (группы лиц), а также невозможность пресечения девиантного поведения лиц более мягкими, не уголовно-правовыми мерами, нарушающих легитимный процесс выборов как основного источника наделения, сохранения, распределения или утраты

власти, а также ее легитимации как базиса конституционного строя России, привело к криминализации и введению в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) нового состава преступления, который закреплен в ст. 142² УК РФ и состоит в незаконной выдаче и получении избирательного бюллетеня. Справедливо отметить, что ответственность за аналогичные действия предусмотрена ст. 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), введенной Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 118-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Таможенный кодекс Российской Федерации».

В научной литературе при выявлении и характеристике объекта преступления его содержание унифицируется применительно ко всем деяниям, относящимся к электоральным преступлениям. Это распространяется как на нарушение права граждан избирать и быть избранными, так и на установленный порядок голосования, что, на наш взгляд, не отражает реально существующей общественной опасности и социальной направленности деяния. Исходя из назначения выборов как процедуры легального трансфера власти, ее легитимации, а в дальнейшем легитимности, круг общественных отношений, на которые посягают преступные действия, определяются как отношения, складывающиеся в сфере защиты конституционного строя России, легальности и легитимности государственной власти с соблюдением законодательства РФ о выборах. Полагаем, что с учетом сформулированного нами объекта посягательств возможно определить место нормы в Особенной части УК РФ в главе, посвященной преступлениям против государственной власти.

Одним из элементов состава преступления является субъект, т. е. физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Применительно к рассматриваемому нами составу многие авторы придерживаются мнения, что уголовная ответственность по ч. 2 ст. 142² УК РФ наступает с 18 лет, что соответствует возрасту возникновения активного избирательного права. На наш взгляд, с таким утверждением нельзя согласиться, так как в диспозиции нормы говорится не об избирателе, а о гражданине.

Исследуя рассматриваемый состав преступления, заключающийся в незаконной выдаче бюллетеня для голосования, хочется отметить достаточно казуистический способ изложения уголовно-правовой нормы, а также несоблюдение законодательной техники, которая выражается:

1) в отсутствии в ч. 2 ст. 142² УК РФ «цели» совершения преступления, при том что она указана в первой части;

2) в использовании в названии уголовно-правовой нормы и нормы об административной ответственности предмета преступления в единственном числе;

3) в использовании законодателем при описании диспозиции статьи предписания: «...вместо избирателей, участников референдума, в том числе вместо других избирателей, участников референдума», что, по нашему мнению, вызывает серьезные проблемы для правоприменителя в возможности ее юридического осмысления.

Кроме перечисленного, на практике существует проблема разграничения уголовно наказуемого деяния от административного правонарушения, заключающаяся в следующем:

1) название уголовно-правовой нормы и нормы административного правонарушения абсолютно идентичны;

2) диспозиция ч.1 ст. 142² УК РФ аналогична диспозиции ч. 1 ст. 5.22 КоАП РФ, то же самое применимо ко вторым частям исследуемых норм.

Подводя итоги, отметим, что независимо от предпринимаемой законодателем деятельности по дальнейшей криминализации и совершенствованию норм уголовно-правовой охраны прав граждан на свободные и легитимные выборы, она слабо влияет на практику их применения, несмотря на постоянный рост нарушений в избирательных процедурах. Во-первых, это связано с отсутствием возможности разграничить преступное поведение, ответственность за которое предусмотрено уголовным законодательством, от действий, влекущих административную ответственность, во-вторых с чрезмерной бланкетностью электорального законодательства, нарушением законодательной техники при криминализации деяний, что в совокупности приводит к проблемам в правоприменительной практике и отсутствию действенных мер по пресечению и привлечению к ответственности лиц за нарушение конституционного права граждан на легитимные выборы.

А. И. Бадретдинов

(Уфимский юридический институт МВД России)

О некоторых особенностях правового статуса лица, осуществляющего продажу алкогольной продукции

Незаконная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции довольно широкое понятие, охватывающее огромный перечень объективных и субъективных элементов как уголовно наказуемого, так и административного характера.

Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее — Федеральный закон № 171-ФЗ) определил основные запреты, связанные с оборотом и производством алкогольной продукции. Среди них можно выделить ее розничную продажу несовершеннолетним в период с 23.00 до 08.00 в потребительской полиэтиленовой таре объемом свыше 1500 мл дистанционным способом и т. д.

Ответственность за продажу алкогольной продукции подросткам предусмотрена п. 2.1 ст. 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Дословно под действие административного законодательства подпадает розничная продажа, не содержащая признаков уголовно-наказуемого деяния. В данном случае речь идет о повторности совершения правонарушения в период, когда лицо, осуществившее отпуск продукции в точке розничной продажи (продавец), ранее было привлечено к ответственности за аналогичное деяние. Вместе с тем следует подчеркнуть, что продавец в случае сомнения в возрасте покупателя имеет право удостовериться, потребовав документ (паспорт гражданина, временное удостоверение личности, военный билет, водительское удостоверение и т. д.) [1].

Ключевым элементом в данном случае выступает возникшее сомнение в достижении покупателем совершеннолетия. Однако ввиду антропологических особенностей, генетики подросток может выглядеть взрослее. Немаловажным выступает и субъективное восприятие подростка продавцом [2, с. 44]. Утомленность, рассеянность, невнимательность, плохое зрение также могут помешать объективному восприятию продавцом несовершеннолетнего.

Изложенное подчеркивает необходимость обстоятельного рассмотрения вопроса внесения дополнений в действующую редакцию Федерального закона № 171-ФЗ в части установления обязанности лицу, осуществляющему розничную продажу алкогольной продукции, убедиться в возрасте покупателя посредством требования предъявить документ, удостоверяющий личность и возраст.

Возвращаясь к вопросу о субъекте исследуемого асоциального деяния, необходимо отметить, что реализацией алкогольной продукции может заниматься и лицо, не имеющее специальных разрешений и лицензий на продажу, в том числе не обладающее статусом индивидуального предпринимателя или юридического лица. Вопрос квалификации дан-

ных деяний также исходит из принципа преюдиции: административная ответственность по ст. 14.16 КоАП РФ либо при повторности совершения — уголовная ответственность по ст. 171⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Однако квалифицирующий признак «продажа алкогольной продукции несовершеннолетним» отсутствует как в первом, так и во втором случае. Значит ли это, что незаконная деятельность бутлегеров по продаже алкогольной продукции кустарного производства не затрагивает интересы несовершеннолетних?

Признак незаконности в диспозициях названных статей подразумевает не весь спектр запрещенных законом форм продажи, а лишь указывает на неправомерность осуществления сбыта, т. е. отсутствие соответствующих разрешительных документов у такого лица. При этом запрет на продажу несовершеннолетним алкогольной продукции предусмотрен лишь в ст. 14.16 КоАП РФ и ст. 151¹ УК РФ.

На наш взгляд, необходимым условием решения возникшего пробела в праве является внесение дополнений в актуальные редакции названных статей в части введения пунктов, предусматривающих ответственность за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции несовершеннолетним.

Подводя итог исследованию вопросов, связанных с деятельностью физических лиц по незаконной реализации алкогольной продукции несовершеннолетним, можно согласиться с мнением А. А. Берндта, что необходимо установить уголовную ответственность за любые формы отчуждения [3, с. 223] и продажи алкогольной продукции несовершеннолетним.

Список источников

1. *Об утверждении перечня документов, позволяющих установить возраст покупателя алкогольной продукции, которые продавец вправе потребовать в случае возникновения у него сомнения в достижении этим покупателем совершеннолетия, и признании утратившим силу приказа Минпромторга России от 15 апреля 2011 г. № 524 «Об утверждении Перечня документов, удостоверяющих личность и позволяющих установить возраст покупателя алкогольной продукции, которые продавец вправе потребовать в случае возникновения у него сомнения в достижении этим покупателем совершеннолетия»* : приказ Минпромторга России от 31 мая 2017 г. № 1728. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Баранчикова М. В.* К вопросу о квалификации розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции. URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/k-voprosu-o-kvalifikatsii-roznichnoy-prodazhi-nesovershennoletnim-alkogolnoy-produktsii (дата обращения: 19.03.2024).

3. Понятие «Розничная продажа» алкогольной продукции в составе преступления, предусмотренного статьей 151¹ УК РФ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-roznichnaya-prodazha-alkogolnoy-produktsii-v-sostave-prestupleniya-predusmotrennogo-statiei-151-1-uk-rf> (дата обращения: 19.03.2024).

А. А. Бурмистрова

(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)

Многообразие научных позиций толкования явления провокации преступления

Проблема провокации преступления давно привлекает внимание исследователей в области уголовного права. Понимание сущности и правовой природы провокации представляет собой сложный и многогранный вопрос, вызывающий разнообразные точки зрения ученых. Анализ научных позиций в области уголовного права относительно провокации преступления позволит проследить наиболее устоявшиеся и неоспоримые признаки в целях формирования более четкого представления об этом правовом явлении.

Так, по мнению А. А. Мастеркова, в качестве основных признаков провокации преступления следует выделять: «1) цель провокатора, которая направлена на достижение неблагоприятных последствий для провоцируемого лица; 2) стремление провокатора изменить субъективные обстоятельства, т. е. психическое отношение провоцируемого к предложенным условиям и обстановке (созданные искусственным или естественным путем); 3) наличие у провокатора только прямого умысла на сам факт совершения преступления провоцируемым лицом; 4) отсутствие у провоцируемого умысла на совершение преступления до момента провокационных действий по отношению к нему» [1, с. 47].

Согласно позиции Е. В. Говорухиной, правовая природа провокации преступления определяется следующими характеристиками: «1) провокация осуществляется в порядке односторонней умышленной деятельности со стороны провоцируемого; 2) провокационные действия на вовлечение другого лица в совершение преступления; 3) провокация имеет целью не совместное достижение преступного результата, а использова-

ние спровоцированного преступного деяния лица в целях изобличения последнего в содеянном» [2, с. 32].

Изложенное подтверждает тот факт, что провокация преступления носит негативный характер и неоспоримо является умышленным преступлением. Помимо прочего, важной составляющей провокационной деятельности выступает цель, которая заключается в достижении неблагоприятных последствий для провоцируемого лица, в том числе и в форме уголовной ответственности за содеянное. Как видно из суждений А. А. Мастеркова и Е. В. Говорухиной, действия провокатора могут выражаться в различной форме, однако их содержание остается общим — изменение отношения провоцируемого лица к преступному деянию, фактическое его стимулирование различными способами на совершение преступления.

Не менее интересной представляется позиция С. Н. Радачинского. В своих работах в качестве основных признаков провокации преступления он выделяет следующие: «1) вызвана намерением субъекта обеспечить одностороннее проявление искомой (желательной) модели поведения со стороны провоцируемого лица, имеющей лишь внешние признаки преступного деяния; 2) осуществляется в порядке односторонней умышленной деятельности со стороны виновного лица, не охватываемой сознанием провоцируемого; 3) предполагает использование спровоцированного «криминального» деяния лица не в целях достижения совместного преступного результата, а для дискредитации либо создания искусственных доказательств обвинения; 4) цель действий провокатора — наступление вредных последствий для провоцируемого; 5) наличие у провокатора только прямого умысла, причем этот умысел должен быть направлен не на вид и последствия совершенного вовлеченным преступления, а на сам факт его совершения» [3, с. 145].

На наш взгляд, данный подход не противоречит изученным выше, а лишь дополняет их в контексте присвоения такого признака, как «проявление искомой (желаемой) модели поведения со стороны провоцируемого лица», что говорит о заинтересованности провоцирующего в изменении психического состояния провоцируемого для совершения преступного деяния. Провокатор преследует цель изобличить спровоцированное лицо в совершении преступления. Для этого он может документировать действия спровоцированного, создавать условия задержания и т. п. для наличия достаточных оснований привлечь спровоцированное лицо к уголовной ответственности впоследствии. Таким образом, анализ научных подходов к определению и интерпретации сущностных характе-

ристик провокации преступления способствует более полному пониманию правовой природы данного явления.

Список источников

1. *Мастерков А. А.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000.
2. *Говорухина Е. В.* Понятие и правовые последствия провокации в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.
3. *Радачинский С. Н.* Уголовно-правовая регламентация провокации преступления / под общ. ред. Т. В. Пинкевич : монография. Таганрог, 2010.

Н. И. Жуков

(Омская академия МВД России)

Соотношение ответственности за финансирование экстремистской и террористической деятельности

Осуществление любой деятельности, в том числе организация незаконных либо противоправных деяний, невозможно без ее финансирования. Экстремистская и террористическая деятельность не являются исключением. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) не имеется специальной нормы, которая устанавливала бы уголовную ответственность за финансирование террористической деятельности. Ранее также отсутствовала статья, предусматривающая ответственность за финансирование экстремистской деятельности. Только в 2014 г. в УК РФ были внесены изменения: включен новый состав — ст. 282³ «Финансирование экстремистской деятельности» [1].

Под финансированием экстремистской деятельности понимается предоставление или сбор финансовых средств (в виде наличности или безналичных операций) или материальных ресурсов (таких как униформа, снаряжение, средства связи) с пониманием их использования для поддержки деятельности, направленной на создание, подготовку или осуществление преступлений, связанных с экстремизмом. Это определение было законодательно закреплено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Кроме того, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — Федеральный закон № 114-ФЗ) определяет публичное одобрение терроризма, а также

террористические действия как виды экстремистской деятельности. Это позволяет сделать вывод о существовании связи между экстремизмом и терроризмом и о том, что финансирование обоих явлений базируется на сходной основе.

В свою очередь противодействие террористической деятельности регламентируется Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее — Федеральный закон № 35-ФЗ). Данный закон устанавливает, что считать терроризмом и террористической деятельностью, а также закрепляет одну из форм участия в террористической деятельности — финансирование.

По сложившейся практике за финансирование террористической деятельности лиц, совершивших данное деяние, привлекают к ответственности по ч. 1 ст. 205⁵ УК РФ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации». Это связано с тем, что согласно п. «а» ч. 2 ст. 3 Федерального закона № 35-ФЗ террористическая деятельность включает в себя организацию, планирование, подготовку, финансирование и осуществление террористического акта, где финансирование выступает одним из признаков организации террористической деятельности.

С 2014 г. предусмотрена уголовная ответственность за финансовую поддержку экстремистских инициатив (деятельности). Рассматривая диспозицию исследуемой статьи УК РФ, приходим к выводу, что уголовная ответственность предусмотрена за совершение *хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности*. Как ранее упоминалось, в соответствии с Федеральным законом № 114-ФЗ террористическая деятельность является разновидностью преступления экстремистской направленности. В результате напрашивается вывод, что деяние, связанное с финансированием террористической деятельности, формально может подпадать под признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282³ УК РФ. Возможно, при наличии ответственности по исследуемой статье только за финансирование деятельности экстремистского сообщества или организации помогло бы снять лишние вопросы.

Таким образом, между экстремизмом и терроризмом есть общие черты, такие как непринятие общества и желание вносить изменения в социальную структуру, однако между ними существуют различия в используемых методах, целях и масштабах проявлений. Важно понимать, что не все формы экстремизма являются терроризмом. И ответственность должна быть соразмерна общественной опасности совер-

шенного деяния. Следовательно, ответственность за финансирование экстремистской и террористической деятельности должна быть разной.

Список источников

1. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В. А. Звягин

(Омская академия МВД России)

Наказания, содержанием элементом которых является работа, по уголовному законодательству Федеративной Республики Бразилия

В настоящее время одним из самых значимых межгосударственных союзов становится БРИКС.

В рамках статьи мы рассмотрим отдельные вопросы, связанные с применением наказаний, содержанием элементом которых выступает работа, по уголовному законодательству Федеративной Республики Бразилия — участницы БРИКС.

Перечень наказаний дан в ст. 32 Уголовного кодекса Бразилии (далее — УК ФРБ), к ним относятся: I — лишение свободы (*privativas de liberdade*); II — ограничение прав (*restritivas de direitos*); III — штраф (*multa*)[1].

Каждый из перечисленных видов наказаний имеет несколько подвидов.

Наказание в виде лишения свободы отбывается в открытом (*aberto*), полуоткрытом (*semi-aberto*) или закрытом режиме (*fechado*).

В соответствии с § 1 ст. 33 УК ФРБ режимы отбывания наказания в виде лишения свободы имеют следующие подвиды: а) закрытый режим исполнения наказания с установленными максимальными или средними мерами безопасности; б) полуоткрытый режим исполнения наказания в сельскохозяйственной, промышленной колонии или аналогичном учреждении; в) открытый режим для отбывания наказания в приюте для бездомных или в соответствующем учреждении.

В закрытом режиме отбывают наказание осужденные к лишению свободы от 8 до 30 лет. Труд для них одновременно является и правом, и обязанностью. В соответствии с требованиями ст. 31 и п.V ст. 39 Зако-

на об исполнении уголовных наказаний Федеративной Республики Бразилия (далее — ЗИУН ФРБ) [2] труд для осужденных является обязанностью. Осужденный к лишению свободы обязан работать в меру своих способностей. Кроме этого, подразделом II ЗИУН ФРБ предусмотрена дисциплинарная ответственность за неисполнение обязанности трудиться. Помимо негативных последствий, законом предусмотрены и позитивные нормы, стимулирующие работу и обучение осужденных. Так, три дня работы или 12 часов обучения засчитываются за один день лишения свободы (§ 1 ст. 126 ЗИУН ФРБ). Может быть увеличен и срок погашения на 1/3 в случае получения начального, среднего или высшего образования во время отбывания наказания (§ 5 ст. 126 ЗИУН ФРБ). Вместе с тем право на труд гарантируется пп. II, V и IV ст. 41 ЗИУН ФРБ, если осужденному отказывают в реализации права на труд, то государство обязано ему сократить наказание на количество дней, когда осужденный не работал, как если бы они были отработаны в соответствии с § 4 ст. 126 ЗИУН ФРБ [3, с. 57]. Выполняемая осужденным работа должна соответствовать его профессии или его способностям, должна быть возможна в условиях изоляции.

Осужденные к лишению свободы на срок от 4 до 8 лет отбывают наказание в полуоткрытом режиме. (ст. 92 ЗИУН ФРБ). К таким осужденным могут применяться методы электронного мониторинга их нахождения (электронный браслет) (ст. 146-В ЗИУН ФРБ). В полуоткрытом режиме существуют следующие правила (ст. 35 УК ФРБ): осужденный занят на сельскохозяйственных, промышленных или других работах; допускается работа вне исправительного учреждения, а также обучение в целях получения образования.

Осужденные к срокам менее 4 лет отбывают наказание в открытом режиме. Открытый режим отбывания наказания (ст. 36 УК ФРБ) основан на самодисциплине и чувстве ответственности осужденного. Осужденный должен вне учреждения и без надзора работать, посещать обучающие курсы или заниматься другой разрешенной деятельностью, возвращаясь в исправительное учреждение на ночь и в выходные дни.

Труд заключенных во всех режимах отбывания наказания оплачивается, сохраняются гарантии социального обеспечения (ст. 39 УК ФРБ).

Следующая группа наказаний — ограничение прав.

Пункт IV ст. 43 УК ФРБ предусматривает в качестве одного из видов ограничения прав предоставление услуг обществу или государственным организациям.

Такой вид работ может быть составной частью наказания в виде лишения свободы (§ 3 ст. 34 УК ФРБ), а также самостоятельным наказанием как вид ограничения прав и альтернатива лишению свободы (п. IV ст. 43 УК ФРБ). В соответствии со ст. 44 УК ФРБ ограничивающие права наказания являются самостоятельными и заменяют лишение свободы при наличии следующих условий: лишение свободы на срок не более 4 лет; преступление совершено без применения насилия; обвиняемый не является рецидивистом, положительно характеризуется.

Предоставление услуг обществу или государственным учреждениям применяется к лицам, приговоренным к лишению свободы на срок более 6 месяцев. Предоставление бесплатных услуг обществу осуществляется в благотворительных организациях, больницах, школах, детских домах и других подобных учреждениях в рамках общественных или государственных программ (ст. 46 УК ФРБ).

Подводя итоги, можно сказать, что некоторые элементы применения рассмотренных нами наказаний сходны с наказаниями в России: привлечение к труду осужденных; выполнение работы по своей профессии или привлечение к неквалифицированному труду на благо общества; плата за труд.

Однако существуют и значительные различия, связанные, прежде всего, со структурой российской системы наказаний. В Бразилии основным элементом наказания выступает именно изоляция от общества, а не выполнение работ. Предоставление услуг обществу или государственным организациям — один из видов ограничения прав, который применяется как альтернатива лишению свободы, при этом основным элементом наказания является работа.

Список источников

1. URL: http://www.planalto.gov.br/CCIVIL_03/Decreto-Lei/Del2848.htm (дата обращения: 29.03.2024).
2. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/LEIS/L7210.htm#art50vii (дата обращения: 29.03.2024).
3. Оливейра Т. Б. Структура судебной власти в Бразилии: уголовное преследование в свете недавних реформ Уголовно-процессуального кодекса // Вестник Московского университета. Серия 11: «Право». 2018. № 2.

Д. В. Иванькович

(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)

Роль ситуации при совершении дорожно-транспортных преступлений (на примере России и Беларуси)

Неотъемлемым элементом механизма совершения любого преступного деяния является ситуация, которая с криминологической точки зрения представляет собой совокупность объективных обстоятельств, складывающихся в момент совершения преступления. Исследование ситуации позволяет выделить типичные детерминанты совершения определенного вида преступления и определить наиболее эффективные меры его предупреждения.

Дорожно-транспортные преступления, под которыми мы понимаем преступления, предусмотренные ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 317 Уголовного кодекса Республики Беларусь), характеризуются неосторожной формой вины, что вызывает определенный интерес в рассматриваемом вопросе [1].

Ситуация, складывающаяся в момент совершения дорожно-транспортного преступления, предоставляет лицу, управляющему транспортным средством (далее — ТС), право выбора того или иного вектора поведения. Например, при появлении на проезжей части дороги вне пешеходного перехода пешехода водитель может принять меры по экстренному торможению либо, что является нередким исключением в правоприменительной практике, направить ТС на полосу встречного движения. В случае наступления общественно опасных последствий при выборе первого варианта развития событий водитель не будет подлежать уголовной ответственности, при выборе второго — будет привлечен к уголовной ответственности за совершение дорожно-транспортного преступления. Вместе с тем стоит отметить, что нарушение водителем ТС законодательства, регулирующего сферу дорожного движения, должно находиться в прямой причинно-следственной связи с наступившими последствиями. В случае, когда совершение дорожно-транспортного происшествия детерминировано только объективными обстоятельствами, водитель ТС уголовной ответственности не подлежит.

Исследование непосредственно уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за совершение дорожно-транспортных преступлений, и правоприменительной практики продемонстрировало, что единственной причиной совершения рассматриваемого преступного

деяния является неправомерное поведение водителя, заключающееся в нарушении Правил дорожного движения [2]. Все остальные факторы относятся к условиям, сопутствующим совершению указанного преступления, и представляют собой ситуацию.

К условиям, характеризующим ситуацию при совершении дорожно-транспортных преступлений, относятся:

- состояние ТС;
- метеорологические условия;
- дорожные условия;
- поведение третьих лиц (в том числе потерпевших).

При исследовании роли ситуации при совершении дорожно-транспортных преступлений нами был проведен анализ 159 приговоров судов Российской Федерации и 151 уголовного дела Республики Беларусь. Изучение правоприменительной практики продемонстрировало следующие результаты:

1) неисправность ТС в России была установлена в 8,81% случаев совершения дорожно-транспортных преступлений, в Беларуси — в 7,95%;

2) неудовлетворительные метеорологические условия были установлены в 17,61% случаев в России, в 21,85% — в Беларуси;

3) неудовлетворительные дорожные условия были установлены в 2,52% случаев в России, в 4,64% — в Беларуси;

4) поведение потерпевших, как противоправное, так и неосмотрительное, было установлено в России в 24,74% случаев совершения дорожно-транспортных преступлений, в Беларуси — в 6,67% случаев. Однако стоит отметить, что при исследовании уголовных дел в Беларуси не установлено несоблюдения пострадавшими пассажирами такого требования Правил дорожного движения, как использование ремня безопасности, что вызывает определенные сомнения. Кроме того, анализ правоприменительной практики не позволил установить роль третьих лиц при совершении дорожно-транспортных преступлений (например, нарушения правил обгона, которое стало причиной возникновения аварийной ситуации). Часто нарушения третьих лиц остаются латентными, поскольку они трудно доказуемы.

На основании изложенного необходимо сделать вывод, что влияние ситуации на совершение дорожно-транспортных преступлений имеет место в значительном количестве случаев совершения рассматриваемого преступного деяния, что позволяет говорить о положительном превентивном потенциале мер, применяемых в отношении повышения правовой культуры граждан, об эффективной организации дорожного движения,

удовлетворительном обслуживании дорожного полотна и т. д. Вместе с тем основное внимание при планировании и организации профилактической деятельности должно быть направлено на водителей ТС, поскольку абсолютное большинство дорожно-транспортных преступлений совершается при отсутствии ситуации, способствующей их совершению.

Список источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 20.04.2024).

2. Об утверждении Правил дорожного движения : постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Н. А. Ильных

(Омская академия МВД России)

Структура преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

В настоящее время стала актуальной проблема использования информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ) при совершении преступлений экстремистской направленности. Согласно официальным статистическим данным ГИАЦ МВД России, за последние 4 года средний удельный вес киберэкстремистских преступлений в общей массе всех зарегистрированных экстремистских деяний составил 56,57%. В рамках большинства научных конференций, посвященных противодействию экстремизму, исследователи и практические сотрудники выражают глубокую озабоченность по поводу активного использования современных ИТТ в целях внедрения в массовое сознание людей экстремистских идей [1].

Одной из важных задач криминологии на пути к достижению цели выработки эффективных теоретических положений по противодействию киберэкстремистской преступности является определение ее структуры. Под структурой преступности понимается абсолютный или чаще относительный показатель, отражающий число или долю (удельный вес) преступлений (преступников), определенных групп (видов) преступлений в общем количестве преступлений или лиц, их совершивших, на определенной территории за конкретный период [2, с. 94].

В рамках нашего исследования рассмотрена структура киберэкстремистских преступлений, зарегистрированных на всей территории Российской Федерации в период с 2020 по 2023 гг.

Полагаем, что в целях всестороннего криминологического анализа киберэкстремистской преступности совокупность определяющих ее преступлений целесообразно разделять на две группы: связанные и не связанные с деятельностью экстремистских сообществ и организаций. Точку зрения о том, что организованный экстремизм обладает существенными отличительными признаками по отношению к неорганизованным формам его проявления, в своем исследовании поддерживают С. В. Иванцов и С. В. Борисов [3, с. 92].

Полагаем, что данный подход способствует определению особенностей криминологической характеристики киберэкстремизма, осуществляемого хорошо подготовленными экстремистскими сообществами и организациями, с одной стороны, и лицами, действующими исключительно самостоятельно, с другой.

Согласно данным ГИАЦ МВД России, сегодня в большинстве случаев регистрируются киберэкстремистские преступления, не связанные с деятельностью экстремистских сообществ и организаций. В среднем за последние 4 года удельный вес преступлений данной группы в общей массе всех киберэкстремистских проявлений составил 87,43%.

Суждение о том, что в структуре киберэкстремистских преступлений преобладают те деяния, которые совершаются безотносительно к какой-либо экстремистской организации или сообществу, поддерживают и практические сотрудники органов внутренних дел. Из 36 опрошенных нами сотрудников Центра по противодействию экстремизму УМВД России по Омской области 75% ответили, что преступления экстремистской направленности с использованием ИТТ преимущественно совершаются лицами, не относящими себя к какой-либо экстремистской организации или сообществу.

Из примечания к ст. 282¹ УК РФ следует, что виды преступлений экстремистской направленности определяются через мотивы их совершения. В связи с этим, характеризуя структуру киберэкстремистских преступлений, считаем необходимым рассмотреть ее видовой состав, определяемый по мотивационному критерию.

В результате анализа материалов судебной практики (103 обвинительных приговора) установлено, что в 44,6% случаев киберэкстремистские преступления совершались по мотивам политической нена-

висти или вражды, на религиозной, национальной, идеологической почве.

Отметим, что сегодня в структуре преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием ИТТ, преобладают те деяния, которые напрямую не связаны с деятельностью экстремистских сообществ и организаций. Большинство кибеэкстремистских преступлений в настоящее время совершается по мотивам политической ненависти или вражды. Полагаем, что установленные в ходе исследования элементы, характеризующие структуру киберэкстремистских преступлений, могут послужить основой для дальнейшей разработки эффективных мер по их предупреждению.

Список источников

1. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_po_protivodejstvu_j/Publikacii_i_vistuplenijaplenija (дата обращения: 13.03.2024).

2. Фомин С. А. Криминологические характеристики преступности и основные показатели характеристик преступности, ее отдельных групп и видов на современном этапе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. Красноярск, 2018. № 1.

3. Иванцов С. В., Борисов С. В. Организованные формы террористической и экстремистской деятельности: регламентация и реализация ответственности // Общество и право. 2016. № 2.

А. К. Камолзода

(Омская академия МВД России)

Некоторые особенности регламентации уголовной ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования по Уголовному кодексу Республики Таджикистан

Уголовный кодекс Республики Таджикистан (далее — УК РТ) в разделе VIII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения» содержит главу 21 «Преступления против общественной безопасности», в которую включена ст. 185 «Организация незаконного вооруженного формирования» [1]. Таким образом, родовым и видовым объектами рассматриваемого посягательства выступает общественная безопасность.

Статья 208 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Организация незаконного вооруженного формирования или

участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации» размещена в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Следовательно, подходы российских и таджикских законодателей к определению видового и родового объектов рассматриваемых преступлений совпадают.

Часть 1 ст. 185 УК РТ предусматривает ответственность за «создание незаконного вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), а равно руководство таким формированием или участие в них». Согласно ч. 2 данной статьи преступными признаются «те же действия, совершенные лицом с использованием своего служебного положения». Рассматриваемая статья содержит следующее примечание: «Лицо, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления» [1].

Следует отметить определенное несоответствие названия ст. 185 УК РТ ее содержанию. В названии фигурирует только организация незаконного вооруженного формирования, тогда как ч. 1 предусматривает ответственность за создание незаконного вооруженного формирования и руководство им, а также участие в таком формировании. Следовательно, можно констатировать, что название ст. 185 УК РТ не в полной мере отражает ее содержание. Организация незаконного вооруженного формирования предполагает его создание, в то время как руководство выходит за рамки организации незаконного вооруженного формирования. Руководство можно отнести к организации деятельности формирования, а не к организации самого формирования. Таким образом, руководство незаконным вооруженным формированием выходит за рамки его создания. Аналогичная ситуация с участием в незаконном вооруженном формировании, которое также не тождественно организации.

Исходя из содержания диспозиции ч. 1 ст. 185 УК РТ, объективную сторону рассматриваемого посягательства образуют следующие деяния: создание незаконного вооруженного формирования, руководство незаконным вооруженным формированием, участие в незаконном вооруженном формировании. Причем для привлечения к уголовной ответственности достаточно совершения хотя бы одного из названных деяний.

Если обратиться к диспозиции ч. 1 ст. 208 УК РФ, то законодатель отдельно выделяет такое деяние, образующее объективную сторону рассматриваемого посягательства, как финансирование незаконного

вооруженного формирования. Такой подход вполне обоснован, так как создание, руководство и участие сами по себе напрямую не предполагают финансирования. Соответственно, финансирование — это самостоятельное проявление преступного поведения. Финансировать незаконное вооруженное формирование лицо может, не создавая его, не руководя им и не участвуя в нем. Таким образом, следует рассмотреть вопрос об использовании положительного опыта конструирования ч. 1 ст. 208 УК РФ и соответствующим образом дополнить диспозицию ч. 1 ст. 185 УК РТ, указав на финансирование, как на самостоятельное проявление объективной стороны рассматриваемого посягательства.

Учитывая изложенное, в целях приведения в соответствие названия ст. 185 УК РТ и ее содержания предлагаем на законодательном уровне рассмотреть вопрос об изменении названия рассматриваемой статьи и указать в нем все возможные деяния, за совершение которых следует привлечение к уголовной ответственности.

Еще одной проблемой является использование составителями УК РТ устаревшей законодательной техники, содержащей казуистическое перечисление возможных вариантов наименования незаконного вооруженного формирования, причем этот перечень носит открытый характер: «объединение, отряд, дружина или иная группа». Здесь мы имеем дело с обратным подходом: если для успешной борьбы с рассматриваемым посягательством в статье следует закрепить все возможные его проявления (создание, руководство финансирование, участие), то перечисление возможных вариантов названий незаконного вооруженного формирования (тем более в открытом перечне), наоборот, перегружает норму и не способствует эффективному правоприменению.

Учитывая изложенное, следует убрать из диспозиции ч. 1 ст. 185 УК РТ перечисление возможных вариантов названия незаконного вооруженного формирования.

Предлагаем следующую авторскую редакцию названия и содержания диспозиции ч. 1 ст. 185 УК РТ:

«Статья 185. Создание незаконного вооруженного формирования, руководство, финансирование или участие в нем.

1. Создание незаконного вооруженного формирования, руководство, финансирование или участие в нем наказывается...».

Список источников

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 01.01.2024).

К. О. Карабеков

(Омская академия МВД России)

Основные направления совершенствования мер предупреждения интернет-мошенничества в Республике Казахстан

С развитием информационных технологий во всем мире наблюдается рост киберпреступности. По нашему мнению, киберпреступность в Казахстане необходимо определять как социальное и уголовно-правовое системное явление, складывающееся из совокупности уголовных правонарушений, зарегистрированных на территории Республики Казахстан, совершенных в сфере информатизации и связи и с использованием информационных технологий [1, с. 102].

За 2023 г. в Республике Казахстан было зарегистрировано 24 506 уголовных правонарушений с использованием информационной системы и в сфере информатизации и связи, что на 19,3% больше, чем в 2022 г. (удельный вес киберпреступности составил 17,5%) [2]. В структуре киберпреступности 88,86% уголовных правонарушений составляют мошенничества (п. 4 ч. 2 ст. 190 УК РК). Согласно информации МВД Казахстана, в 2023 г. зарегистрировано 21 777 интернет-мошенничеств. Это больше показателя 2022 г., составлявшего 20 444 преступления (темпы прироста 6,5%) [3].

По данным МВД Казахстана, большинство интернет-мошенничеств, связанных с оформлением на граждан кредитов и займов, а также хищением их банковских накоплений, совершаются зарубежными преступниками, входящими в состав транснациональных организованных преступных групп, работающих по принципу call-центров с постоянной дислокацией в странах ближнего и дальнего зарубежья [3].

В результате действий мошенников в 2022 г. гражданам причинен ущерб на сумму более 20 млрд тенге. Самым распространенным способом мошенничества является обман в сфере онлайн-торговли. Таким способом в 2022 г. совершено 7200 (35,2%) интернет-мошенничеств. Как правило, мошенники размещают объявления на сайтах и в социальных сетях. Они указывают заниженные цены на товар или услугу и просят предоплату либо полную оплату [4, с. 121].

Рост регистрации интернет-мошенничества свидетельствует о неэффективности основных проводимых мер по предупреждению и профилактике таких преступлений. Это указывает на недостаточность действующих стратегий и тактик в борьбе с мошенничеством в сети [5, с. 52].

Кроме того, доверчивость и правовая неграмотность граждан, распространение мошеннических мобильных приложений без должного контроля, а также активная реклама финансовых интернет-пирамид — все это способствует росту данного вида преступлений.

Безопасность в сети Интернет — один из самых важных аспектов борьбы с интернет-мошенничеством. Необходимо улучшить техническую защиту сетей и информационных систем, а также разработать и популяризировать рекомендации по обеспечению информационной безопасности среди населения. Крупные IT-компаний должны активно сотрудничать с правоохранительными органами, обмениваясь информацией о рисках, уязвимостях и методах защиты.

Изучив способы совершения интернет-мошенничеств в Казахстане, предлагаем следующие меры предупреждения:

- учитывая негативную динамику интернет-мошенничеств и общественную опасность киберпреступности в целом, для придания проблеме приоритетной государственной важности как общую меру предупреждения предлагаем принять Закон «О противодействии киберпреступности», который будет регулировать общественные отношения в сфере противодействия киберпреступности, а также иметь направленность на реализацию политики в области кибербезопасности Республики Казахстан;

- как специальную меру в мобильных приложениях всех банков распространять на постоянной основе короткие видеоролики, содержащие информацию о способах совершения интернет-мошенничеств;

- обеспечить меры предупреждения с учетом виктимологической особенности интернет-мошенничеств. Во всех организациях (независимо от формы собственности) необходимо разработать образовательные программы для разных возрастных групп, которые знакомят бы людей с методами мошенничества и помогали бы им развивать навыки самозащиты в интернете. Кроме того, следует повышать меры предосторожности, распространять различные рекомендации и советы о безопасном поведении в сети.

В заключение отметим, что борьба с интернет-мошенничеством требует комплексного подхода, объединяющего усилия в сфере правового регулирования, повышения информационной безопасности и реализации образовательных программ.

Список источников

1. *Карабеков К. О.* Понятие киберпреступности в Российской Федерации и Республике Казахстан // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: «История и право». 2022. Т. 12. № 5.

2. *Статистические данные* — сведения об уголовных правонарушениях за 2023 год. URL: <https://qamqor.gov.kz> (дата обращения: 29.02.2024).

3. *Официальный сайт* Министерства внутренних дел Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/> (дата обращения: 29.02.2024).

4. *Карабеков К. О.* Проблемы предупреждения киберпреступлений в Республике Казахстан // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2023.

5. *Мухамеджанова А. Д.* Особенности динамики киберпреступности в Республике Казахстан и ее влияние на вопросы ее предупреждения // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 2.

Н. М. Карамшоев

(Омская академия МВД России)

Тенденции терроризма в Российской Федерации и Республике Таджикистан

Проблема терроризма в Российской Федерации и Республике Таджикистан является очень актуальной, что обусловлено растущим количеством террористических актов на территории этих стран, наличием комплекса криминогенных факторов, препятствующих процессам предупреждения подобных преступлений и механизмам ранней индивидуальной профилактики.

Преступления террористической направленности — это крайние проявления экстремизма, характеризующиеся повышенным уровнем общественной опасности и имеющие тенденции к росту, расширению социальных последствий, а равно к усложнению причинного комплекса и механизма их осуществления.

В Российской Федерации за 2023 г. зарегистрировано 2382 преступления террористического характера (на 4,0% больше, чем в 2022 г.) и 1340 преступлений экстремистской направленности (–14,4%) [1]. В Республике Таджикистан за указанный период совершено 2233 преступления террористического характера (+4,5%) и 1566 преступлений экстремистской направленности (+48,2%)[2].

В последние десятилетия в Российской Федерации и Республике Таджикистан ощущаются растущие угрозы терроризма, который крайне негативно влияет на национальную безопасность. Формы и методы тер-

рористических угроз приобретают новый статус, расширяется их география и сфера действия, меняются способы совершения террористических атак и их цели. Проявления терроризма, превращаясь в беспрецедентную глобальную угрозу, приводят к трагическим и долгосрочным социально-политическим и духовным последствиям. В последние годы вовлечение граждан в террористические организации привело к увеличению общего уровня тяжких и особо тяжких преступлений, прежде всего, против личности.

В процессе исследования природы терроризма были выявлены основные тенденции развития данного социально опасного явления:

- расширение географии и интернационализация терроризма;
- усиление влияния различных факторов, способствующих возникновению и распространению терроризма;
- повышение уровня организованности террористической деятельности, создание крупных террористических формирований с развитой инфраструктурой;
- усиление взаимосвязи терроризма и организованной преступности;
- рост финансового и материально-технического обеспечения террористических структур;
- стремление субъектов терроризма завладеть средствами массового поражения людей;
- попытки использования терроризма в качестве инструмента вмешательства во внутренние дела государств;
- использование субъектами терроризма международных неправительственных организаций;
- разработка и совершенствование новых форм и методов терроризма, направленных на расширение масштабов последствий террористических акций и увеличение количества жертв [3].

Одной из причин совершения рассматриваемых преступлений в Республике Таджикистан является отсутствие системной профилактической работы и низкий уровень образования населения. Деятельность же правоохранительных органов в основном направлена на регистрацию совершенных преступлений. На макроуровне отсутствуют системные решения по предупреждению террористических преступлений. Вместе с тем предупреждение преступлений террористической и экстремистской направленности в современных условиях должно стать одним из приоритетных направлений деятельности любого государства в деле обеспечения мира и стабильности в обществе, что, в конечном итоге, будет способствовать защите прав и интересов граждан, повышению правовой культуры и др.

Учитывая изложенное, предлагаем следующие меры минимизации данных тенденций:

- криминологическая диагностика терроризма, изучение уголовных дел и преступных деяний, связанных с террористической деятельностью, в целях выявления и понимания их природы, мотивов, а также определения методов и тактики террористических группировок;
- предупреждение, пресечение и недопущение преступлений террористического характера;
- мониторинг готовности к террористическим угрозам;
- развитие мер социальной поддержки, улучшение доступа к образованию и создание условий для устойчивого развития общества;
- усиление сотрудничества между странами для обмена информацией и разработка общих стратегий борьбы с терроризмом.

Нельзя исключать, что в скором будущем, учитывая сложность борьбы с терроризмом, именно он станет способом решения многих политических вопросов и основной угрозой нормального существования государства. А появившиеся в наше время новые средства и способы его осуществления лишь еще больше затрудняют борьбу с ним.

Список источников

1. URL: https://мвд.пф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 19.01.2024).
2. Государственная программа противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021–2030 гг. от 30 июня 2021 г. № 265. URL: <http://mmk.tj> (дата обращения: 11.01.2024).
3. Методы, виды террористической деятельности и тенденции развития современного терроризма. URL: <https://aleysk22.ru/info-for-nas/antiterror/18150/> (дата обращения: 19.01.2024).

Н. В. Климович

(Барнаульский юридический институт МВД России)

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (ст. 90 УК РФ): некоторые проблемы назначения

Несмотря на в целом позитивные тенденции в динамике преступности несовершеннолетних в Российской Федерации, лицами, принадлежащими к данной возрастной категории, по-прежнему совершаются преступления различной степени тяжести, в связи с чем законодатель предусмотрел

для них в числе мер уголовно-правового характера, помимо собственно уголовного наказания, также и принудительные меры воспитательного воздействия (далее — ПМВВ), которые могут назначаться им вместо уголовной ответственности либо вместо уголовного наказания (ст. ст. 90–92 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)) и имеют ярко выраженный превентивный характер. Согласимся с мнением И. Н. Тюриной о том, что такие меры являются гуманным средством профилактики преступлений несовершеннолетних [1, с. 287].

При анализе норм, регламентирующих ПМВВ, обнаруживается явный пробел в законодательстве в части регулирования такой меры, как ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (п. «г» ч. 2 ст. 90, ч. 4 ст. 91 УК РФ), включающей в себя в том числе ограничение пребывания лица вне дома. Проблема заключается в определении промежутка времени, в границах которого несовершеннолетний обязан находиться дома. В части 4 ст. 91 УК РФ эта составляющая рассматриваемой ПМВВ обозначена как «ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток», что, во-первых, создает ложное впечатление о необходимости установления в правоприменительном акте лишь одной временной границы (начальной), а не двух (начальной и конечной); во-вторых, не решает вопрос о том, какими должны быть эти границы. В юридической литературе на наличие данной проблемы некоторые авторы уже указывали [2, с. 118–120]. Судебные органы при назначении рассматриваемой меры определяют время на свое усмотрение. Анализ судебной практики показал, что в постановлениях судов применительно к ограничению пребывания подростка вне дома часто прописано: «после 22 часов» [3], «в период времени с 22.00 до 06.00» [4] и т. п.

Представляется, что в судебном акте о назначении ПМВВ в виде ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего обязательно должны быть указаны обе границы промежутка времени, в течение которого подростку запрещено находиться вне дома (если суд вообще сочтет необходимым избрать такое правоограничение). Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности на основании ст. 90 УК РФ является условным и может быть отменено при систематическом неисполнении лицом назначенной ПМВВ, что повлечет применение к нему уголовной ответственности (ч. 4 ст. 90 УК РФ). Однако фиксация неисполнения установленного постановлением суда правоограничения при отсутствии четкого указания обеих границ промежутка времени, в течение которого подростку запре-

щено покидать место проживания (например, после 22 часов), по существу отдается на усмотрение правоприменителя и оказывается весьма субъективной.

Заслуживает внимания и вопрос о том, какими именно должны быть границы промежутка времени, в течение которого несовершеннолетний не должен находиться вне дома. Рассматриваемое правоограничение имеет важное превентивное значение, поскольку способствует предотвращению совершения преступлений и иных правонарушений как самими несовершеннолетними, так и в отношении несовершеннолетних, прежде всего, в ночное время.

Следует отметить, что в различных субъектах Российской Федерации приняты законы, ограждающие детей от такого рода рисков. Так, закон Алтайского края от 7 декабря 2009 г. № 99-ЗС «Об ограничении пребывания несовершеннолетних в общественных местах на территории Алтайского края», принятый в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», устанавливает меры по недопущению негативного воздействия на здоровье, физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие детей в виде запрета проведения досуга в ночное время без сопровождения родителей, лиц, их заменяющих, или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей: а) в возрасте до 16 лет — с 22.00 до 06.00 местного времени; б) в возрасте от 16 до 18 лет — с 23.00 до 06.00 местного времени.

Полагаем, что судам при назначении ПМВВ в виде ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего, если в числе правоограничений указывается ограничение пребывания вне дома в течение определенного промежутка времени, следует ориентироваться, прежде всего, на соответствующие законы субъектов РФ и предусмотренные в них периоды суток, в которые подросткам запрещается находиться в общественных местах без сопровождения ответственных за них взрослых лиц. Очевидно, что ограничение пребывания несовершеннолетнего вне дома, возлагаемое на него в рамках применения ПМВВ, назначенной за совершение преступления, не может иметь более узких временных границ, чем те, что установлены региональным законодательством для несовершеннолетних, не являющихся правонарушителями. Однако наиболее оптимальным вариантом решения проблемы была бы конкретизация границ промежутка времени, в течение которого несовершеннолетнему запрещено находиться вне дома, при описании содержания рассматриваемой ПМВВ в ч. 4 ст. 91 УК РФ.

Список источников

1. Тюрина И. Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как средство предупредительного воздействия // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1.

2. Тюрина И. Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как вид освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания: уголовно-правовой и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2016.

3. Постановление Сунженского районного суда Республики Ингушетия от 9 июля 2020 г. № 1-50/2020 по делу № 1-50/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sEz5ZeMeOILT/> (дата обращения: 18.03.2024).

4. Постановление Иглинского межрайонного суда Республики Башкортостан от 27 апреля 2020 г. № 1-87/2020 по делу № 1-87/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eQ9B1Rirufbr/> (дата обращения: 18.03.2024).

С. С. Кондратюков

(Омская академия МВД России)

Уголовно-правовые и криминологические аспекты экономических преступлений сотрудников частных охранных организаций

С развитием негосударственного сектора в экономике России и различных форм собственности возникла объективная потребность появления частных и иных охранных структур, обеспечивающих защиту от множества рисков субъектов отечественного рынка.

Криминализация экономических отношений и становление предпринимательской деятельности выявили неспособность государственной охраны в полной мере обеспечить надлежащую безопасность личности, защиту производства, собственности и имущества граждан, всесторонне разрешить вопросы охраны общественного порядка.

Практическая деятельность частных и иных охранных структур вскрыла существенные проблемы, связанные с выходом данных субъектов за пределы их правоспособности, а также совершением сотрудниками преступлений экономической направленности (незаконное предпринимательство (ст. 171 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)) — охрана объектов без договора, без лицензии; коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ) — нарушение принципов конкурентной борьбы

в условиях рыночной экономики с помощью коррупционных проявлений в предпринимательской среде, взаимная выгода на аукционах на право заключения госконтрактов; уклонение от уплаты налогов (ст. 199 УК РФ), а также проблемы, связанные с привлечением под охрану на заведомо невыгодных условиях, ограничение конкуренции).

За последнее десятилетие наблюдается рост преступлений экономической направленности в сфере охранной деятельности. Данная тенденция является серьезным фактором угрозы национальной безопасности государства, который находит свое отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Активное противодействие со стороны государства преступлениям экономической направленности в сфере охранной деятельности должно способствовать их действенному предупреждению и пресечению.

В связи с этим необходимо принимать дополнительные усилия для того, чтобы своевременно предупреждать и выявлять экономические преступления в сфере охранной деятельности, определять причины и условия совершения данных преступлений, разрабатывать механизмы противодействия и предупреждения, принимать меры по возмещению материального и морального ущерба.

Однако в настоящее время имеют место факты осуществления охранных услуг без оформления должным образом специальных разрешений и лицензий в целях ухода от налогообложения и добросовестной конкуренции, оказания охранных услуг по аннулированным либо просроченным лицензиям.

Криминологическими детерминантами экономических преступлений в сфере охранной деятельности являются: стремление к получению максимальной прибыли в короткие сроки незаконными способами, позволяющими уклоняться от уплаты налогов государству частным и иным охранным структурам, привлечение под охрану объектов незаконными способами.

Социально-правовая значимость охранных услуг состоит в защите экономических субъектов от преступных посягательств и чрезвычайных обстоятельств (ситуаций), что в конечном счете способствует росту экономической активности и защищенности бизнеса в современных рыночных условиях.

Таким образом, отмеченные обстоятельства обусловили необходимость существенных изменений законодательства, регулирующего охранную сферу деятельности, которое требует корректировки в со-

временной турбулентной экономике, что позволит повысить надежность охраны объектов, качество оказываемых услуг, снизить уровень преступности, предупредить факты незаконного предпринимательства, ограничения конкуренции в охранном бизнесе, коммерческого подкупа, уклонения от уплаты налогов; стимулировать добросовестную конкуренцию на рынке охранных услуг, усилить антитеррористическую укрепленность охраняемых объектов и способствовать эффективному применению уголовно-правовых норм при квалификации экономических преступлений, совершаемых сотрудниками частных охранных организаций.

О. И. Карнакова

(Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск)

Проблемы привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере государственного оборонного заказа

В 2022 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) были введены новые составы преступления, предусмотренные ст. ст. 285⁵, 285⁶. Сделано это в целях охраны общественных отношений в сфере закупок товаров и услуг, связанных с оборонным комплексом страны. Изменения вызвали споры и определенную критику со стороны должностных лиц и научного сообщества. В последние годы в нашей стране наблюдается рост коррупции, мошенничества и злоупотребления полномочиями в данной сфере, что серьезно подрывает безопасность страны. Однако, несмотря на работу государства по борьбе с данными преступлениями, нарушения все же имеются [1, с. 101].

Причинами совершения преступлений при реализации государственного оборонного заказа (далее — гособоронзаказ) являются многоуровневость и привлечение большого количества лиц, как следствие, отсутствие должных мер контроля и наказания. К уголовной ответственности в основном привлекаются исполнители преступления, в то время как руководители и высшие должностные лица остаются безнаказанными. Эти условия благоприятны для систематического нарушения закона и бесконтрольного расходования бюджетных средств.

Ужесточение уголовной ответственности за преступления в сфере гособоронзаказа — важный шаг в борьбе с преступностью.

Вместе с тем введение новых статей в УК РФ только усложняет правоприменение и создает искусственную конкуренцию уголовно-правовых норм, так как новые составы пересекаются между собой.

По статье 285⁵ УК РФ выносится наказание за нарушение условий государственного контракта по гособоронзаказу либо договора, заключенного в целях выполнения данного заказа, должностным лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное чч. 1, 2 или 2.1 ст. 14.55 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ).

По статье 285⁶ УК РФ наказываются за отказ или уклонение должностного лица, подвергнутого административному наказанию за деяния по ч. 1 или 2 ст. 7.29.2 КоАП РФ, от заключения государственного контракта по гособоронзаказу либо договора, необходимого для выполнения данного заказа, если заключение контракта либо договора является обязательным в соответствии с федеральным законом.

Еще одной проблемой является неясность законодательства, регулирующего гособоронзаказ. Нередко разница в толковании усложняет определение границы между допустимыми и недопустимыми действиями.

Отсутствие достаточного количества механизмов пресечения преступлений в данной сфере также является одной из проблем. Латентность и отсутствие эффективных инструментов не позволяют обнаружить такие преступления. Необходимо разработать и внедрить механизмы контроля и надзора, которые способствовали бы оперативному реагированию на незаконные действия и предотвращали преступления [2, с. 129].

Несмотря на существующие проблемы, ведется работа по улучшению и совершенствованию законодательства. Дальнейшее развитие этой системы поможет снизить уровень преступности и обеспечить эффективное функционирование оборонного сектора.

Список источников

1. Дегтярев И. П. Проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в сфере закупок товаров и услуг // Закон и право. 2021. № 11.

2. Лопашенко Н. А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // LexRussica, 2023. № 4(197).

М. В. Кукасов

(Барнаульский юридический институт МВД России)

Проблемы конкуренции взаимно-специальных составов преступления

Существование института специальных составов преступлений связано с вопросом конкуренции уголовно-правовых норм. Фундаментальное правило преимущества специальной нормы перед общей, которое берет свое начало с римского права, в отечественном уголовном законе впервые получило свое закрепление в ч. 3 ст. 17 УК РФ. Однако в последние годы количество специальных составов в Особенной части УК РФ значительно увеличилось. В результате при квалификации преступлений возникают ситуации, когда совершенное преступление охватывается сразу несколькими специальными составами. Такие конструкции можно именовать взаимно-специальными составами преступлений. Возникает вопрос, каким образом в этом случае осуществляются правила квалификации и конкуренции уголовно-правовых норм.

Ответить на поставленный вопрос достаточно сложно, что объясняется недостаточной разработанностью в теории уголовного права специальных составов преступлений и отсутствием упоминания возможности существования нескольких конструкций, признаки которых частично совпадают.

Например, в тех случаях, когда должностное лицо нарушает требования охраны труда, деяние охватывается собой несколько составов преступлений (ст. ст. 143 и 293 УК РФ). Статья 143 УК РФ (нарушение требований охраны труда) выделяет из всех деяний, указанных в ст. 293 УК РФ (халатность), преступления, нарушающие требования охраны труда, следовательно, содержит специальный состав с уточненным способом и обстановкой. Однако ст. 293 УК РФ предусматривает должностное лицо в качестве специального субъекта, соответственно, ограничивает действие уголовно-правовой нормы из любого несоблюдения правил. Очевидно, что в данном случае образованы два взаимно-специальных состава преступления, первый из которых уточняет способ и обстановку, а второй — субъект.

В. Б. Шакин считает, что в подобных случаях имеет место идеальная совокупность преступлений [1, с. 123]. Однако, по нашему мнению, такая квалификация приводит к двойной ответственности за одно деяние, что нарушает такой основополагающий принцип уголовного закона, как справедливость.

При этом закрепление в рамках различных разделов и глав уголовного закона специальных составов преступлений, признаки которых частично совпадают, не вызывает каких-либо возражений. Так, квалифицированные составы (которые по своей сути являются специальными) нередко предусматривают ответственность за такие преступления, которые выделены законодателем в самостоятельные конструкции. Например, признак «с использованием служебного положения» превращает соответствующий состав в конкурирующий с преступлениями против государственной власти, интересов коммерческих и иных организаций. Следовательно, необходимо выработать правила квалификации деяний, признаки которых соответствуют сразу нескольким специальным составам преступлений.

В этой части стоит отметить, что большинством авторов, разрабатывающих основы квалификации преступлений, не акцентируется внимание на разрешении вопроса о конкуренции взаимно-специальных составов [2, с. 18]. В отдельных научных работах указывается, что при квалификации преступных деяний этап сопоставления фактических данных о лице с признаками субъекта преступления предшествует этапу установления объекта преступления [3, с. 307].

Полагаем, что приоритетное значение при квалификации имеет не субъект, а объект преступления. Это объясняется тем, что назначение уголовного закона заключается в охране различных сфер общественных отношений, вследствие чего Особенная часть УК РФ систематизируется именно в зависимости от объекта преступного посягательства, а не других признаков состава преступления.

Еще В. Н. Кудрявцев упоминал, что при квалификации преступления «установление объекта преступного посягательства служит как бы предварительной программой для выбора той группы смежных составов, среди которых нужно будет уже более тщательно искать необходимую норму» [4, с. 158–159].

Можно сделать вывод, что единообразное решение квалификации взаимно-специальных составов в науке уголовного права не представлено. Таким образом, если в нескольких специальных составах преступлений признаки частично совпадают, осуществляя конкуренцию, нужно основываться на признаках объекта преступления, из чего следует, что если нарушение правил допускается должностным лицом в сфере охраны труда, то квалифицироваться такие деяния должны исключительно по ст. 143 УК РФ.

Список источников

1. Шакин В. Б. Преодоление конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
2. Российское уголовное право : курс лекций : в 7 т. / под ред. А. И. Коробеева. Владивосток, 2000. Т. 3.
3. Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная / под ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкиной, С. В. Максимова. М., 1999.
4. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999.

В. М. Куровский

(Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск)

Социально-демографическая характеристика личности иностранного гражданина и лица без гражданства, совершающего преступления экстремистской направленности

Изучением криминологической характеристики личности преступника-экстремиста занимались такие ученые, как Ю. М. Антонян, О. П. Грибунов, А. В. Петрянин, Р. М. Узденов, С. Н. Фридинский, М. В. Ульянов [1, с. 11; 2, с. 16; 3, с. 105; 4, с. 11; 5, с. 23; 6, с. 9] и др.

Ю. М. Антонян совершенно справедливо отмечал, что исследование причин преступных действий и антисоциального поведения стоит в центре криминологических наук [1, с. 11–12]. Исследование личности преступника считается важной задачей в рамках изучения криминальных явлений, так как это помогает понять мотивы и причины их действий.

Статистические данные относительно иностранных граждан и лиц без гражданства позволяют сформировать общую картину характеристик потенциальных преступников, что является ключевым шагом в прогнозировании преступной деятельности и борьбе с рассматриваемым видом преступности.

Так, в 2023 г. через пункты пропуска с различными целями в Россию въехало более 15 млн иностранных граждан, из которых 112 329 лиц без гражданства [7]. Подразделениями по вопросам миграции органов внутренних дел зарегистрировано 16 870 094 случая, когда иностранные граждане и лица без гражданства обращались по вопросу постановки на миграционный учет [8]. Ежегодно с 2019 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства совершается в среднем 39 преступлений экс-

тремисткой направленности, что составляет не более 3,5% от общего количества совершаемых преступлений указанной категории [9].

Латентность преступлений экстремистской направленности, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, обуславливает необходимость детального изучения этого феномена, в том числе с позиции исследования криминологической характеристики мигранта-экстремиста. Данные о социально-демографических характеристиках (возраст, пол, образование, социальный статус, профессия, место жительства) помогают создать прогностическую модель для предотвращения преступлений.

В целях криминологической характеристики экстремиста, выявления его общих черт проведено эмпирическое исследование сотрудников правоохранительных органов Иркутской области, непосредственно сталкивающихся в повседневной деятельности с иностранными гражданами и лицами без гражданства. В качестве опрашиваемых выступили работники прокуратуры, следователи Следственного комитета, оперуполномоченные, участковые уполномоченные, сотрудники подразделений в сфере миграции, охраны общественного порядка органов внутренних дел и уголовно исполнительной системы. Анкета содержала 9 вопросов, 5 из которых касалась социально-демографических признаков личности иностранца-экстремиста.

Опрос показал, что 98% иностранных граждан — лица мужского пола, лишь 2% — женского. Необходимо отметить, что обсуждения в научных кругах насчет гендерной принадлежности экстремистов являются актуальными. Женский экстремизм признан более редким, чем мужской, однако степень его жестокости превосходит.

Следующий показатель — возраст. На этот вопрос респонденты ответили, что в 94% случаев преступления экстремистской направленности совершают иностранные граждане и лица без гражданства в возрасте от 18 до 35 лет, значительно реже (в 6% случаев) — лицами старше 35 лет.

Возраст современного иностранца-экстремиста соответствует данным, которые содержатся в международной полицейской организации Интерпол. Большинство разыскиваемых за совершение преступлений террористической направленности — лица в возрасте до 35 лет, исповедующие ислам [10].

По уровню образования иностранные граждане-экстремисты в 86% случаев не оканчивали специальных (профессиональных) учреждений. В Россию они приезжают для осуществления трудовой деятельно-

сти, не требующей образования, в основном это неквалифицированный физический труд.

Относительно гражданской принадлежности лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, будем опираться на статистические показатели МВД России. Так, лидерами по количеству совершаемых преступлений экстремистской направленности являются граждане Таджикистана (47%), за ними следуют граждане Узбекистана (18%), Киргизии (16%) и Азербайджана (11%). Значительно реже (от 1 до 3%) преступления экстремистской направленности совершают граждане Армении, Беларуси, Казахстана, Молдовы, Туркменистана [11].

Сведения об иностранных гражданах и лицах без гражданства, попавших в поле зрения правоохранительных органов, пребывающих в Российской Федерации по сферам деятельности, показывают, что в основном это лица, осуществляющие трудовую деятельность, — 60%, обучающиеся — 23%, а также нелегалы — 17%.

Анализ семейных отношений иностранцев-экстремистов свидетельствует, что чаще всего (57%) подобные преступления совершают иностранные граждане и лица без гражданства, не имеющие семьи; в 31% случаев это лица, имеющие семью и воспитывающие детей; в 12% случаев — семейные лица, но не имеющие детей.

На вопрос, какую долю занимают в экстремистской преступности иностранные граждане или лица без гражданства, респонденты ответили, что 97% — это иностранные граждане, а 3% приходится на лиц без гражданства.

Список источников

1. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. М., 2004.

2. Грибунов О. П. Теоретические основы и практика реализации криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности // Известия Тульского государственного университета. 2017.

3. Петрянин А. В. Личность экстремиста: криминологический аспект // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4(20).

4. Узденов Р. М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

5. Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.

6. Ульянов М. В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

7. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/384799> (дата обращения: 11.02.2024).

8. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 11.02.2024).

9. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 11.02.2024).

10. URL: <https://www.interpol.int/How-we-work/Notices/Red-Notices/View-Red-Notices> (дата обращения: 11.02.2024).

11. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics?ysclid=liv1iebo6v272222853> (дата обращения: 11.02.2024).

К. А. Лебедева

(Омская академия МВД России)

Криптовалюта как предмет присвоения или растраты

Как верно отметил Н. Меркулов, криптовалюта прошла долгий путь — от нематериальной фикции, созданной криптоанархистами для сокрытия различных активов, до признания в качестве полноценного объекта гражданских прав, закрепленного в ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [1, с. 162]. Для того чтобы понять, может ли криптовалюта выступать предметом присвоения или растраты, необходимо определиться с ее природой и в целом разобраться с вопросом ее относимости к предмету хищения.

Мнение о том, что суть предмета хищения должна проявляться в материализме, получило свое распространение еще в начале XX в. И. Я. Фойницкий отмечал, что предмет хищения должен быть материальным и вещественным, доступным для осязания и чувственного восприятия [2, с. 162]. Такая концепция определения предмета хищения, существовавшая в прошлом, продолжает применяться и сегодня при рассмотрении соответствующих преступлений.

Однако в условиях развивающегося информационного общества и динамичных рыночных отношений традиционное представление о предмете хищения было пересмотрено. Современные экономические порядки охватывают разнообразные формы имущественных отношений, выходя за рамки материальных ценностей и вещей. Финансовый капитал, цифровые активы, интернет-имущество и другие нематериальные активы становятся

все более значимыми и ценными. Несмотря на то, что они «не являются материальными вещами, они могут являться предметом хищения, о чем свидетельствует судебная практика, демонстрируя необходимость адаптации уголовно-правовой доктрины к современным реалиям» [3].

В доктрине уголовного права так же, как и в правоприменительной практике, получила свое распространение точка зрения, согласно которой предмет хищения должен обладать определенными признаками.

1. Вещный признак — ряд федеральных законов признали криптовалюту имуществом [4; 5].

2. Экономический признак — цифровая валюта обладает стоимостью, которую можно выразить в денежном эквиваленте, о чем свидетельствует судебная практика.

3. Юридический признак — законодатель определяет цифровую валюту как средство платежа и как инвестицию, но при этом запрещает ее прием в качестве встречного предоставления, предполагающего оплату товаров, работ, услуг. Системное толкование ст. 128 ГК РФ, а также положений Федерального закона от 31 июля 2020 г. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (далее — Закон о цифровых финансовых активах) позволяет сделать вывод, что цифровая валюта является объектом гражданских прав, не изъята из свободного гражданского оборота и не является ограничено оборотоспособной.

Закон о цифровых финансовых активах разграничивает понятия «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта». Согласно этому закону цифровые финансовые активы представляют собой цифровые права, в то время как цифровая валюта определяется как совокупность электронных данных, которые предлагаются и могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося официальной валютой. Таким образом, цифровая валюта не подпадает под определение цифровых финансовых активов.

Согласно гражданскому законодательству цифровые финансовые активы имеют обязательственно-правовую природу и относятся к имущественным правам в форме обязательственных прав. Эти права не являются материальными объектами. Однако цифровая валюта признана законодателем имуществом. Исходя из этого, цифровая валюта обретает имущественную природу.

Таким образом, цифровая валюта (криптовалюта) хоть и не является объектом материального мира, однако может быть предметом хищения

и, соответственно, предметом преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, что подтверждается судебной практикой [6]. Представление о предмете присвоения или растраты должно быть расширено и включать как материальные, так и нематериальные активы, хищение которых может причинить ущерб потерпевшему.

Список источников

1. Меркулов Н. О природе криптовалюты. Объект нематериального мира может быть предметом хищения // Адвокатская газета. 2023. № 3(356).

2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб., 1907.

3. Приговор Октябрьского районного суда города Тамбова от 15 февраля 2019 г. по делу № 1-134/19. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.

5. Об исполнительном производстве : федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ.

6. Приговор Мещанского районного суда города Москвы от 20 сентября 2023 г. по делу № 01-0990/2023.

Ш. Г. Мамедов

(Омская академия МВД России)

Поведенческие маркеры лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях

Предупреждение вооруженных нападений в образовательных организациях невозможно без детального исследования поведенческих особенностей лиц, совершающих данные преступные посягательства. Одной из таких особенностей является проявление лицами маркеров, сигнализирующих о планировании массового убийства в учебном заведении.

Под маркерами в статье следует понимать процессы или явления, несущие сообщения о вероятностном характере совершения вооруженного нападения в образовательной организации.

Так, поведенческими маркерами лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях, являются:

1. Несвойственное ранее увлечение лица жестоким контентом (фильмы/игры/аудиовидеосюжеты), проявление спонтанной агрессии, суицидальные идеи, интерес к армейской и оружейной тематике.

2. Отрешение от социума, неприятие общественных норм и правил, прямые высказывания о ненависти к обществу, физические или психологические конфликты с окружающими.

3. Оправдание преступных деяний серийных убийц, маньяков, насильственных преступников, публикация в социальных сетях и мессенджерах информации, связанной с известными актами массового убийства в учебных заведениях, в том числе с использованием фотоизображений, цитат, различного рода упоминаний личностей наиболее известных преступников.

Так, П. на странице в социальной сети «ВКонтакте» во всеобщем доступе в качестве статуса употребил фразу нападавшего на школу Колумбайн Дилана Клиболда «Delete my life» (удалить свою жизнь); Р. как статус применил слово «Hate» (ненависть), использованное Эриком Харрисом и т. д.

4. Использование одежды как внешнего проявления своих убеждений: солнцезащитные очки; бандана либо маска по типу балаклавы; футболки с надписями: «Natural selection» (естественный отбор); «NaturalBornKillers/NBK» (прирожденные убийцы); «Hate» (ненависть); «Wrath» (гнев); «We are KMFDМ» (мы без жалости к большинству); «Ich bin Gott» (Я — Бог); «1999»; «Delete my life» (удалить свою жизнь) и др.; длинные плащи; брюки темного цвета либо в стиле милитари; высокие ботинки, берцы.

Отметим, что данный перечень одежды не являются исчерпывающими, но большинство лиц, совершивших вооруженные нападения в образовательных организациях, использовали, как минимум, один отличительный компонент одежды. Помимо прочего, в различных элементах одежды отмечаются отсылки к известным преступникам, в том числе упоминание их имен, даты нападения и т. д.

5. Публикация в сети Интернет посланий (манифестов) о предстоящем нападении.

В соответствии с планом преступления Г., находясь в своем жилище, используя телефон марки Alcatel, создал в мессенджере Telegram канал под названием «Бог», в котором разместил сообщение и фотоизображения о готовящемся им публичном убийстве с текстом: «Сегодня я застрелю огромное количество биомусора и сам застрелюсь» [1].

Б. в социальной сети «ВКонтакте» перед совершением нападения опубликовал большой пост об истории своей жизни и о том, как он пришел к необходимости массового расстрела: «...Этот день станет самым насыщенным днем в моей жизни, я проживу его так, как многие из вас не проживают свои жизни. Не знаю, скольких я смогу убить, но я сделаю все, чтобы забрать с собой как можно больше»[2].

Таким образом, знание поведенческих сигналов о возможном совершении вооруженного нападения в образовательной организации и их своевременное выявление позволяют на ранней стадии устанавливать личности тех, чьи мотивы и жизненные установки свидетельствуют о реальной угрозе совершения массового убийства в учебном заведении, а также пресекать противоправные деяния на стадии приготовления преступного посягательства.

Список источников

1. *Приговор* Верховного Суда Республики Татарстан по делу от 13 апреля 2023 г. № 2-4/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Пермский стрелок* Тимур Бекмансуров опубликовал манифест URL: https://ru.wikinews.org/wiki/Пермский_стрелок_Тимур_Бекмансуров_опубликовал_манифест (дата обращения: 12.02.2024).

А. Д. Медведев

(Санкт-Петербургский университет МВД России)

К вопросу об обороте оружия, имеющего культурную ценность, или старинного (антикварного) оружия

Оружие является одним из самых древних предметов коллекционирования, с давних времен победители сражений присваивали оружие и доспехи стороны, потерпевшей поражение. В настоящее время в мировом сообществе коллекционирование оружия получило широкое распространение, ведь для каждого исторического периода характерны свои типы холодного, огнестрельного и иного вида оружия, олицетворяющие достижения культуры и техники того времени [1, с. 18].

Основополагающим законом, регулирующим вопросы оборота различного вида оружия на территории Российской Федерации, является Федеральный закон «Об оружии» [2]. Следует отметить, что государственная политика уделяет особое внимание вопросам регулирования

оборота оружия. Более 60 раз принимались поправки к Федеральному закону «Об оружии» с момента его принятия.

Отдельно следует рассмотреть изменения Федерального закона «Об оружии» в 2012 г., касающиеся введения новых правовых категорий [3]. Наличие неясностей и имеющихся противоречий в уголовном законодательстве породило необходимость законодательного закрепления определений «оружие, имеющее культурную ценность» и «старинное (антикварное) оружие».

Мы согласимся с мнением А. В. Головизнина, что двойственность природы оружия, обладающего культурной ценностью, привела к проблемам правоприменения [4, с. 49].

Отметим, что оружие, имеющее культурную ценность, является оружием, включенным в состав Музейного фонда Российской Федерации на основании Федерального закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [5] либо подпадающим в соответствии с решением уполномоченного Правительством Российской Федерации федерального органа исполнительной власти под действие Закона Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей», в том числе старинное (антикварное) оружие [6].

Таким образом, оружие, имеющее культурную ценность, согласно положениям указанных норм должно состоять на учете в Музейном фонде Российской Федерации или быть ввезено на территорию государства в соответствии с оформленной таможенной декларацией, с обязательным предъявлением документов, подтверждающих приобретение такого вида оружия, и разрешение, полученное в Музейном фонде Российской Федерации, ввиду того, что при ввозе предмет приобретает статус культурной ценности.

Считаем необходимым указать, что законодатель не предпринял попыток определения основных параметров и характеристик разграничения оружия, имеющего культурную ценность, от иного вида оружия. Это вызывает противоречивое толкование указанных определений. Вместе с тем криминалистические требования к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия и патронов к нему [7] также не предусматривают обязательных критериев оружия, необходимых для их отнесения к оружию, имеющему культурную ценность. В связи с этим полагаем, что оружие современного образца, представляющее историческую, культурную и иную ценность (наградные пистолеты, кортики, охотничьи ружья ручной работы и т. п.), может быть отнесено к оружию, имеющему культурную ценность, что порождает возможность без необ-

ходимой лицензии и соответствующих разрешительных документов приобретение такого вида оружия.

Рассматривая вопрос старинного (антикварного) оружия, следует учитывать, что к нему относится огнестрельное, метательное и пневматическое оружие, произведенное до конца 1899 г. (за исключением огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы патронами), а также холодное оружие, произведенное до конца 1945 г.

Оружие, имеющее культурную ценность, старинное (антикварное) оружие, его копии и реплики относятся только к гражданскому оружию и являются личным имуществом граждан, однако для его приобретения и коллекционирования требуется соответствующая лицензия, выдаваемая федеральным органом исполнительной власти или его территориальными органами, т. е. Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации. Разрешение на приобретение и хранение коллекционируемого оружия не предоставляет права на охоту с ним. Кроме того, оружие, являющееся объектом коллекционирования, запрещается использовать в учебных и тренировочных целях на стрелковых объектах [8]. В соответствии со ст. 24 Федерального закона «Об оружии» запрещено любое применения оружия, имеющего культурную ценность, а также старинного (антикварного) оружия. При этом уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает запрет на уничтожение культурных ценностей (ст. 243 УК РФ), в связи с чем уничтожение оружия, имеющего культурную ценность, или приведение его в негодность (разрушение конструкции, механизмов и т. п.) могут повлечь уголовную ответственность. При этом уголовное законодательство не предусматривает каких-либо обстоятельств освобождения от уголовной ответственности.

В настоящее время согласно положениям действующего законодательства не требуется ставить на учет приобретенное старинное (антикварное) оружие, его копию, реплику. Данные нормы относятся и к холодному клинковому оружию, имеющему культурную ценность. Вместе с тем необходимо отметить то обстоятельство, что оружие, имеющее культурную ценность, в том числе старинное (антикварное) оружие, можно использовать по своему прямому назначению, в связи с чем считаем, что учет и регистрация такого вида оружия, находящегося у коллекционеров, требует государственного регулирования.

Таким образом, полагаем, что в целях разрешения некоторых рассматриваемых проблем, связанных с оборотом оружия, имеющего культурную ценность, и старинного (антикварного) оружия, следует устранить

неоднозначность толкования указанных понятий, основываясь на противоречиях, вызванных правоприменительной деятельностью. Необходимо определить основные параметры и характеристики разграничения оружия, имеющего культурную ценность, от иного вида оружия.оборот оружия, имеющего культурную ценность, но не отнесенного к антикварному оружию, требует совершенствования правил приобретения, хранения и учета.

Список источников

1. *Пушкарев А. Л.* К отдельным аспектам проблемы коллекционирования предметов вооружения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 3.

2. *Об оружии* : федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии»* : федеральный закон от 10 июля 2012 г. № 113-ФЗ.

4. *Головизнин А. В.* Право граждан на оружие, имеющее культурную ценность: проблемы достижения баланса интересов // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 2.

5. *О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации* : федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ.

6. *О вывозе и ввозе культурных ценностей* : закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1.

7. *Об утверждении* Криминалистических требований к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему : приказ МВД России от 7 июня 2022 г. № 403.

8. *О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации* : постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814.

Р. К. Медведев

(Омская академия МВД России)

Оценка объективной (непосредственной) малозначительности деяния в уголовном праве

Проблема малозначительности деяния и общественной опасности является важной и актуальной в современном обществе. Правильное определение и применение критериев малозначительности деяния имеет

принципиальное значение для обеспечения справедливости, эффективности и безопасности в государстве.

Общественная опасность деяния выступает ключевым фактором для вынесения решения о признании его преступлением, а также основополагающим признаком при последующей его квалификации. Проблема установления уголовной противоправности зависит от фактора опасности, грозящей обществу, в котором деяние было совершено.

Вопросы дефиниции такого термина, как «малозначительность деяния», а также трудности, связанные с отсутствием однозначных, четких критериев, позволяющих использовать данную уголовно-правовую категорию на постоянной основе, существуют не только в теории уголовного права, но и в судебной и следственной практике, когда правоприменитель сталкивается с невозможностью грамотного отграничения преступления от деяния, в котором хоть и имеются признаки состава преступления, но совершенное деяние не несет за собой серьезной угрозы общественной безопасности.

На наш взгляд, критерии малозначительности деяния и общественной опасности могут варьироваться в зависимости от контекста и ситуации, но обычно учитываются следующие факторы.

1. Оценка по вреду или потенциальному вреду причиняемым деянием. Если действие не причиняет никакого вреда или несет за собой незначительные негативные последствия другим людям или обществу в целом, оно может быть рассмотрено как малозначительное. Иллюстрацией данного критерия может служить обвинительный акт по уголовному делу в отношении ранее судимого 33-летнего уроженца Кировской области, утвержденный прокуратурой Кировского района г. Санкт-Петербурга. По версии органов дознания, ночью 8 ноября 2022 г. обвиняемый зашел в цветочный магазин у подземного перехода на площади Стачек, где в присутствии продавца открыто похитил стеклянную вазу с 50 розами алого цвета стоимостью 1,5 тыс. рублей [1]. С нашей точки зрения, неоспоримо, имеется оценка личности, совершившей деяние, что приводит к субъективному принятию решения, невзирая на иные обстоятельства совершенного противоправного действия.

2. Интенсивность или степень общественной опасности. Если деяние не представляет значительной опасности для общества и государства, то оно может быть рассмотрено как малозначительное. Действительно, не всегда совпадение всех элементов состава преступления означает высокую степень общественной опасности данного деяния.

Так, Кинешемский городской суд Ивановской области вынес обвинительное заключение в отношении ранее судимых О. Н. Николаева и Н. А. Уткина, совершивших покушение на кражу, т. е. на тайное хищение чужого имущества группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в помещение. А именно, осуществлялось посягательство на листы железа, покрывавшего крышу неработающего детского дома (после пожара), которые были ржавыми, обгоревшими и непригодными для дальнейшего использования. Их стоимость составила 506 рублей 25 копеек. При этом преступление не было доведено до конца по независящим от них обстоятельствам [2]. И лишь суд апелляционной инстанции постановил отменить данный приговор в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ и производство по делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекратить за отсутствием состава преступления в действиях данных лиц [3].

Рассматривая эту ситуацию, нельзя не согласиться с доводами Л. В. Лобановой и А. П. Рожнова о том, что «при наличии квалифицирующих признаков мелкого хищения, совершенного в перечисленных в ст. 7.27 КоАП РФ формах, сигнализирующих о наличии перед нами даже формально тяжкого преступления, ничто не мешает соответствующее хищение оценивать по правилам ч. 2 ст. 14 УК РФ» [4, с. 50].

Таким образом, принимая решение о малозначительности деяния или же о привлечении лица к уголовной ответственности, необходимо руководствоваться оценкой самой общественной опасности в действии/бездействии лица, невзирая на личностные факторы субъекта. Следует также исходить из непосредственного ущерба и не учитывать возможность повторения данным лицом посягательств в будущем что, на наш взгляд, приведет к более системному и четкому использованию принципа равенства всех граждан перед законом, который закреплен в ст. 4 УК РФ.

Список источников

1. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20230125/308638139.html (дата обращения: 30.03.2024).
2. Приговор № 1-78/2017 от 4 апреля 2017 г. по делу № 1-78/2017. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 30.03.2024).
3. Апелляционное постановление № 22-220/2018 от 5 марта 2018 г. по делу № 22-220/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 30.03.2024).
4. Лобанова Л. В., Рожнов А. П. Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации // Законность. 2016. № 6.

К. А. Муртазина

(Омская академия МВД России)

Опасность множества малозначительных мошенничеств

В настоящее время с развитием научно-технического прогресса преступные схемы завладения денежными средствами граждан стали довольно разнообразными. В сети Интернет создаются ресурсы, где злоумышленники под различными вымышленными предложениями объявляют сбор средств (например, на лечение детей, помощь пожилым людям, животным и др.), причем называются незначительные суммы в 10–20 рублей. На самом деле направлять полученные средства на указанные цели мошенники не планируют, да и сами поводы не соответствуют действительности. Речь идет о личном незаконном обогащении лиц, создавших такие ресурсы.

В данной ситуации действия преступников квалифицируются по ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ как мелкое хищение чужого имущества, совершенное путем мошенничества. Уголовная ответственность за такое деяние исключается, поскольку в п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъясняется, что если действия лица при мошенничестве, присвоении или растрате хотя формально и содержали признаки указанного преступления, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности, то суд прекращает уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Законодателем указано на то, что значительность ущерба, причиненного гражданину в результате мошеннических действий, за исключением ч. 5 ст. 159 УК РФ, определяется с учетом имущественного положения, но не может составлять менее 5000 рублей.

М. Г. Жилкиным проведен анализ опубликованных судебных решений по делам о мошенничестве за период с 2010 по 2020 гг., в которых рассматривался вопрос о возможности признания совершенного деяния, формально содержащего все признаки состава уголовно наказуемого мошенничества, малозначительным. Установлено, что наиболее часто (в 95% случаев) в качестве основного критерия малозначительности суды рассматривают характер и размер вреда, причиненного преступлением, а именно, небольшой объем причиненного материального ущерба. Небольшой, по мнению судов, размер причиненного ущерба варьируется в пределах от 300 до 21 549 рублей 80 копеек, а средние суммы ущерба колеблются в диапазоне от 3000 до 5000 рублей [1, с. 34].

Таким образом, сложилась практика о признании суммы менее 300 рублей незначительной.

Автор согласен, что материальному положению отдельно взятого гражданина хищение такой суммы не причинит существенного ущерба. Не стоит забывать о том, что к созданным преступниками ресурсам в информационно-коммуникационной сети Интернет имеет доступ неограниченный круг лиц, причем не только граждан Российской Федерации, но и иностранных государств.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, по состоянию на 1 января 2022 г., с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г., численность граждан Российской Федерации составила 146 980 061 человек [2], следовательно, даже если хотя бы один миллион из них переведет злоумышленникам по 10 рублей, получится достаточно внушительная сумма — 10 000 000 рублей.

С одной стороны, в действиях преступников присутствует большинство признаков хищения: корыстная цель, противоправность, безвозмездность изъятия, чужое имущество, обращение его в пользу виновного или третьих лиц за исключением причинения вреда собственнику. Для одного человека причиненный ущерб является малозначительным, в то время как потерпевшими от преступных действий могут быть миллионы людей по всему миру. Тогда как в результате преступной деятельности лицо путем мошенничества может получить суммы денежных средств эквивалентные или даже более тех, что предусмотрены законодателем в качестве критерия определения крупного или особо крупного размера в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом действия злоумышленников не подлежат уголовной ответственности в силу малозначительности как не представляющие общественной опасности.

С нашей точки зрения, в подобной ситуации исключать общественную опасность недопустимо, и такой вид незаконного обогащения должен быть уголовно наказуем. Поскольку при данном виде мошенничества у преступников имеется единый умысел, противоправное завладение совершается одним способом — перечислением по реквизитам банковского счета или карты, следовательно, речь идет о продолжающемся мошенничестве.

Из сказанного можно сделать вывод о целесообразности добавления в ст. 159 УК РФ квалифицирующего признака: мошенничество, совершенное с использованием ресурсов информационно-коммуникационной сети Интернет, имеющее признаки малозначительности, но повлекшее незаконное обогащение в крупном или особо крупном размере.

Список источников

1. Жилкин М. Г. Судебная практика квалификации мошенничества как малозначительного деяния // Уголовное право. 2022. № 6.
2. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 28.03.2024).

А. А. Мырзабергенов

(Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург)

Анализ санкций уголовно-правовых норм, установленных за преступления, предусмотренные ст. ст. 205⁴ и 281³ УК РФ

2022 г. для Российской Федерации был насыщен геополитическими событиями, что закономерно привело к изменениям в отечественном законодательстве, в том числе и уголовном. Одним из главных катализаторов дополнений действующего уголовного законодательства стало проведение Россией специальной военной операции. Так, Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УК РФ введена новая статья 281³ «Организация диверсионного сообщества».

Данная норма обогатила отечественную науку уголовного права категорией «диверсионное сообщество», которое определяется как самостоятельный вид преступного сообщества (наряду с террористическим и экстремистским), требующий тщательного осмысления его правовой природы.

По справедливому замечанию профессора Н. А. Лопашенко, выделение новых составов в качестве самостоятельных пошло тем же путем, что и установление уголовной ответственности за терроризм и экстремизм (дробление, дифференциация за прикосновенность к диверсионным преступлениям или за соучастие в них, или за незаконченную диверсионную деятельность) [1, с.133].

В пояснительной записке к законопроекту № 253939-8 отмечается, что преступления диверсионной направленности по степени общественной опасности приравняются к террористической деятельности [2]. Таким образом, следуя логике законодателя, можно сделать вывод о равной степени общественной опасности как создание диверсионного и террористического сообщества, так и участие в нем.

По общему правилу, основанием криминализации является общественная опасность, качественная и количественная характеристики

которой обуславливают уголовно-правовую защиту общественных отношений [3, с. 10]. Но не стоит забывать и об условиях криминализации, к которым относятся соразмерность санкции опасности деяния и экономия репрессии (учет более высокой степени общественной опасности, дифференциация уголовной ответственности организаторов и рядовых участников и т. д.).

Учитывая изложенное, дискуссионным моментом, на наш взгляд, является дифференцированный размер наказаний, предусмотренный ст. ст. 205⁴ и 281³ УК РФ.

Рассмотрим санкции ст. ст. 205⁴ и 281³ УК РФ. Часть 1 ст. 205⁴ УК РФ «Организация террористического сообщества» предусматривает следующие виды наказания: лишение свободы на срок от 15 до 20 лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы. Аналогичные виды и размеры наказаний содержатся в ч.1 ст. 281³ УК РФ.

Можно отметить, что ответственность за создание данных видов преступных сообществ полностью идентична, что подтверждает мнение инициаторов законопроекта № 253939-8 о равной общественной опасности преступлений террористической и диверсионной направленности.

Далее обратим внимание на санкцию ч. 2 ст. 205⁴ УК РФ (Участие в террористическом сообществе), которая предусматривает следующие виды наказаний: лишение свободы на срок от 10 до 15 лет со штрафом в размере до 500 тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового. В то время как ч. 2 ст. 281³ УК РФ (Участие в диверсионном сообществе) содержит такие виды наказания, как лишение свободы на срок от 5 до 10 лет со штрафом в размере до 500 тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

Как можно заметить, нижним пределом лишения свободы за участие в террористическом сообществе является 10 лет, а верхним — 15 лет, а за участие в диверсионном сообществе предусмотрено лишение свободы от 5 до 10 лет. Таким образом, согласно классификации категорий преступлений, закрепленной в ст. 15 УК РФ, ч. 2 ст. 205⁴ УК РФ является особо тяжким преступлением, а ч. 2 ст. 281³ УК РФ — тяжким. Исходя из этого, мы можем видеть, что участие в равных по степени общественной опасности сообществах (содержат идентичные санкции)

имеет различную общественную опасность, выражающуюся в разных размерах наказания.

Представленная ситуация вызывает закономерный вопрос: разные сроки лишения свободы за участие в диверсионном и террористическом сообществах являются «недочетом» или обдуманном шагом законодателя?

Пытаясь дать ответ, отметим, что ст. 205 УК РФ «Террористический акт» и ст. 281 УК РФ «Диверсия» тоже имеют одинаковые размеры санкций, что также указывает на справедливость высказывания о равной степени общественной опасности рассматриваемых видов преступлений.

На наш взгляд, дифференциация уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 205⁴ и ч. 2 ст. 281³ УК РФ, видится не совсем справедливой. Данный факт также противоречит аргументации инициаторов законопроекта в той части, в которой они требовали соразмерности наказания за совершение указанных преступлений.

Учитывая непродолжительный период действия ст. 281³ УК РФ, предложение о внесении изменений в санкцию данной статьи представляется преждевременным, но, думается, что данный случай иллюстрирует некую бессистемность законодателя при установлении размера наказаний за равные по общественной опасности преступные деяния.

Список источников

1. Лопашенко Н. А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // LexRussica. 2023. № 4.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : пояснительная записка к проекту федерального закона № 253939-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Золаев Э. А. Организационная деятельность как самостоятельное преступление: понятие, виды, характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

М. А. Мялицына

(Омская академия МВД России)

Проблемы законодательного описания ст. 302 УК РФ

В современных условиях развития общественных отношений вопросы принуждения при осуществлении полномочий должностными лицами становятся наиболее актуальными. Например, особое внимание уделяется неправомерному принуждению, уголовная ответственность

за которое регламентируется ст. 302 УК РФ. К сожалению, на сегодняшний день практика по привлечению лиц к уголовной ответственности за принуждение к даче показаний не сформирована в силу небольшого количества дел. Обращаясь к судебной статистике Российской Федерации, можно зафиксировать отсутствие приговоров по данной норме за последние 5 лет. Однако такая тенденция не может быть свидетельством искоренения принуждения в ходе получения показаний как самого феномена [1].

Данный тезис подтверждается результатами социологических исследований. Так, по итогам опроса 300 человек были получены следующие результаты: 9,8% респондентов подтвердили, что они подвергались принуждению в ходе дачи показаний. Наиболее интенсивное воздействие оказывалось на лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве в качестве подозреваемых, — 40,6%, а также свидетелей — 31,3%. В меньшей степени принуждению подвергались обвиняемые — 15,6% и потерпевшие — 9,4%. Среди опрошенных специалистов и экспертов только один респондент ответил, что в отношении него применялось принуждение со стороны органов предварительного расследования [2, с. 82].

По большому счету сегодня уголовная ответственность за принуждение к даче показаний выполняет исключительно превентивную функцию. По нашему мнению, существует ряд факторов, не позволяющих данной норме работать в полной мере. К таковым могут быть отнесены: отсутствие надлежащего понимания общественных отношений и механизмов, регулирующих их, ситуативность вносимых изменений, проблемы законодательного описания, о которых и пойдет речь.

Стоит отметить, что в юридической литературе ученые уже обращали внимание на данную проблему. Так, И. А. Белецкий связывает появление неудачных законодательных конструкций с тем, что «УК РФ меняется ситуативно, бессистемно, без достаточного научного сопровождения соответствующих проектов. Вместе с тем при более детальном анализе УК РФ можно увидеть нормы, не являющиеся новыми, которые нельзя признать удачной юридико-технической конструкцией» [3, с. 163]. Исключением не стала ст. 302 УК РФ.

В части 1 ст. 302 УК РФ объективная сторона преступления выражается в принуждении подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего или свидетеля к даче показаний либо эксперта или специалиста к даче заключения или показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного

органа, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа. В части 2 комментируемой статьи законодатель указывает на применение насилия или издевательств, однако сопрягает их с названными выше способами, а именно, угрозой, шантажом или иными незаконными действиями. Такая же законодательная конструкция используется и при описании ч. 3, где такое преступление совершается с применением пытки. Упростив изложенное, мы можем констатировать, что уголовная ответственность за принуждение к даче показаний с применением насилия, издевательств или пытки может наступить только в случае высказывания угроз, шантажа или выполнения других незаконных действий. Думается, что связывание столь разных способов совершения преступления не является верным решением, поскольку принуждение может осуществляться при помощи насилия, но без применения этих способов.

Представляется, что конструкция, в соответствии с которой иные незаконные действия сопрягаются с насилием, пытками и издевательствами, считается правильной, так как по своей сути они являются незаконными. Однако комментируемый способ носит весьма оценочный характер и авторами раскрывается по-разному. В постановлении Пленума Верховного Суда от 28 июня 2022 г. № 20 к иным незаконным действиям относят: оскорбление лиц, умышленное существенное нарушение установленных требований о продолжительности и об условиях проведения допроса, использование сфальсифицированных доказательств [4].

В юридической литературе данный список значительно расширяется и в качестве незаконных действий указываются: лишение сна или пищи, содержание лица под стражей в ненадлежащих условиях, применение гипноза и т. д. Указанные способы, безусловно, выходят за рамки закона, однако не всегда бывают использованы для получения показаний. Силовой метод получения показаний может быть обособлен от указанных способов, а потому существует необходимость в переосмыслении существующей законодательной конструкции в целях совершенствования практики применения рассматриваемой статьи.

Список источников

1. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 21.03.2024).
2. Яшин А. В. Принуждение к даче показаний: статистика и некоторые вопросы предупреждения // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 6.

3. Белецкий И. А. Деяние в составах преступлений, предусмотренных статьей 296 УК РФ: проблема законодательного описания // Государство и право в эпоху глобальных перемен : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 28–29 июня 2022 г.). Барнаул, 2022.

4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ф. Ф. Сибатуллин

(Уфимский юридический институт МВД России)

Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 116¹ УК РФ

В соответствии с Конституцией Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Государство обязано защищать права и свободы человека и гражданина. На основании ч. 1 ст. 22 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. В глубоком анализе нуждается понятие «личная неприкосновенность», поскольку она является основой для изучения побоев как уголовно-правовой категории. Необходимо отметить, что определяющей юридической основой обеспечения конституционных гарантий личной неприкосновенности выступают нормы административного, уголовного, уголовно-процессуального и гражданского законодательства.

Введение ст. 116¹ в Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) связано с тенденцией к гуманизации уголовного законодательства и отражает обеспокоенность государства угрозами общественным интересам и вредом общественным отношениям [1, с. 128]. Однако существует иная тенденция, заключающаяся в привлечении к уголовной ответственности за деяния, ранее наказуемые только по административному законодательству РФ. Данная статья содержит ссылки на другие статьи уголовного закона и определяет условия, при которых лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по данной норме. Однако на практике возникают сложности в определении этого преступления и его отличии от аналогичных составов преступлений, таких как ст. ст. 115 и 116 УК РФ.

В статье 116¹ УК РФ также определяется, что для квалификации совершенного деяния необходимо выполнение некоторых условий. Одним

из первых требований является наличие административного наказания за аналогичное деяние у лица, совершившего противоправный поступок.

Физическое лицо, которое может быть субъектом преступления, описанного в ст. 116¹ УК РФ, должно обладать несколькими обязательными признаками. Возраст и дееспособность — обязательные требования, которым должно соответствовать лицо, чтобы быть подвергнутым административному наказанию за насилие или причинение телесных повреждений.

Для признания побоев или других насильственных действий незаконными необходимо предоставить доказательства физического вреда, причиненного потерпевшему, согласно рассматриваемой статье, которая классифицирует такие действия как преступления против жизни и здоровья. Однако если причиненный вред только психологический, а физической боли нет, то это деяние не является противоправным.

Объективная сторона состава преступления выступает основным различием между ст. ст. 115 и 116¹ УК РФ. Если причинено поверхностное повреждение, которое не представляет опасности для здоровья, то это соответствует положениям ст. ст. 116 и 116¹ УК РФ. Если же повреждение является опасным для здоровья и приводит к легкому вреду здоровью, то это соответствует требованиям ст. 115 УК РФ. Тем не менее общественная опасность этих действий связана с тем, что субъект, совершающий преступление, может быть подвержен административному наказанию за нарушение аналогичных правовых охраняемых объектов.

Для определения различий между ст. ст. 116 и 116¹ УК РФ следует обратиться к современной редакции той же статьи 116. В ней указано, что наличие хулиганских побуждений или мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, а также вражды в отношении какой-либо социальной группы является одним из элементов состава преступления. Степень общественной опасности при нанесении побоев зависит от этих мотивов и влияет на разграничение соответствующих статей.

Нужно обращать внимание на субъективную сторону деяния для различения ст. ст. 116 и 116¹ УК РФ. Если виновное лицо не имеет одного из указанных мотивов, оно будет привлекаться к ответственности по ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) или по ст. 116¹ УК РФ (если уже было наказано по ст. 6.1.1 КоАП РФ). Важно отметить, что мотив является важным элементом субъективной стороны преступления согласно теории уголовного права.

Список источников

1. Бойцова Ж. А. К вопросу о квалификации деяния, предусмотренного ст. 116¹ УК РФ, и отграничение его от смежных составов преступлений // Вестник экономической безопасности. 2020 № 6.

И. Н. Тихонов

(Омская академия МВД России)

Превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: проблемы квалификации

Допустимое причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, не имеет определенных границ, объем которых зависит от субъективных и объективных обстоятельств. Согласно ч. 2 ст. 38 УК РФ превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Многие авторы, исходя из данной формулировки, считают, что превышение мер при задержании может быть обусловлено двумя основаниями: явным несоответствием тяжести преступления, совершенного задерживаемым лицом, и явным несоответствием обстановке задержания [1, с. 343]. По нашему мнению, эти два фактора являются независимыми основаниями, которые могут указывать на превышение необходимых мер в отношении задерживаемого лица.

В своей работе, анализируя превышение мер, необходимых для задержания лица, И. С. Тишкевич делает уклон в сторону задержания процессуального, а не фактического, что не соответствует юридической природе причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, именно как обстоятельства, исключающего преступность деяния [2, с. 29]. По мнению Г. В. Бушуева, превышение является следствием нарушения тех условий, несоблюдение которых хоть и не превращает содеянное в обычное преступление, но в то же время теряет признаки общественной полезности [3, с. 12]. Если рассмотреть ситуацию с задержанием преступника, то можно сказать, что само по себе задержание полезно для общества. Однако чтобы определить, является ли оно чрезмерным и причиняет ли вред, необходимо учитывать, что действия, превышающие необходимость для задержания, могут быть признаны крите-

рием чрезмерного вреда. Если же задержание является неправомерным, то оно не только перестает быть полезным, но и становится незаконным. Это означает, что причиненный вред выходит за пределы закона. Следовательно, можно отметить, что чрезмерное причинение вреда задержанному состоит из двух действий — правомерного задержания и неправомерного причинения чрезмерного вреда.

Законодателем не обозначен круг лиц, наделенных правом задержания преступника, в связи с чем мы делаем вывод, что таким правом обладают все, однако чаще задержание осуществляют представители правоохранительных органов, для которых это не только право, но и обязанность. По мнению с. А. Алтухова, превышение мер, необходимых для задержания преступника, сотрудником правоохранительных органов и обычным гражданином будет квалифицировано по разным статьям УК РФ, что ставит сотрудника полиции в неравное с ним положение [4, с. 9].

Характер совершенного преступления имеет значение при выборе тактики, места и времени задержания лица, однако как оно поведет себя, предугадать невозможно. Поэтому мы приходим к выводу, что ключевым фактором, определяющим действия сотрудников полиции в момент задержания, будет являться совокупность объективных признаков (место задержания, состояние и поведение задерживаемого, его физическая форма, вооруженность, наличие соучастников и т. д.).

Как справедливо отмечает Л. Н. Смирнова, чрезмерность вреда не может быть определена лишь на основе объективных признаков, необходимо установить вину субъекта [5, с. 69–75]. В случае если задерживающий причиняет вред, для того чтобы сломить сопротивление задерживаемого, его действия считаются легитимными, однако как только лицо уже задержано либо не оказывает никакого сопротивления и ему причиняется вред, такие действия необходимо рассматривать с точки зрения превышения должностных полномочий. Например, в 2018 г. старший оперуполномоченный ОСН «Гром» УНК УМВД России по Тверской области при задержании лиц, подозреваемых в совершении особо тяжких преступлений, нанес удар ногой, в результате которого у задерживаемого произошел разрыв селезенки. Суд пришел к выводу, что при отсутствии сопротивления не было оснований для применения физической силы и квалифицировал действия оперуполномоченного по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ [6].

Таким образом, при разграничении описанных нами составов преступлений необходимо всесторонне изучать обстоятельства задержания лица, совершившего преступление, а также последствия, которые наступили в результате задержания.

Список источников

1. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / под ред. И. Я. Козаченко и З. А. Незнамовой. М., 1997.
2. Тишкевич И. С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969.
3. Бушуев Г. В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании : учеб. пособие. Горький, 1976.
4. Алтухов С. А. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых сотрудниками милиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д. 2000.
5. Смирнова Л. Н. Превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление // Известия Алтайского государственного университета. 2002. № 3.
6. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 24.01.2024).

Е. А. Федорова

(Барнаульский юридический институт МВД России)

О необходимости использования возможностей административной преюдиции для профилактики повторного совершения правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков

Использование административной преюдиции в уголовном законе России является одним из наиболее актуальных и интересных течений в развитии отечественного законодательства. В настоящее время нормы с административной преюдицией есть во всех разделах Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), за исключением преступлений против военной службы. Это иллюстрирует максимальную востребованность административной преюдиции у законодателя.

Для науки и практики особый интерес представляют вопросы о дальнейших перспективах ее применения.

Обратим внимание на правонарушения в сфере оборота наркотиков, поскольку они, по нашему мнению, образуют вероятную перспективу пополнения УК РФ новыми составами с административной преюдицией.

В Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2020 года Президент РФ В. В. Путин упомянул, что совершенствование нормативно-правового регулирования антинаркотической деятельности предусматривает в том числе более широкое использование административной преюдиции [1].

В ныне действующей Стратегии государственной антинаркотической политики на период до 2030 года таких рекомендаций, к сожалению, нет [2], однако это не является препятствием для криминализации повторного совершения административных правонарушений в сфере оборота наркотиков. Думается, как раз наоборот это может возыметь достаточный профилактический эффект, к тому же административные правонарушения, связанные с наркотиками, не менее общественно опасны, чем преступления, а их количество, несмотря на некоторую волнообразность динамики, было и остается на стабильно высоком уровне, что наглядно иллюстрируется показателями статистики.

Так, согласно данным Судебного департамента Верховного Суда РФ, количество лиц, подвергнутых административному наказанию по ст. 6.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), составило: в 2018 г. — 13 739 человек, в 2019 г. — 13 712, в 2020 г. — 12 270, в 2021 г. — 13 111, в 2022 г. — 12 759 [3].

Кроме того, в 2023 г. выявлена 191 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 7,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года. По сравнению с 2022 г. на 13,8% возросло число выявленных преступлений, совершенных в целях сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [4].

Таким образом, очевидно, что проблема незаконного оборота наркотиков до сих пор является одной из острейших в России.

Считаем, что в связи с этим введение уголовной ответственности за повторное совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.8 КоАП РФ, могло бы оказать существенное профилактическое воздействие на нарушителей.

Поскольку в УК РФ уже действует ст. 228, предусматривающая ответственность за незаконный оборот наркотиков, прослеживается необходимость дополнить ее частью 1.1 со следующей диспозицией:

«1.1. Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ст. 6.8 КоАП РФ, независимо от размера наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные

вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества».

Указанные предложения, безусловно, не могут являться исчерпывающими, поскольку необходима дальнейшая непрерывная разработка перспектив применения административной преюдиции в уголовном праве.

Список источников

1. *Об утверждении* Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Об утверждении* Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733.

3. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 11.03.2024).

4. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 11.03.2024).

Е. А. Шайденко

(Омская академия МВД России)

Признаки предмета фальсификации доказательств по уголовному делу

Обязательным условием решения вопроса о наличии фальсификации доказательств является правильное установление предмета преступления [1, с. 1184]. В теории уголовного права предметом преступления принято считать вещи материального мира, на которые воздействует преступник, причиняя им вред или создавая угрозу причинения вреда. Главным признаком предмета того или иного преступления выступает его неразрывная связь с объектом преступного посягательства. В связи с этим Н. И. Коржанский отмечает, что предмет — это материальный объект, в котором проявляются определенные свойства общественных отношений, более того, предмет преступления может быть рассмотрен в качестве повода, условия или свидетельства существования этих отношений [2, с. 95, 103].

По нашему мнению, предметом фальсификации доказательств по уголовному делу могут быть лишь те сведения, имеющие доказательственное значение, которые обладают потенциальной возможностью

оказать влияние на «свершение» правосудия, т. е. их фальсификация непосредственно посягает на общественные отношения данной сферы уголовно-правовой охраны. Отметим, что для влияния того или иного доказательства, в нашем понимании, не обязателен факт его включения в обвинительное заключение либо использование судом в качестве доказательства при рассмотрении дела по существу.

Статья 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) гласит, что «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». Помимо предъявляемых характеристик, в данной норме УПК РФ также содержится перечень доказательств, который является исчерпывающим. Вместе с тем, по мнению Э. Ф. Байсалуевой, не все доказательства, перечисленные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, могут выступать предметом фальсификации доказательств по уголовному делу, а лишь те, носителями которых являются неодушевленные предметы [3, с. 64].

Данная точка зрения интересна в разрезе рассуждения о доказательстве как о единстве формы и содержания с позиции науки уголовного процесса. Однако для целей применения уголовной ответственности не всякое нарушение законных требований к облечению доказательства в надлежащую форму будет образовывать признаки состава преступления, предусмотренного ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В уголовно-процессуальном праве для ситуаций, когда доказательство получено с нарушением норм федерального законодательства, используется инструмент признания доказательства недопустимым.

Для осуществления положительной квалификации фальсификации доказательства по уголовному делу, на наш взгляд, преимущественным фактором должна быть именно фальсификация содержательной стороны в целях исключения случаев расширительного применения норм УК РФ. Сущность фальсификации как явления уголовно-правовой сферы заключается именно в искажении сведений, фактов, иной доказательственной информации, которые способны повлиять на осуществление правосудного решения, иначе ключевой элемент — посягательство на правосудие — будет отсутствовать.

Не всякое нарушение процедурных требований УПК РФ будет квалифицировано по ст. 303 УК РФ, однако при несоблюдении положений

ст. ст. 166, 190 УПК РФ, когда лицо пытается придать недопустимому доказательству вид допустимого, вносит ложные сведения о дате, времени, месте и участвующих лицах следственного действия — такие действия создают полностью сфальсифицированное по форме и содержанию доказательство, которое также выступает предметом преступления, предусмотренного чч. 2, 3 ст. 303 УК РФ.

Анализ позиции, высказанной в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 [4], показал, что для квалификации фальсификации по уголовному делу важен момент, когда конкретное доказательство является сформированным. Именно данная характеристика служит разграничением, когда информация, облеченная в надлежащую форму, будет выступать в качестве предмета ст. 303 УК РФ, а когда иных преступлений.

Таким образом, предмет фальсификации доказательств по уголовному делу должен обладать следующими признаками: 1) неразрывной связью с объектом преступления, т. е. общественными отношениями, складывающимися в связи и по поводу осуществления правосудия; 2) сформированностью доказательства на момент искажения сведений; 3) потенциальной возможностью повлиять на принятие правосудного решения. Изменение подхода к пониманию предмета фальсификации доказательств по уголовному делу способствует разрешению нескольких спорных аспектов как в теории уголовного права, так и в правоприменительной деятельности.

Список источников

1. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный)* / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Я. Е. Иванова [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2010.

2. *Коржанский Н. И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980.

3. *Байсалуева Э. Ф.* Актуальные вопросы квалификации фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2018. № 3(45).

4. *О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Я. С. Яхонтова

(Барнаульский институт МВД России)

Трансформация насилия при совершении корыстно-насильственных преступлений в современной России

Изменение реалий современного общества неразрывно связано с трансформацией сущности социальных процессов и форм проявления социального взаимодействия, что справедливо и для такой его формы, как насилие.

Анализ состояния насильственной преступности (проведен на основании выборки преступлений, отнесенных автором к категории насильственных преступлений против личности) в современной России позволил говорить об устойчивой динамике сокращения общего числа зарегистрированных преступлений, а также о снижении доли насильственных преступлений против личности. В 2012 г. их доля составила 16,4%, в 2022 — 9,82%. В 2022 г. было зарегистрировано на 180 085 преступлений меньше, чем десять лет назад.

Закономерно прослеживается тенденция сокращения как доли, так и фактического числа корыстно-насильственных преступлений. В 2012 г. было учтено совершение 59 362 таких преступлений и их доля составила 15,8%, в 2022 г. — 22 783, а процент от общего количества зарегистрированных составил 11,8%. Можно сделать вывод, что фактически произошло снижение количества корыстно-насильственных посягательств вполнину.

На фоне положительной динамики особенно обращает на себя внимание качественное изменение в структуре корыстно-насильственной преступности. Наряду с сокращением количества всех корыстно-насильственных преступлений, наблюдается значительный рост вымогательств. В 2012 г. их было совершено 5989 (10,9% от общего числа корыстно-насильственных преступлений), в 2022 г. их фактическое количество увеличилось на 2202 преступления и составило 8195 фактов, а доля была равна 36%. С 2019 г. имеет место стабильное увеличение количества совершенных преступлений, самое значительное было зарегистрировано в 2022 г. и составило 25%.

В целях выявления причин аномального роста совершенных вымогательств и изучения способов реализации объективной стороны вымогательств нами были изучены 170 приговоров, вынесенных в различных регионах России в период с 2017 по 2022 гг. [1]. В рамках ана-

лиза основное внимание уделялось виду применяемого насилия и его интенсивности.

Из 170 приговоров 87 были вынесены за совершение вымогательства, в котором объективная сторона осуществлялась при личном взаимодействии между преступником и потерпевшим. В 49 случаях в отношении потерпевшего применялось насилие разной степени тяжести, в 25 приговорах упоминалось об использовании психического воздействия в виде угроз жизни и здоровью потерпевшего или его родственников, в одном случае угроза была направлена на имущество потерпевшего, в 10 — преступник угрожал распространить сведения, порочащие потерпевшего, а в двух случаях угроза была комбинированной.

В 16 из 170 приговоров объективная сторона включала в себя требование денежных средств как при личной встрече с потерпевшим, так и с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть Интернет (далее — ИТТ). В четырех случаях к потерпевшим применялось насилие разной степени тяжести, в 8 — поступали угрозы жизни и здоровью, два раза угрожали распространением порочащих сведений, а в двух инцидентах использовали комбинированные угрозы.

В 65 случаях объективная сторона преступления была осуществлена опосредованно, без личной встречи потерпевшего и преступника (взаимодействие в социальных сетях и мессенджерах). В подавляющем большинстве (50 случаях) поступала угроза о распространении посредством ИТТ данных, порочащих потерпевшего, 11 раз поступали угрозы о применении насилия, в трех случаях угрожали повредить или уничтожить имущество, в одном случае поступила комбинированная угроза. В период с 2017 по 2022 гг. прослеживается постепенное снижение интенсивности насилия при реализации объективной стороны вымогательства и увеличение доли преступлений, совершенных без личного взаимодействия преступника и потерпевшего.

Происходит постепенный отказ от использования непосредственного физического или психического инструментального насилия в целях получения материальных благ в пользу обмана и злоупотребления доверием. Данный факт косвенно подтверждается ростом мошенничеств в рассматриваемый период с 215 036 случаев в 2017 г. до 343 015 в 2022 г. Следует также отметить, что в среднем ежегодный темп прироста количества мошенничеств, совершенных с использованием ИТТ, составляет порядка 31% [2]. Вместе с тем насилие не теряет своей значимости в качестве мотива совершения преступления, насилие как самоцель [3, с. 141]. Выявление данных закономерностей позволит

проследить процессы трансформации насилия, используемого при совершении преступлений, в современной России и выработать новые подходы к его предупреждению.

Список источников

1. URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения: 27.03.2024).
2. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 27.03.2024).
3. Волконская Е. К. Криминологическое понятие рецидива насильственных преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 3.

РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. Н. Вершинин

(Омская академия МВД России)

Ведомственный контроль по делам оперативного учета: всегда ли прав руководитель?

Несмотря на значительное число действующих нормативных правовых актов, предусматривающих осуществление ведомственного контроля за оперативно-розыскной деятельностью (далее — ОРД) [1; 2], и количество уполномоченных субъектов такого контроля по делам оперативного учета (далее — ДОУ), в указанной сфере в ходе проведенного соответствующего эмпирического исследования (был опрошен 171 сотрудник ОВД из 14 субъектов РФ) выявлен ряд проблем, требующих научного обсуждения и выработки путей их решения.

Так, при оценке действующего ведомственного контроля по ДОУ значительная часть респондентов (49%) отметила его низкую эффективность, а 15% высказались о неэффективности. При этом практически половина опрошенных указала, что в качестве основных недостатков действующего порядка осуществления ведомственного контроля по ДОУ является отвлечение сотрудников оперативного подразделения от реальной оперативно-служебной деятельности (49%) и формализм (45%).

Респонденты отметили, что существующая система ведомственного контроля по ДОУ не исключает вероятности разглашения результатов ОРД, аккумулируемых в таких делах. Об этом заявила треть опрошенных, из них 27% — о единичных фактах, а 6% — о распространенных.

Особо настораживает то, что трети респондентов известны случаи заведения ДОУ по указанию руководителей для целей, не связанных с решением оперативно-розыскных задач. При этом каждый четвертый (25%) отмечает, что такие случаи носят единичный характер, а 8% — распро-

страненный. На фоне того, что руководители, дающие указания о заведении ДОУ, являются субъектами ведомственного контроля, это обостряет проблему. Кроме того, 17% опрошенных сотрудников ОВД указывают на имеющиеся случаи негласного запрета руководителями заведения либо реализации ДОУ, а также понуждение к прекращению ДОУ в отношении отдельных лиц по неслужебным целям. Наличие подобной практики оправдывает в глазах оперуполномоченных и их подобные действия (по мотивам «крышевания», личной мести и др.). Подобные случаи известны 15% респондентов. Помимо этого, отмечаются факты формализма, при которых данные дела заводятся по указанию руководителей для искусственного создания показателей. Об этом заявили почти две трети (64%) опрошенных. При этом треть (30%) отмечает, что такие случаи носят единичный характер, а 34% — распространенный. Подобная практика работы по ДОУ свидетельствует об отвлечении значительных сил и средств оперативных подразделений на деятельность, не связанную со служебными интересами, о необходимости организации системной работы по реформированию действующего механизма ведомственного контроля по ДОУ.

Одним из способов совершенствования системы ведомственного контроля по таким делам может стать превентивная работа с самими субъектами данного контроля либо кандидатами в такие субъекты из числа руководителей оперативных подразделений ОВД, которые наделены полномочиями по согласованию либо утверждению различных решений по ДОУ, в том числе по их заведению, продлению и прекращению. Возможно целесообразно рассмотреть вопрос о дополнении действующей ведомственной нормативной правовой базы МВД России [3; 4], регламентирующей порядок аттестации сотрудников ОВД из числа руководителей оперативных подразделений и кандидатов на такие должности, полномочных согласовывать либо утверждать различные решения по ДОУ. Дополнения необходимы в части уточнения полиграфологами (при проведении их комплексного психофизиологического обследования) рисков, связанных со злоупотреблениями должностными полномочиями, в том числе с совершением неправомерных действий при осуществлении оперативно-розыскной деятельности указанными руководителями либо кандидатами на такие должности. В числе вопросов, требующих уточнения, могли бы быть следующие:

1. Причастны ли Вы к утечке информации о материалах ДОУ?
2. Были ли Вы причастны к случаям заведения ДОУ для решения неслужебных задач?

3. Давали ли Вы указания о заведении ДООУ для искусственного завышения служебных показателей?

4. Давали ли Вы указания на запрет заведения либо реализации ДООУ, а также понуждали ли сотрудников к прекращению ДООУ в отношении отдельных лиц по неслужебным целям?

Полагаем, что предложенные меры могут способствовать обеспечению законности и повышению эффективности ведомственного контроля по ДООУ.

Список источников

1. *Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность* : приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199.

3. *Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в органах внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 18 марта 2010 г. № 201дсп.

4. *Методические рекомендации по проведению психологического обследования сотрудников, перемещаемых по службе на другие должности в системе МВД России*, от 16 декабря 2019 г. № 21/8/15646 (разработаны ДГСК МВД России).

М. А. Гасперт

(Омская академия МВД России)

Направления оптимизации взаимодействия сотрудников оперативных подразделений и следственных органов

Эффективность функционирования оперативных подразделений в борьбе с преступностью предполагает их непрерывное взаимодействие с различными службами и подразделениями органов внутренних дел.

Под взаимодействием можно понимать процесс взаимной деятельности двух и более субъектов, нацеленный на решение общей задачи. В словаре С. И. Ожегова взаимодействие объясняется как взаимная поддержка [1, с. 75]. В свою очередь в криминалистической науке взаимо-

действие трактуется как согласованная по целям и задачам, силам, средствам, месту и времени деятельность в процессе установления истины по уголовному делу [2, с. 88].

Результативность работы правоохранительных органов в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, прежде всего, определяется целенаправленным, умело организованным взаимодействием оперативных подразделений со следственными органами.

Сотрудники оперативных подразделений играют важную роль как на стадиях возбуждения уголовного дела и расследования уголовного дела, так и на этапе проверки сообщения о преступлении. Они собирают первичную информацию о совершенном преступлении, проводят оперативно-розыскные мероприятия. Однако их работа, как правило, имеет элемент негласности.

Практика показывает, что в процессе взаимодействия сотрудников оперативных подразделений и следственных органов на всех стадиях досудебного уголовного судопроизводства наблюдаются: несогласованность в действиях; формальный подход к планированию, выдвижению и отработке версий; отсутствие доверия и, как следствие, обмена информацией.

Полагаем, что оптимизации взаимодействия следователей и сотрудников оперативных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений может способствовать:

- 1) планирование первоначальных и дополнительных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в присутствии руководителей подразделений, координирующих действия сотрудников;

- 2) организация процессуального расследования преступления и руководство им со стороны следователя;

- 3) самостоятельность сотрудников оперативных подразделений в выборе средств и методов оперативно-розыскной деятельности;

- 4) всестороннее и целенаправленное использование сил и средств, которыми располагают сотрудники оперативных и следственных подразделений;

- 5) взаимное информирование и недопущение разглашения данных предварительного следствия, а также сведений, раскрывающих средства и методы оперативной работы;

- 6) уважение и доверие между сотрудниками оперативных подразделений и следственных органов. Каждый из сотрудников должен признавать ценность и важность работы друг друга в достижении общей цели.

Подводя итог, отметим, что непрерывное взаимодействие сотрудников оперативных подразделений и следственных органов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства будет способствовать оптимизации деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Список источников

1. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2007.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М., 1988.

В. С. Горшкова

(Барнаульский институт МВД России)

Использование сервиса электронного документооборота МВД России при проведении исследования предметов и документов

Практическая деятельность сотрудников полиции осуществляется в цифровой среде посредством Сервиса электронного документооборота единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (далее — СЭД ИСОД) [1]. Данный информационный ресурс позволяет автоматизировать обмен, накопление и хранение документов, образующихся в служебной деятельности органов внутренних дел, и обеспечить быструю обработку (направление компетентному исполнителю, ознакомление с содержанием, поиск и подготовка ответов в целях разрешения задач, согласование итогового решения с вышестоящим руководителем структурного подразделения либо иной службы полиции) поступающей информации и направление ее результатов инициатору.

Сотрудники оперативных подразделений полиции при осуществлении оперативно-розыскной деятельности используют помощь специалистов, среди которых эксперты экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел (далее — ЭКЦ ОВД), в соответствии с положениями ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Сотрудники ЭКЦ ОВД участвуют в проведении оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов» при возникновении необходимости в разрешении специфических вопросов

в различных областях науки, техники, искусства, ремесла и т. д. Преимущественно экспертные исследования по заданиям оперативных сотрудников полиции осуществляются по дактилоскопическим, трасологическим, баллистическим, лингвистическим, фоноскопическим, строительно-техническим, физико-химическим объектам (следы и предметы, изъятые в ходе производства осмотра места происшествия либо при проведении оперативно-розыскных мероприятий, и образцы для сравнительного исследования: дактилоскопические карты, носимая обувь, документация предприятия).

Однако проведение товароведческих исследований в целях определения стоимости похищенного имущества для квалификации деяния имущественного характера (кража, мошенничество и т. д.) вызывает трудности у практических сотрудников оперативных подразделений полиции, так как ранее сложилась практика назначения и проведения оценочных исследований в негосударственных экспертных учреждениях на платной основе. С 2020 г. сотрудники экспертно-криминалистических подразделений полиции в рамках имеющихся экспертных методик согласно Перечню родов (видов) экспертиз [2] решают вопросы об установлении стоимости электробытовых, спортивных, хозяйственных товаров, пушно-меховых и комбинированных изделий, а с 2023 г. данный Перечень дополнен лесотехническим исследованием. В ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю началась апробация алгоритма определения стоимости ювелирных изделий из драгоценных металлов и сплавов, в том числе при наличии вставок из драгоценных камней и иных материалов [3].

Перед сотрудниками полиции нередко ставятся задачи, связанные с разрешением специфических вопросов относительно свойств и характеристик объектов, имеющих важное значение при квалификации противоправных деяний. Необходимо отметить, что проведение экспертных исследований предметов, следов и образцов для сравнительного исследования связано с неукоснительным и точным соблюдением разработанных и апробированных ЭКЦ МВД России типовых методик производства экспертиз и исследований. Однако в случае возникновения ситуации, когда важно разрешить ряд вопросов по объектам, не входящих в список методик, в ЭКЦ МВД России разработан, внедрен в практическую деятельность и успешно применяется порядок назначения исследований с использованием СЭД ИСОД: инициатор подготавливает в электронном виде письмо на имя руководителя ЭКЦ ОВД с указанием номера и даты реги-

страции заявления, сообщения в ОВД, события, перечня имеющихся в распоряжении объектов и необходимых для разрешения специалистом вопросов. После направления адресату указанное обращение рассматривается исполнителем по существу — возможности производства экспертного исследования и разрешения ряда вопросов в рамках имеющихся экспертных методик в экспертной службе полиции. Таким образом, происходит существенное снижение временных затрат на обработку информации и получение интересующих сведений о проведении исследований, к тому же уменьшаются финансовые затраты бюджетных ассигнований органов внутренних дел в указанной сфере.

На основании изложенного важно сделать вывод о том, что внедрение в практическую деятельность сотрудников оперативных подразделений полиции цифровых ресурсов позволяет быстро и эффективно разрешать вопросы служебного характера, но в то же время необходимо уделять внимание развитию средств и ресурсов защиты информации и исключения доступа третьих лиц (например, при назначения исследований посредством СЭД ИСОД к заданию прилагается изображение объекта — текста экстремистского характера в электронном виде).

Список источников

1. *О мерах по переходу на электронный документооборот* : распоряжение МВД России от 7 ноября 2015 г. № 1/9112. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511.

3. *По вопросу методического обеспечения производства товароведческих экспертиз (Алгоритм определения стоимости ювелирных изделий из драгоценных металлов и сплавов, в том числе из драгоценных камней и других природных и синтезированных материалов, при расследовании противоправных деяний)* : письмо ЭКЦ МВД России от 13 апреля 2023 г. (исх. № 37/24-7380).

И. Н. Гулян

(Волгоградская академия МВД России)

Фантомные предприятия как один из способов осуществления неправомерной деятельности по реализации фальсифицированного молока и молочной продукции

Федеральная государственная информационная система (далее — ФГИС) «Меркурий» предназначена для отслеживания и контроля за перемещением поднадзорных государственному ветеринарному надзору грузов при их производстве и реализации на территории Российской Федерации в целях улучшения системы государственного контроля и надзора за продовольственной безопасностью.

ФГИС «Меркурий» является важным инструментом для осуществления контроля качества продукции растительного и животного происхождения, в том числе молочной, предоставляет информацию на всех этапах ее передвижения — от производителя до конечного потребителя.

Приказом Минсельхоза России от 18 декабря 2015 г. № 648 [1] утвержден полный перечень товаров, подлежащих сопровождению ветеринарными сопроводительными документами. К ним относятся мясные, рыбные, злаковые и молочные продукты. Более того, все предприятия и индивидуальные предприниматели, деятельность которых связана с производством и реализацией подконтрольной продукции, обязаны регистрироваться в данной системе.

В настоящее время ФГИС «Меркурий» является единственным инструментом для создания механизма защиты интересов потребителей и безопасности пищевой продукции, в том числе молочной, путем обеспечения прозрачности и пресечения поставок некачественных продуктов.

Однако создание новой цифровой системы контроля не оказало должного влияния на уровень криминализации в этой сфере и одновременно привело к появлению фантомных предприятий, осуществляющих нелегальную деятельность по производству и реализации фальсифицированного молока и молочных продуктов в целях легализации доходов от незаконной деятельности.

Согласно данным Россельхознадзора, за 2022 г. выявлено более 500 фантомных предприятий, в 2023 г. их количество в молочной отрасли снизилось на 25%, а с января 2024 г. уровень оборота фальсифицированного молока и молочной продукции резко увеличился [2]. Представленные

показатели обусловлены не только отсутствием строгих контрольных мер со стороны органов государственного надзора, но и введением моратория на проведение проверок предпринимателей и предприятий [3].

По информации Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору, в феврале 2024 г. органами надзорно-контрольной службы совместно с правоохранительными органами в Оренбургской области установлен факт незаконного ввода в оборот около 200 тонн фальсифицированной молочной продукции. В результате проверки контролирующими органами в Санкт-Петербурге была пресечена деятельность фантомной фирмы, которая по преступной схеме поставляла в государственные учреждения Оренбургской области фальсифицированные молочные продукты [4].

Суть схемы фантомных предприятий заключается в следующем: компании, предлагающие более низкие цены, выигрывают тендер на поставку пищевой продукции в госучреждения (детские сады, школы, больницы и т. д.), затем создают фиктивные организации или фирмы-однодневки, через которые эта продукция, вероятно, проходит. Чем больше вовлечено в эту преступную цепочку хозяйствующих субъектов, тем сложнее их выявить и доказать, что их деятельность нелегальна. Попадая в это промежуточное звено, продукция обрабатывается и увеличивается в объемах и затем поставляется в различные учреждения для дальнейшей реализации.

Выделим основные характеристики фантомных предприятий:

- отсутствие сведений о регистрации (регистрационных свидетельств, учредительных документов и бухгалтерских отчетов);
- указанный в документах адрес предприятия не соответствует реальному или фактически отсутствует;
- на месте по указанному адресу предприятия расположено жилое помещение, не осуществляющее фактической деятельности;
- минимальный размер актива и (или) отсутствие собственного имущества;
- отсутствие или смена руководства, сотрудников бухгалтерии и работников, не связанных с реальной деятельностью предприятия;
- фиктивная финансовая отчетность;
- большое количество банковских счетов;
- отсутствие основных средств и расчетных счетов.

Отметим, что перечисленные характеристики фантомных предприятий могут служить предупредительным сигналом для потребителей, сотрудников правоохранительных и контрольно-надзорных органов для принятия соответствующих мер.

Таким образом, борьба с фантомными предприятиями требует совместных усилий по осуществлению контроля со стороны правоохранительных и контролирующих органов. Знание оперативными сотрудниками указанных характеристик позволит своевременно выявлять и пресекать противоправную деятельность, обеспечивая тем самым безопасность здоровья граждан и защиту интересов государства.

Список источников

1. *Об утверждении* Перечня подконтрольных товаров, подлежащих сопровождению ветеринарными сопроводительными документами : приказ Минсельхоза России от 18 декабря 2015 г. № 648. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. URL: <https://fsvps.gov.ru/> (дата обращения: 19.03.2024).

3. *Об особенностях* организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336.

4. URL: <https://www.finmarket.ru/database/news/6125352> (дата обращения: 19.03.2024).

А. А. Детков

(Барнаульский институт МВД России)

Способ сокрытия преступления как элемент оперативно-розыскной характеристики бесконтактного сбыта наркотиков

Применение информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ) в сфере незаконного оборота наркотиков (далее — НОН) способствовало развитию нового способа сбыта, называемого бесконтактным [1, с. 10] или дистанционным [2, с. 68]. При данном способе передача наркотиков осуществляется через систему тайников-закладок, а коммуникация между криминальными элементами — при помощи вымышленных виртуальных персонажей, а в некоторых случаях через искусственный интеллект.

Особенностью бесконтактного способа сбыта наркотиков является сложность отграничения его от другого значимого структурного элемента оперативно-розыскной характеристики — сокрытия, поскольку он первоначально основывается на использовании методов и средств маскировки и конспирации. Таким образом, указанные элементы при общей

взаимосвязи не располагаются друг за другом в традиционной последовательности. Соккрытие начинается еще на этапе подготовки и продолжается на протяжении всего преступления. В связи с этим «границы приведенных этапов размыты, что обусловлено множественностью преступных актов в рамках единого преступления» [3, с. 44].

Соккрытие преступной деятельности наркобывчиков достигается в том числе за счет применения технических средств с предустановленным программным обеспечением (далее — ПО). Применение широкого арсенала программ, сервисов анонимизации и удаленного доступа к компьютерам направлено на предотвращение утечки информации о преступной деятельности участников НОН и обеспечение их максимальной конспирации. Рассмотрим более подробно ПО, активно используемые наркобывчиками для скрытного хранения и защиты пронаркотической информации на мобильных устройствах.

Оперативно-розыскная деятельность свидетельствует о том, что наркобывчики активно применяют программы-сейфы, которые служат для создания зашифрованных контейнеров или виртуальных дисков, где хранят файлы, фотографии мест закладок, пароли и другие конфиденциальные данные. Такое ПО обеспечивает высокий уровень безопасности за счет использования различных алгоритмов шифрования, механизмов аутентификации и защиты паролем. Приведем пример из судебной практики.

У гражданина, осужденного за бесконтактный сбыт наркотиков, в мобильном устройстве было установлено приложение «Калькулятор+», с помощью которого он скрывал файлы и иные приложения. При введении в нем определенной комбинации цифр осуществлялся переход в скрытый рабочий стол, где находился мессенджер Telegram с перепиской между ним и куратором наркомагазина. Фото мест с наркотиками и их координаты направлялись куратору, после чего удалялись с устройства [4].

В данном примере осужденный для конспирации своих действий пользовался специализированным ПО, позволяющим создать «второе пространство», т. е. организовать дополнительный учетный профиль в операционной системе устройства в целях обеспечения конфиденциальности и защиты данных от несанкционированного доступа со стороны различных лиц, включая представителей правоохранительных органов. Следовательно, при отработке оперативными сотрудниками лиц, заподозренных в НОН, применяющих указанное ПО, при добровольной разблокировке устройства с помощью определенного заранее установ-

ленного пароля или при использовании отпечатка пальца будет открыта учетная запись, не содержащая никакой оперативно значимой информации.

Полагаем, что указанное ПО необходимо учитывать оперативным сотрудникам в рамках мероприятий по выявлению лиц, причастных к сбыту наркотиков, осуществляемому с использованием ИТТ. Это позволит не упустить из виду пронаркотическую информацию, способствующую изобличению наркосбытчиков, а также избежать неблагоприятной ситуации, связанной с необходимостью доказывания наличия прямого умысла в совершении указанного преступления.

Список источников

1. *Решняк О. А.* Использование компьютерных технологий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоактивных веществ : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2020.

2. *Артюхов А. В.* Противодействие незаконному обороту наркотиков, совершаемому с использованием сети Интернет, силами оперативных подразделений органов внутренних дел // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4(74).

3. *Введенская О. Ю.* Особенности предварительного и первоначального этапов расследования незаконного сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022.

4. *Приговор* Керченского городского суда Республики Крым от 29 ноября 2023 г. по уголовному делу № 1-542. URL:<http://kerch.krm.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.02.2024).

К. О. Емельянцева

(Омская академия МВД России)

Предварительная проверка материалов по факту хулиганства

Процесс принятия решения о возбуждении уголовного дела по факту совершения хулиганства связан с необходимостью предварительной проверки сообщения о преступлении. Так, согласно анализу правоприменительной практики такая проверка проводилась

в 100% случаев*. Основная цель при этом состояла в выявлении признаков преступления.

По мнению Ю. В. Овсянникова, «эффективность дальнейших действий правоохранительных органов в целом зависит от качественно проведенной предварительной проверки. Ее результаты обеспечивают предварительную оценку происшедших событий, которые позволяют определить наличие достаточных оснований для возбуждения уголовного дела» [1, с. 21].

Предварительная проверка сообщения по факту хулиганства — это «деятельность компетентных должностных лиц правоохранительных органов по анализу принятой и зарегистрированной в установленном порядке информации о предполагаемом событии совершенного хулиганства, выявлению в ней фактических данных, указывающих на признаки состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ (или их отсутствия), необходимых и достаточных для принятия уголовно-процессуального решения, а в некоторых случаях — сбора дополнительных сведений о следах и иных признаках преступного деяния, имеющих значение для возбуждения уголовного дела по факту хулиганства и начала расследования» [2, с. 113].

Таким образом, к основным задачам предварительной проверки относится не только сбор дополнительных данных для полного выявления признаков состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, но и выяснение наличия обстоятельств, которые могли бы исключить малозначительное правонарушение, а именно, действия, предусмотренные ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (мелкое хулиганство).

Ключевые элементы предварительной проверки по факту хулиганства включают в себя:

- анализ предоставленных данных о событии хулиганства, оценку их достоверности и релевантности;
- определение, есть ли в предоставленных данных признаки, соответствующие составу преступления хулиганства, как определено ст. 213 УК РФ;
- установление, достаточно ли оснований для возбуждения уголовного дела по ст. 213 УК РФ.

* По специально разработанной программе было изучено 70 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 213 УК РФ, расследованных на территории Кемеровской, Московской, Новосибирской, Омской, Томской областей за период с 2019 по 2023 гг.

В случае отсутствия необходимых сведений из числа названных элементов или их недостаточности правоохранные органы проводят дополнительные мероприятия, следственные действия, связанные с установлением признаков преступления.

Круг источников информации, которую предстоит собрать в ходе предварительной проверки о хулиганстве, включает:

- круг лиц, которые могут подтвердить изложенные факты или уточнить, разъяснить отдельные обстоятельства происшедшего события, в том числе полученные из средств массовой информации;

- документы, предметы, иные материально фиксированные носители информации, потенциально могущие быть признаны вещественными доказательствами;

- процессуальные документы, составленные в ходе первоначальных действий по поступившему заявлению о хулиганстве (протокол осмотра места происшествия, объяснения, поручения дознавателя (следователя), рапорта сотрудников правоохранных органов, результаты проведенных исследований и др.).

Направления деятельности сотрудников правоохранных органов на этапе предварительной проверки определяются типичными ситуациями, складывающимися при получении сообщения о хулиганстве.

Предварительная проверка не направлена на расследование всех обстоятельств совершенного хулиганства. Как правило, она ограничивается задачами, которые позволяют выяснить, необходимо ли начинать уголовное преследование на основе имеющейся информации. Если результаты проверки не являются достаточными для возбуждения уголовного дела по ст. 213 УК РФ, то выносится соответствующее постановление об отказе в его возбуждении.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что проверка сообщения по фактам хулиганства является важным этапом начала расследования, который гарантирует соблюдение процессуальных норм, обеспечивает эффективность расследования и создает базу для обоснованного привлечения к уголовной ответственности виновных лиц. Предварительная проверка направлена на обеспечение объективности, законности и обоснованности принимаемых правоохранными органами решений.

Список источников

1. Овсянников Ю. В. Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях в уголовно-процессуальном законодательстве России : учеб. пособие. Красноярск, 2020.

2. Лавров В. П. Проблемы предварительной проверки сообщений о преступлениях в современных российских условиях // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4(44).

А. А. Еркалов

(Омская академия МВД России)

Согласие на правоприменение

Проблемные вопросы, возникающие при исследовании правоприменительных актов в разных отраслях права, имеют много общего, но разрешаются с учетом специфики конкретной отрасли права. В данном случае специфика оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) диаметрально противоположно влияет на результат разрешения общетеоретической проблемы.

Как оказалось, в теории права нет единообразия в решении вопроса о месте договора в системе правоприменительных актов. Одни ученые относят их к правоприменительным актам [1, с. 6], другие полагают, что индивидуальные договоры занимают самостоятельное место в системе индивидуальных правовых актов, наряду с односторонними автономными актами, правоприменительными актами и актами казуального толкования. Например, данную точку зрения разделяет Е. М. Измestyева, говоря, что договор не следует относить к правоприменительным актам по причине того, что:

— акт применения права исходит от специально уполномоченных компетентных органов, в то время как договор может быть заключен любыми участниками общественных отношений, обладающими правосубъектностью;

— применение права — властная деятельность, а заключение индивидуального договора, как правило, происходит в рамках обычного правомерного поведения;

— договор является элементом саморегуляции общественных отношений, а правоприменительный акт к таковым не относится. Акты саморегулирования (автономные решения и договоры) дают возможность не только конкретизировать нормы объективного права, но и непосредственно устанавливать субъективные права и обязанности, прямо не предусмотренные нормами права. Правоприменительные акты как результат деятельности компетентного субъекта ограничены нормами права [2, с. 19].

Оперативно-розыскной закон, а также ведомственные нормативно-правовые акты, регламентирующие оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), содержат обилие согласительных (договорных) процедур. Данную проблему предлагаем рассмотреть несколько усечено на примере такого правоприменительного акта-документа, как контракт, заключаемый при конфиденциальном содействии (далее — контракт).

Так, в трудовом законодательстве понятие «трудовой договор» и «трудовой контракт» абсолютно идентичны, в гражданском праве контрактом считается соглашение, одной из сторон которого выступает государство.

По нашему мнению, контракт в ОРД следует отнести к правоприменительным актам по следующим основаниям:

- одной из сторон заключения контракта всегда выступают государственные органы, уполномоченные на осуществление ОРД;

- в отличие от гражданско-правового договора, заключение контракта — это результат целенаправленной властно-волевой деятельности органов, осуществляющих ОРД, в котором закрепляются правоотношения субъекта правоприменения с исполнителями «услуг», способствующие решению задач оперативно-розыскной деятельности, устанавливаются обязательные для исполнения предписания и требуется определенный результат работы, который оплачивается за счет средств федерального бюджета;

- положения контракта всегда основаны на нормах права, отступление от положений которых недопустимо и несет закрепленную контрактом ответственность, помимо прочего устанавливаются взаимные обязательства, дополнительно регулирующие возникшие правоотношения.

Резюмируя, отметим, что контракт в полной мере соответствует всем признакам индивидуально-правового акта, выделенным в юридической литературе, что относит его к редкой разновидности правоприменительного договора, однако усомниться в этом можно, если обратить внимание на указание в нормативно-правовых актах, регламентирующих ОРД, на необходимость получения добровольного согласия лица на вовлечение в сферу оперативно-розыскных правоотношений, что является обязательным условием для заключения контракта. Стоит ли учитывать данное «согласие на правоприменение» при отнесении контракта к правоприменительным актам?

По нашему мнению, контракт на конфиденциальное содействие имеет много общего с государственным (муниципальным) контрактом на

оказание услуг. О природе данного правового акта ведутся споры: одни относят его к административным актам, другие к гражданско-правовым договорам. При разграничении по цели, которая сводится к обеспечению государственных нужд в каком-либо товаре, работе или услуге, понятно, что стороны равны, а общественные отношения являются имущественными, а значит, гражданско-правовыми [3, с. 8]. Цель контракта на конфиденциальное содействие состоит в выражении публичных интересов государства, взаимодействие носит управленческий, властный, субординационный характер, а задействование ресурсов лиц, с которыми заключается контракт, возмездный.

Список источников

1. Ядринцева О. В. Индивидуально-договорное правоприменение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
2. Измestьева Е. М. Качество правоприменительных актов как условие и результат правоприменения // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2017. № 1.
3. Заботина Н. Н. Правовая природа правоотношений, возникающих в связи с заключением контрактов на поставку товаров для государственных нужд : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.

А. Л. Ермакова

(Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова)

«Революционное» ограничение срока содержания под стражей: объективная необходимость или отрыв от реальности?

Регламентация в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) сроков применения мер пресечения не является совершенной. Установленные временные границы не обеспечивают права и законные интересы граждан, на которых возлагается бремя принудительного воздействия, не отвечают ожиданиям правоприменительной практики. В связи с этим в юридической литературе предлагаются различные нормативные корректировки сроков применения мер пресечения без фундаментального затрагивания их системы [1, с. 369]. Например, Б. Я. Гаврилов выступает с инициативой увеличения первоначально-го периода «стражного» принуждения до трех месяцев [2, с. 142].

Вместе с тем в декабре 2023 г. депутат Государственной Думы А. Е. Глазкова внесла законопроект (№ 504664-8) об изменениях в ст. ст. 108 и 109

УПК РФ. Ее предложения связаны с ограничением срока применения самой строгой меры государственного принуждения.

Концепция предполагает исключение ч. 3 ст. 109 УПК РФ, т. е. всех случаев продления меры пресечения свыше 6 месяцев, а также чч. 5–7 и 8.1–8.3 ст. 109 УПК РФ. По ее мнению, дальнейшее содержание под стражей на досудебном производстве не должно продлеваться ни при каких обстоятельствах. Предлагаемые изменения «позволят конкретизировать и упорядочить сроки содержания обвиняемых и подозреваемых под стражей без необоснованного ущемления прав граждан на доступ к судопроизводству»[3].

Свои выводы А. Е. Глазкова подкрепляет статистическими данными Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, согласно которым на конец 2023 г. в следственных изоляторах до вынесения приговора содержалось 48 686 человек, из них со сроком содержания свыше 6 месяцев — 42 322, от одного года до полутора лет — 3965 человек, свыше полутора лет — 2399 человек.

В марте 2024 г. появился официальный отзыв Правительства Российской Федерации. В нем отмечено, что запрет на продление сроков содержания под стражей в ряде случаев создаст предпосылки для уклонения подозреваемого, обвиняемого от расследования. Предлагаемое регулирование, считают в Правительстве, не имеет четкого обоснования, а также приведет к ослаблению превентивной функции уголовного закона, затруднит процесс расследования преступлений и создаст предпосылки к возникновению угроз безопасности Российской Федерации.

Следует учитывать, что обоснованность заключения под стражу и продления соответствующих сроков проверяются в рамках ведомственного и судебного контроля, которые направлены на исключение возможности произвольного и необоснованного применения указанной меры пресечения. В юридической литературе не содержится данных, которые могли бы указывать на системность изложенной проблемы. Приведенная статистика правоприменительной практики также не свидетельствует о необоснованности и незаконности содержания под стражей, поскольку при каждом продлении срока сверх предельного судам надлежит проверять фактические основания изоляции лица от общества.

Таким образом, мы не можем согласиться с предлагаемыми процессуальными поправками. Предусмотренные в ст. 109 УПК РФ нормы о продлении срока меры пресечения в виде заключения под стражу выработаны многолетней практикой. При этом в целом число арестованных сокращается (в 2019 г. — 94 632 человека, в 2021 г. — 87 905, в 2022 г. — 87 687) [4].

Следовательно, предложение о невозможности продления срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу свыше 6 месяцев идет вразрез с потребностями правоприменительной практики.

Список источников

1. *Муравьев К. В.* Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017.
2. *Гаврилов Б. Я.* Процессуальные сроки производства предварительного следствия и содержания обвиняемых под стражей: от проблем к решению // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4(103).
3. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/504664-8#bh_note (дата обращения: 13.02.2024).
4. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 13.02.2024).

М. Р. Ибишов

(Омская академия МВД России)

Способы неправомерного завладения транспортными средствами как элемент оперативно-розыскной характеристики

Современное состояние и рост преступности в Российской Федерации обуславливают необходимость принятия мер как правового, так и не правового характера, направленных на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений.

Анализ имеющихся статистических данных указывает на то, что количество краж автотранспорта сокращается пропорционально общему уровню преступности в стране. За период с января по ноябрь 2023 г. в России зарегистрировано 6580 фактов краж автомобилей, что на 22,9% меньше аналогичного периода прошлого года [1].

Рассмотрение предмета исследования начинается со всестороннего изучения и анализа тех черт, которые отражают особенности преступления, представляя их в виде общей информационной модели.

Криминалистическая, криминологическая, уголовно-правовая и оперативно-розыскная характеристики преступления являются взаимосвязанными компонентами единой информационной модели преступления. Необходимо понимать, что оперативно-розыскная характеристика (далее — ОРХ) автоугонов и корреляционные связи ее структурных элементов носят закономерный характер, служат опера-

тивному сотруднику ориентиром для выдвижения версий и разработки тактических приемов противодействия преступной группе.

О понятии ОРХ написано большое количество трудов такими учеными, как В. Д. Пчелкин, А. А. Пароманов, Д. В. Гребельский, В. М. Атмажитов, Р. С. Белкин, однако до настоящего времени отсутствует четкое представление о нем [2, с. 29]. Изучив различные мнения, мы пришли к выводу, что оперативно-розыскная характеристика обозначает систематизированное описание и анализ информации о лице, объекте или событии, собранной в рамках оперативно-розыскной деятельности. Применительно к угонам автотранспорта ОРХ включает в себя различные аспекты, такие как личность угонщика (возраст, пол), поведенческие особенности, социальный статус, связи (включая преступные), способ, место и время совершения преступления, методы сокрытия угнанного транспортного средства, личность потерпевшего и другие сведения, которые могут быть полезными для решения оперативных задач. Она служит основой для принятия решений, планирования операций и в последующем представления результатов оперативно-розыскной деятельности в органы предварительного следствия, дознания и в суд.

Таким образом, назначение ОРХ состоит в том, что она должна служить теоретической и информационной базой для разработки основных методических и тактических приемов выявления и раскрытия преступлений, включая создание типовых программ их раскрытия. На наш взгляд, способ неправомерного завладения транспортным средством является основным элементом ОРХ, так как, зная способ хищения, можно запланировать и предпринять попытки к задержанию преступников с поличным.

Несмотря на развитие современных технологий, некоторые угонщики продолжают использовать устаревшие способы преступной деятельности:

- а) разбитие бокового стекла;
- б) проворот личинки замка;
- в) копирование ключа при продаже или в автосервисах;
- г) применение насилия и др.

Преступный мир идет в ногу с технологическим процессом, поэтому сейчас активно используются инновационные способы с применением программных шифраторов. Наиболее популярными являются [3]:

1) угон с помощью кодграбберов. Этот метод угона подразумевает умышленное и незаконное использование технологий, направленных на обход систем безопасности, встроенных в современные автомобили. Устройство выполнено в виде обычного брелока сигнализации. Угонщик перехватывает радиосигнал при постановке автомобиля на штатную сиг-

нализацию, а затем воспроизводит, дублируя его, когда водителя уже нет поблизости. Стоимость таких устройств от 50 тысяч рублей, а всевозможные инструкции по применению легко отыскать в интернете;

2) угон с запуском систем бесключевого доступа (длинная рука). Использование системы позволяет владельцу сесть в автомобиль и (или) запустить его двигатель без физического ключа. Однако такие системы также не обезопасят от угона по причине имеющихся уязвимостей при их проектировании, а также если злоумышленники используют специализированные устройства взлома системы;

3) угон с использованием «тетриса». Это самый инновационный способ хищения автотранспорта. Данное устройство получило свое название из-за внешнего вида, так как выполнено оно в виде игры «тетрис» и имеет такой же функционал. Однако при нажатии определенной кнопки более чем на 5 секунд активируется режим сканирования электронного ключа автомобиля. Применяя такой прибор, злоумышленник дергает дверную ручку автомобиля с бесключевым доступом для осуществления запроса сигнала от ключа. Прибор записывает 3–4 запроса и в течение минуты подбирает рабочий сигнал от имени ключа, после чего автомобиль открывается.

Подводя итог, следует отметить следующие:

1) спектр технических средств для неправомерного завладения автотранспортом достаточно широк;

2) исходя из региональных особенностей, совершаются кражи с применением разных технических средств;

3) наличие в открытом доступе устройств, позволяющих вскрывать штатные системы сигнализации, провоцирует преступников на совершение преступлений.

Предлагаем внести изменение в законодательство, ограничивающее оборот таких технических средств, установив выдачу лицензий организациям, специализирующимся на реализации подобных систем, усилить контроль государства за продажей такой техники.

Список источников

1. URL: <https://www.autonews.ru/news/659e3ad39a79476f8da496eb> (дата обращения: 20.03.2024).

2. Пчелкин В. Д. Понятие и роль оперативно-розыскной профилактики преступлений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Юридические науки». 2020. № 3.

3. URL: <https://arkan.ru/articles/samye-populyarnye-metody-ugonov-i-sposoby-zashchity-ot-nikh/> (дата обращения: 20.03.2024).

М. Р. Каршиев

(Омская академия МВД России)

Оказание содействия следователю сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции при исполнении домашнего ареста

Сотрудник уголовно-исполнительной инспекции ФСИН России (далее — УИИ) на основании приказа Минюста России, МВД России, Следственного комитета России и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 (далее — приказ) оказывает содействие следователю при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста [1]. Согласно данному нормативному правовому акту сотрудник УИИ следит за исполнением подозреваемым или обвиняемым меры пресечения в виде домашнего ареста и при возникновении нарушений уведомляет об этом следователя.

Однако периодически возникают ситуации, когда подозреваемые или обвиняемые нарушают данную меру пресечения. Так, в конце мая 2021 г. в Свердловской области А. Еремеев, ранее судимый за совершение тяжкого преступления, находящийся под домашним арестом, назначенным по делу о преступлении против сексуальной неприкосновенности несовершеннолетней, совершил другое преступление — убийство женщины. При этом по решению суда на А. Еремеева по медицинским противопоказаниям не было электронного браслета, который позволяет сотрудникам УИИ отслеживать передвижения человека и, соответственно, нарушения режима. Сотрудник УИИ 19 мая 2021 г. прибыл по месту жительства А. Еремеева для проверки исполнения обвиняемым меры пресечения в виде домашнего ареста. Было установлено, что последний скрылся от органа предварительного следствия. В связи с этим 20 мая 2021 г. по решению суда А. Еремеева объявили в розыск. Его удалось задержать лишь 3 июня 2021 г. [2].

На практике сотрудники УИИ, оказывая содействие следователю в исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста, вынесенного в отношении подозреваемого или обвиняемого, также становятся свидетелями того, как последние нарушают данную меру пресечения. Например, подозреваемые или обвиняемые покидают свое место жительства, установленное судом, срывают электронные браслеты [3]. Нередки случаи, когда подозреваемые или обвиняемые, находящиеся под домашним арестом, нарушают запреты, установленные судом, а именно, общаются с лицами, имеющими процессуальный статус свидетеля,

проходящими по одному уголовному делу вместе с подозреваемыми или обвиняемыми [4].

Согласно приказу сотрудник УИИ обязан проинформировать в течение двух часов следователя, в производстве которого находится уголовное дело, с момента установления факта отсутствия по месту нахождения подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого в качестве меры пресечения избран домашний арест. За это время подозреваемый или обвиняемый имеет реальную возможность скрыться от органов предварительного следствия и суда, так как сотрудник УИИ лишь фиксирует нарушение подозреваемым или обвиняемым меры пресечения, о чем сообщает следователю. Без поручения, вынесенного следователем, сотрудник УИИ не уполномочен задерживать подозреваемого или обвиняемого.

Кроме того, считаем целесообразным обратить внимание на необходимость оказания сотрудниками УИИ содействия следователю в исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста, вынесенного в отношении подозреваемого или обвиняемого, в части их доставки в орган предварительного следствия и суда. На основании приказа сотрудники УИИ осуществляют доставку указанных лиц только в следственные органы, а также в суд в целях участия подозреваемых или обвиняемых в следственных действиях или судебных заседаниях. Другие аспекты содействия не определены. Очевидна необходимость расширения форм содействия следователю, дознавателю сотрудником УИИ, развития законодательства в этом направлении.

Список источников

1. *Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог* : приказ Минюста России, МВД России, СК России, ФСБ России от 31 августа 2020 г. №189/603/87/371. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. URL: <https://iz.ru/1175509/evgeniia-priemskaja/ne-bylo-pretenzii-natural-sbezhashego-iz-pod-domashnego-aresta-arestovali-po-delu-ob-ubiistve> (дата обращения: 06.03.2024).

3. URL: <https://ren.tv/news/kriminal/1104789-napavshego-s-nozhom-nasotrudnika-ufsin-moskvicha-zaderzhali?ysclid=ltpkdyxr6j472044083> (дата обращения: 06.03.2024).

4. URL: <https://www.kp.ru/daily/27556/4881605/?ysclid=ltpldy86v983608141> (дата обращения: 06.03.2024).

А. А. Киселева

(Академия управления МВД России, г. Москва)

О возвращении к отечественным традициям оценки производных доказательств

В российской судебно-следственной практике в последние годы стала актуальной проблема допустимости использования в уголовном процессе производных доказательств. Их ненадежность не только обосновывается в ряде научных работ, но часто априори признается судьями. Возникает вопрос о соответствии таких подходов принципу свободы оценки доказательств.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г., который и сегодня лежит в основе уголовного процесса России, впервые закрепил оценку доказательств по внутреннему убеждению, заменив ранее существовавшую формальную оценку. Никаких формальных правил оценки производных доказательств он не предусматривал, чем заложил российскую традицию оценки производных доказательств по внутреннему убеждению. Некоторые дореволюционные юристы, действительно, высказывали мнение о ненадежности и необоснованности производных доказательств, которые, на их взгляд, должны использоваться в доказывании лишь в исключительных случаях, при невозможности добыть первоначальные доказательства [1, с. 394]. Такая позиция напоминает положения английской концепции доказательственного права о наилучшем доказательстве и свидетельстве «по слуху» (hearsay), которые хоть и не были известны дореволюционному праву, но содержались в теоретических работах [2, с. 15]. В рамках второй научной дискуссии вопрос о надежности и допустимости производных доказательств продолжал обсуждаться и в науке советского уголовного процесса [3, с. 35; 4, с. 70; 5, с. 56]. Однако на правоприменительную практику эта дискуссия заметного влияния не оказывала.

Критическое отношение к производным доказательствам усиливалось по мере проникновения в российский уголовный процесс англо-американских подходов о недопустимости производных показаний, полученных со слов лица, через практику Европейского суда по правам человека, решения которого до недавнего времени во многом определяли и развитие отечественного законодательства, и тенденции правоприменительной практики.

Концепция недопустимости производных доказательств стала предметом активного обсуждения в науке, получила многочисленные положительные оценки, выразившиеся даже в предложении о призна-

нии производных доказательств недопустимыми или установлении приоритета первоначальных доказательств над производными на законодательном уровне [6, с. 202]. Такие идеи хотя и не были реализованы в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, однако получили широкое распространение на практике. Производные доказательства стали признаваться недопустимыми даже в случае их законного получения [7]. Чаше суды исключают производные показания сотрудников правоохранительных органов о сведениях, полученных от преследуемого лица, расширительно толкуя позицию Конституционного Суда РФ о запрете восстанавливать недопустимые показания подозреваемого (обвиняемого) [8]. Такой подход к оценке производных доказательств, позволяющий признавать одни доказательства менее совершенными по сравнению с другими, указывает на возвращение к формализации доказывания под влиянием западных идей, властвовавших умами многих российских юристов в конце прошлого века и до сих пор не в полной мере преодоленных.

Основанием для признания производных свидетельских показаний недопустимыми согласно действующему законодательству служит неизвестность первоисточника. Это правило существовало и в Уставе уголовного судопроизводства, в ст. 766 которого было указано, что свидетель допрашивается обо всем, что ему известно по делу, за исключением обстоятельств, о которых он узнал по слухам. При известности первоисточника производные показания должны оцениваться по общим правилам оценки доказательств.

Становление правоприменительной практики, воспринявшей западные идеи доказательственного права, основанные на формальной оценке доказательств, не соответствует российской традиции, заложенной Уставом уголовного судопроизводства и состоящей в оценке доказательств по внутреннему убеждению.

В сегодняшней геополитической ситуации отечественный уголовный процесс тем более должен строиться на отечественных духовно-нравственных ценностях и сохранять свою традиционную идейность.

Субъекты доказывания должны быть ориентированы на традиционные правила свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, не допускающие установления приоритета одних доказательств над другими и наделятия каких-либо доказательства заранее установленной силой. Во избежание сложностей при оценке производных доказательств возможна постановка вопроса о законодательном закреплении критериев их оценки в целях организации деятельности субъекта доказывания для правильного определения предмета оценки и унификации судебной практики [9, с. 104].

Список источников

1. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. Петроград, 1916.
2. Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995.
3. Шифман М. Л. Основные вопросы теории советского доказательственного права. М., 1956.
4. Кудин Ф. М. Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1966.
5. Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960.
6. Новицкий В. А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения : монография. Ставрополь, 2002.
7. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21 июня 2022 г. № 77-2275/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г. № 44-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Победкин А. В. Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1(41).

А. П. Кочетов

(Омская академия МВД России)

Эффективность использования биометрии для предотвращения преступлений в сфере интернет-торговли

В мире, где интернет-торговля получила популярность, вопрос безопасности является важным для потребителей. Мошенничество в сфере интернет-торговли становится изощренным, угрожая финансовой стабильности и доверию к этому способу покупок. В связи с этим актуальность биометрической защиты в сфере интернет-торговли неоспорима.

Согласно данным Лаборатории Касперского, в 2023 г. в России наблюдался рост онлайн-мошенничества в сфере интернет-торговли.

Количество фишинговых ссылок в доменной зоне «.RU», заблокированных данной компанией, увеличилось более чем в пять раз по сравнению с предыдущим годом. Эта тревожная тенденция подтверждается аналитическими данными Центрального Банка Российской Федерации, которые свидетельствуют о том, что общий ущерб от хищения денежных средств со стороны кибермошенников в течение 2023 г. превысил 12 млрд рублей [1].

УМВД России по г. Омску за 2023 г. зарегистрировано 5185 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 1529 фактов (или 41,8%) больше, чем за 2022 г. [2] Эти данные подчеркивают необходимость принятия эффективных мер по обеспечению безопасности в сфере интернет-торговли, включая использование современных биометрических технологий.

Биометрические системы — это передовой способ установления личности, который базируется на уникальных анатомических или поведенческих особенностях, например, на отпечатках пальцев, структуре лица, характере подписи или тембре голоса. Данный метод находит свое применение во множестве областей, в том числе и в сфере интернет-торговли.

Внедрение биометрических систем становится более популярным, благодаря непрерывному развитию технологий. На основании проведенных исследований мы пришли к выводу о значимых преимуществах данной системы, среди которых ключевыми являются:

1. *Уникальность.* Биометрические данные уникальны для каждого человека, что обеспечивает высокий уровень точности при идентификации личности, минимизируя риск ошибочного доступа.

2. *Сложность подделки.* Биометрические характеристики, такие как отпечатки пальцев, структура лица или голос, гораздо сложнее подделать по сравнению с традиционными методами аутентификации, например, паролями или PIN-кодами.

3. *Удобство использования.* Биометрия упрощает процесс аутентификации для пользователя, поскольку не требует запоминания паролей или постоянного использования дополнительных устройств.

4. *Быстрая идентификация.* Биометрические системы способны обрабатывать запросы очень быстро, что обеспечивает моментальный доступ к услугам и системам без задержек.

5. *Уменьшение риска мошенничества.* Использование биометрии значительно затрудняет мошенникам доступ к чужим аккаунтам, так как имитировать биометрические данные крайне сложно.

На наш взгляд, рассматривая положительные аспекты биометрической идентификации, мы также должны обратить внимание на ее недостатки, среди которых выделяются:

1. *Проблемы приватности.* Сбор и хранение биометрических данных вызывает озабоченность по поводу конфиденциальности и возможности их неправомерного использования. Люди негативно реагируют на перспективу раскрытия личных биометрических данных перед государственными органами или индивидуальными предприятиями.

2. *Возможность взлома.* Несмотря на то, что биометрические данные сложнее подделать, системы, в которых они хранятся, могут подвергаться атакам и взломам. В случае утечки такие данные нельзя просто изменить, в отличие от пароля.

3. *Высокая стоимость.* Внедрение и поддержка биометрических систем требуют значительных финансовых затрат, что ограничивает доступ к этой технологии для многих организаций.

4. *Этические и культурные вопросы.* В некоторых культурах может быть неприемлемо использование определенных типов биометрии. Например, в мусульманских общинах распространено ношение женщинами такой одежды, как никаб и паранджа, что препятствует полному распознаванию лица и, следовательно, создает сложности в применении биометрических технологий для их идентификации.

В 2023 г., согласно информации от Центра биометрических технологий, в России было собрано 75 млн биометрических образцов, включая лица и голоса. Из них более 30 млн образцов использовались в Сбербанке, помогая обеспечивать безопасность банковских операций и выявлять мошенничество [3].

Биометрия становится ключевым инструментом в борьбе с преступностью, особенно в сфере интернет-торговли. В прошлом отпечатки пальцев и ДНК играли важную роль в идентификации преступников, а теперь правоохранительные органы активно применяют искусственный интеллект для распознавания лиц с записей камер видеонаблюдения.

Однако, несмотря на очевидные преимущества в обеспечении безопасности и удобства, биометрические технологии вызывают опасение в связи с конфиденциальностью данных. Компаниям, работающим с биометрическими данными, необходимо соблюдать высокие стандарты защиты информации для поддержания доверия пользователей и обеспечения их безопасности.

Важно продолжать совершенствовать биометрические системы. Главная цель заключается в повышении точности распознавания и снижении вероятности ошибок. Это позволит пользователям чувствовать себя более защищенными.

Список источников

1. URL: <https://www.tsn24.ru/2024/01/29/300941-obyemy-onlayn-oshennichstva-v-rossii-vyrosli-v-5-raz/> (дата обращения: 12.03.2024).
2. URL: <https://55.мвд.пф/Dejatelnost/Statistika> (дата обращения: 12.03.2024).
3. URL: <https://объясняем.пф/articles/useful/biometricheskie-dannye-chto-nuzhno-znat/> (дата обращения: 12.03.2024).

Д. Н. Лапин

(Омская академия МВД России)

Оперативно-розыскная компетенция подразделений НЦБ Интерпола. Организационно-правовой механизм как ее элемент

Оперативно-розыскная компетенция подразделений Национального центрального бюро Интерпола (далее — НЦБ Интерпола) законодательно закреплена в международных и национальных нормативно-правовых актах. Несмотря на законодательное происхождение указанного вида деятельности, ее организационно-правовой механизм в полном объеме не регламентирован.

В соответствии со ст. 32 Устава Международной организации уголовной полиции (далее — МОУП) от 13 июня 1956 г. каждая страна, вступившая в Интерпол, должна создать в своей структуре полицейской службы национальное центральное бюро.

На национальном уровне НЦБ является постоянно действующим органом Интерпола в данной стране и одновременно учреждением своей страны, наделенным полицейскими полномочиями, т. е. структурным звеном сразу двух систем — Интерпола и национальной полицейской службы государства — члена организации.

В соответствии с Указом Президента РФ от 30 июля 1996 г. № 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности МОУП — Интерпола» в нашей стране НЦБ Интерпола является структурным подразделением МВД России. На основании данного документа определены и его главные задачи.

1. Обеспечение эффективного международного обмена информацией об уголовных преступлениях.

2. Оказание содействия в выполнении запросов международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами РФ.

3. Наблюдение за исполнением международных договоров по вопросам борьбы с преступностью, участниками которых является РФ.

Следует отметить, что в научной и специальной литературе подразделениям НЦБ Интерпола, исходя из имеющихся возможностей, отводится второй план: в субъектах оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) они определяются как вспомогательные подразделения, что в нашем понимании является недооцененным.

Анализ содержания Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) позволяет заключить, что международные нормативно-правовые акты являются самостоятельным источником правового регулирования ОРД. Так, пункт 6. ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД рассматривает запросы международных правоохранительных организаций в качестве самостоятельного основания проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), а п. 3 ст. 14 закрепляет в числе обязанностей оперативных служб необходимость выполнения запросов правоохранительных органов иностранных государств.

Вместе с тем в соответствии с приказом МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность» подразделения по обеспечению взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств — членов МОУП — Интерпола и Генеральным секретариатом Интерпола (НЦБ Интерпола МВД России и его отделы, отделения, группы в территориальных органах МВД России) проводят по запросам международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств усеченный перечень ОРМ, а именно: опрос, наведение справок, отождествление личности.

Проведение подразделениями Интерпола иных ОРМ, оперативно-технических мероприятий не предусмотрено. Не регламентирован и порядок ведения дела исполнения международного запроса, отсылающий к несуществующему нормативно-правовому акту.

На первый взгляд, усеченный перечень ОРМ не может повлиять на оперативно-розыскную компетенцию подразделений НЦБ Интерпола в целом.

Однако само понятие «компетенция», если обратиться к Толковому словарю русского языка, означает круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен, круг чьих-то полномочий, прав. Компетенция является сферой отношений, существующих между знанием и действием в человеческой деятельности [1, с. 288].

В современных условиях эффективность исполнения международных запросов, проведение мероприятий в отношении лиц, находящихся в международном розыске, координация деятельности всех правоохранительных органов региона при проведении совместных международных полицейских операций является необходимой мерой расширения оперативно-розыскной компетенции.

Составляющим элементом оперативно-розыскной компетенции является ее организационно-правовой механизм, включающий в себя:

- 1) правовую основу подразделений НЦБ Интерпола при осуществлении ОРД;
- 2) непосредственное участие в оперативно-розыскных правоотношениях;
- 3) основания для проведения ОРМ и условия их проведения, соблюдение которых свидетельствует о правомерной деятельности субъектов права;
- 4) пределы организационной и тактической самостоятельности;
- 5) гарантии правовой защищенности.

Учитывая изложенное, констатируем, что совершенствование организационно-правового механизма позволит правильно использовать все средства и методы ОРД, даст возможность в пределах соответствующей компетенции самостоятельно организовывать и проводить ОРМ на основе имеющихся сведений и динамически меняющейся обстановки, формулировать предложения и принимать определенные решения.

Список источников

1. *Толковый словарь русского языка* / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2007.

Л. М. Мандарханова

(Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск)

О необходимости изучения личностных свойств участников неочевидных дорожно-транспортных преступлений

В настоящее время практически каждый человек использует транспортное средство в повседневной жизни.

Определенные правила эксплуатации транспортных средств, а также различного рода нарушения транспортной дисциплины были определены еще в ряде документов XIX в., например, в Сельском судебном уставе для государственных крестьян от 23 марта 1839 г., Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 г. В данных актах безопасность дорожного движения впервые была отнесена к необходимым элементам, характеризующим дорожное покрытие [1, с. 328–329].

Учитывая различный уровень интеллекта и в принципе различия каждого человека по отдельности, управление транспортным средством происходит не всегда в соответствии с Правилами дорожного движения Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации 23 октября 1993 г. № 1090.

Анализируя дорожно-транспортные преступления, можно прийти к выводу, что наиболее проблемными являются те, которые совершены при неочевидных обстоятельствах.

При изучении дорожно-транспортных преступлений особое внимание необходимо уделить обстоятельствам, способствующим совершению данных преступлений. К ним относятся дорожные, погодные условия, окружающая обстановка, поведение определенных лиц, организаций и государственных органов и др.

Исследуя факторы, способствующие совершению дорожно-транспортных преступлений, немаловажным представляется рассмотрение условий, которые в той или иной степени оказывают определенное влияние на возможность лица в дальнейшем отказаться от факта управления автомобилем в момент дорожно-транспортного происшествия.

Изучая личностные свойства участников дорожно-транспортных происшествий, необходимо уделять особое внимание их возможному непосредственному отношению к управлению транспортным средством.

Анализ уголовных дел показал, что в ходе предварительного расследования могут складываться две ситуации:

1) лицо отрицает факт управления транспортным средством, ссылаясь на других;

2) лица умышленно меняются местами и настаивают на факте управления потерпевшим транспортным средством в целях прекращения уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, предусмотренного чч. 1 и 2 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В последней ситуации потерпевший дает признательные показания и настаивает на факте управления им автомобилем в момент происшествия, абсолютно не осознавая последствия своего поведения, которые могут негативно сказаться на нем спустя определенное время.

Примечательно, что довольно часто лица, не имеющие права управления транспортными средствами и не являющиеся их собственниками, как раз и управляли автомобилем в момент происшествия, имея взаимодействие с собственником транспортного средства, у которого они и проехали «прокатиться».

Что касается второй ситуации, то можно сказать, что важно объяснить последствия дачи ложных показаний.

Общеизвестно, что социальная ценность и значимость человека определяются уровнем его образования, которое оказывает воздействие на формирование его интересов. Низкий образовательный уровень способствует развитию у человека индивидуалистически-криминогенных взглядов, обуславливает их примитивность [2, с. 252]. Отсюда следует, что необходимо развивать грамотность в сфере безопасности дорожного движения, требуя от лиц знаний об источнике повышенной опасности и последствиях в случае неверного обращения с ним.

Системный подход к предупреждению дорожно-транспортных преступлений предполагает комплексность в реализации мероприятий, взаимодействие субъектов профилактики, которые можно достичь только путем планирования профилактической деятельности, правовых и организационных мер по ее координации; глубокого понимания механизмов взаимодействия различных звеньев предупредительной деятельности [3, с. 169].

Список источников

1. Тертычная И. В. Криминалистическая характеристика дорожно-транспортных преступлений // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. / сост.: А. Р. Акиев, Т. А. Бадзгардзе. СПб., 2023.

2. Грибунов О. П. Характеристика личности преступника, совершающего кражи на объектах транспорта // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2.

3. Мидловец М. В. Система мер по профилактике и предупреждению дорожно-транспортных преступлений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1(67). № 1.

Д. Ю. Мурашов

(Омская академия МВД России)

Право и ответственность в цифровой среде: обеспечение прав граждан

Интернет являет неотъемлемой частью современного социума. По состоянию на начало 2024 г. население Земли насчитывало 8,08 млрд человек, из которых 5,35 млрд являются пользователями сети Интернет, что составляет 66% от всего населения. В России это количество достигло 130 млн. При этом среднестатистический пользователь в России проводит онлайн около 8 часов ежедневно [1]. Таким образом, функционирование современного общества невозможно представить без использования интернета.

Права человека являются ключевым элементом обеспечения социальной справедливости и благополучия общества. Общество должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечить каждому человеку возможность реализовать свои конституционные права и свободы. Государство играет важную роль в защите прав человека и создании условий для их реализации. Оно формирует законодательную базу, определяющую и регулиующую права и свободы граждан.

Интернет и общество находятся в постоянном взаимодействии и влияют друг на друга. Интернет предоставляет людям доступ к информации, коммуникации и развлечениям. С одной стороны, всемирная сеть способствует развитию образования, науки и культуры, с другой — выступает инструментом криминальной деятельности. Анонимность и возможность быстрого изменения цифровой личности порождают у преступников чувство безнаказанности, что создает предпосылки, способствующие совершению преступлений и нарушению прав других пользователей. Постулатом теории права выступает тезис, что права одного

человека заканчиваются там, где начинаются права другого. Субъект, не уважающий права других пользователей, нарушает принципы цифрового социума. Государство в целях сохранения стабильности создает законодательную базу, которая определяет и регулирует использование цифровых технологий, а также обеспечивает условия для реализации прав и свобод граждан в цифровом пространстве. Так, в Конституции Российской Федерации закреплены основные права и свободы человека и гражданина. Но при этом отметим, что конституционные положения и принципы требуют осмысления, адаптации и уточнения при реализации в цифровой среде. И здесь государство как гарант обеспечения прав граждан сталкивается с проблемными ситуациями. Например, существуют правовые, организационные, методические и иные сложности в выявлении, предупреждении и раскрытии преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет [2, с. 59].

Обращает на себя внимание ранее указанное свойство анонимности цифровой личности. Любой интернет-пользователь может создать и использовать несколько цифровых личностей. И если такие действия совершаются в противоправных целях, то задача государства заключается в деаннонимизации и установлении соответствия физического лица и его цифрового образа, что в некоторых случаях может рассматриваться как ограничение прав и часто труднореализуемо с учетом того, что интернет является транснациональной сетью обмена информацией, а государство ограничено международными механизмами взаимодействия. Это особенно актуально в условиях геополитической обстановки, сложившейся в 2023–2024 гг., и часто играет решающую роль в процессе раскрытия преступлений, совершенных с использованием сети Интернет.

Рассматривая вопрос распространения информации в сети Интернет, отметим, что, с одной стороны, государством гарантируется соблюдением прав на доступ к информации, с другой — это же может быть использовано для подготовки и совершения противоправных деяний. Так, анализ больших данных путем агрегации поисковых запросов и истории посещаемых веб-страниц пользователя дает возможность составить описание личности. Подобные данные могут быть использованы правоохранительными органами в целях обеспечения безопасности общества и борьбы с преступностью, но такие же методы могут применять преступники при совершении, например, мошеннических действий.

Для регулирования цифрового пространства в России принят ряд нормативных правовых актов. К таковым можно отнести федеральные законы от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информацион-

ных технологиях и о защите информации», от 7 июля 2003 г. №126-ФЗ «О связи».

Постоянное изменение технологий и способов их использования требует от государства адаптации и обновления нормативной базы. При этом необходимо соблюдать баланс между защитой прав граждан и обеспечением безопасности государства.

Список источников

1. Ежегодный отчет Global Digital 2024. URL: <https://datareportal.com/> (дата обращения: 12.03.2024).

2. Паламарчук С. А. Влияние информационно-коммуникационной сети Интернет на реализацию основных прав человека и гражданина // Современное состояние и перспективы развития судопроизводства России : сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2021.

Е. А. Сучкова

(Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова)

Некоторые вопросы участия специалиста при расследовании неправомерного оборота средств платежей

Изучение вопроса о получении показаний специалиста для разъяснения вопросов сторонам и суду позволяет удостовериться, что он до сих пор остается дискуссионным. В течение длительного периода появляются предложения о необходимости наделения специалиста правом дачи показаний в рамках допроса, которое будет регламентировано процессуальным законодательством.

В статье 80 УПК РФ закреплено, что показания специалиста — это сведения, полученные в ходе допроса, при необходимости использования специальных познаний. Однако права специалиста согласно ч. 3 ст. 58 УПК РФ не содержат конкретного указания на право специалиста дачи показаний в ходе предварительного расследования. Кроме этого, права специалиста ограничиваются правами защитника, следователя или суда, а именно тем, что указанные субъекты имеют право привлекать его для участия на определенной стадии уголовного судопроизводства. Следовательно, в целом допрос специалиста как отдельное следственное действие не предусмотрен в процессуальном законодательстве. А показания специалиста являются доказательством в соответствии со ст. 80 УПК РФ. Основная проблема заключается в том, что не существует унификации

в праве специалиста давать показания относительно имеющихся познаний в определенной области. Это подтверждается мнением Л. Г. Татьяниной, которая заявляет, что содержание понятия «специалист» предполагает, что он имеет право давать показания, однако право знакомиться с протоколом следственного действия в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 58 УПК РФ у него отсутствует. Соответственно, необходимо дополнить ч. 3 ст. 58 УПК РФ, закрепив право специалиста давать показания по вопросам, требующим специальных познаний [1, с. 178]. Указание на данный пробел встречается в трудах М. Л. Якуба, В. Д. Арсеньева, Ю. А. Калинкина. Кроме этого, они отмечают возможность проведения допроса специалиста в качестве свидетеля, который будет осуществляться в рамках процессуального законодательства. Мы знаем, что свидетель — это лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. Однако тогда полностью игнорируются положения ч. 1 ст. 58 и ч. 4 ст. 80 УПК РФ. Там прямо сказано, что специалист допрашивается именно об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также для разъяснения своего мнения [2]. Не совсем понятен также тезис относительно того, что специалист допрашивается по правилам ст. 56 УПК РФ, тогда как существует ст. 58 УПК РФ как специальная норма. Тогда специалист, допрошенный в статусе свидетеля, утратит свой статус специалиста и стороны процесса не смогут использовать подготовленное письменное заключение, содержащее суждения по проводимому исследованию.

Рассматриваемый вопрос, несомненно, оказывает влияние на осуществление предварительного расследования по отдельной категории уголовных дел. Многие следователи не привлекают специалиста ввиду отсутствия процессуальной процедуры получения показаний именно специалиста, в связи с чем указанный пробел может повлечь неполноту проводимого расследования. Особую актуальность показания специалиста приобретают при осуществлении предварительного расследования неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ). Значимость специалиста обуславливается тем, что лицо является носителем специальных знаний, тем самым выступает субъектом их применения. Об этом не раз упоминается в работах Т. В. Толстухиной [3, с. 210]. Специалист в рамках расследования, в частности, случаев, когда лицо незаконно выводило денежные средства через расчетные счета подставных организаций (обналичивание), может дать ключевые разъяснения относительно процедуры оформления расчетных счетов в банке на подставную организацию, количества документов,

необходимых для оформления, предоставляемых при регистрации, порядка оформления квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи и разъяснений правил ее использования юридическим лицом.

Таким образом, получение показаний специалиста является неотъемлемой частью расследования большинства уголовных дел, особенно о неправомерном обороте средств платежей. Существующие проблемы требуют особого внимания со стороны законодателя, так как в процессе расследования некоторые доказательства могут быть признаны недопустимыми. Получение суждений в рамках допроса специалиста позволило бы урегулировать данную проблему и улучшить качество проводимого расследования.

Список источников

1. *Татьянина Л. Г., Кузнецов Е. И.* Допрос специалиста в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Право». 2006. № 13(68–1).

2. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/vs-o-pravilakh-doprosa-spetsialista> (дата обращения: 20.03.2024).

3. *Толстухина Т. В.* К вопросу о субъектах применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5.

Л. А. Федорова

(Барнаульский институт МВД России)

О совершенствовании взаимодействия следственных и оперативных подразделений при обеспечении безопасности участников оперативно-розыскной деятельности

В соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального закона «О полиции» полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств [1]. Назначение полиции состоит в обеспечении охраны общественного порядка и общественной безопасности.

Важной предпосылкой взаимодействия следственных и оперативных подразделений при обеспечении безопасности участников оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) является обладание различными, но взаимодополняемыми правовыми и организационными средствами.

Вопросы взаимодействия актуальны как для науки, так и для практической деятельности, начиная от этапа проверки сообщения о преступлении до направления уголовного дела в суд. Эффективность выполнения поставленных задач, стоящих перед подразделениями, зависит от качества совместной деятельности, что находит свое проявление в возникающих правоотношениях, в рамках которых участники осуществляют свои права и обязанности.

В научной среде не прекращается дискуссия практически по всем аспектам взаимодействия, начиная от порядка и субъектов совместных действий и завершая вопросами доказательственного значения сведений, полученных в результате проведенной работы. Так, одной из значимых проблем является то, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) нет легально закрепленных требований, предъявляемых к поручению следователя (в том числе к срокам их исполнения и формам ответа), что может привести к перспективе серьезных нарушений со стороны исполнителей. В ходе анализа служебной деятельности сотрудников взаимодействующих субъектов мы пришли к выводу, что далеко не все из них не обладают необходимым правовым объемом знаний в области обеспечения безопасности участников ОРД. Более того, в оперативно-розыскной науке остается дискуссионным вопрос о мерах обеспечения безопасности участников ОРД, поскольку сам характер оперативно-розыскных мероприятий предполагает элементы риска, а участие лиц, не являющихся сотрудниками ОВД, увеличивает их. Ввиду этого законом должен регламентироваться механизм защиты указанных лиц.

В соответствии со ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» граждане обладают правом оказывать содействие в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий [2], однако четкого закрепления их правового статуса не имеется.

Часть 2 ст. 3 Закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [3] регулирует полномочия между различными органами от принятия решения об осуществлении государственной защиты и применении мер безопасности до осуществления непосредственно мер безопасности. Для повышения гарантии безопасности участников ОРД уже на стадии возбуждения уголовного дела необходимо повысить их информированность о праве на обеспечение безопасности и отработать конкретный механизм применения мер защиты.

Таким образом, решая проблемы соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности при обеспечении безопасности участников ОРД, нужно обратить внимание на следующие аспекты:

- законодательное определение статуса лиц, оказывающих содействие органам внутренних дел;
- повышение профессионализма и компетентности следователей и оперуполномоченных при осуществлении взаимодействия;
- качественное выполнение оперативными подразделениями поручений следователя;
- регламентация механизма проверки заявления о применении мер безопасности.

Список источников

1. *О полиции* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.

3. *О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства* : федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ.

А. А. Фельк

(Омская академия МВД России)

Значение этапа окончания предварительного следствия при направлении уголовного дела прокурору с обвинительным заключением

Досудебное производство по уголовному делу в случае удовлетворительного результата всего комплекса следственных действий заканчивается передачей материалов уголовного дела с обоснованным обвинением прокурору. Результат деятельности следователя имеет ключевое значение для раскрытия и расследования преступления.

Принципиальная важность рассматриваемого этапа во всем уголовном судопроизводстве и для всех участников производства очевидна, поскольку предлагаемое следствием описание преступного события, собранные по делу доказательства будут предложены суду для оценки всех обстоятельств, призвания к справедливому и законному ответу обвиняе-

мых, восстановления нарушенных прав, и от того, насколько полновесными и удовлетворительными с точки зрения закона будут эти доказательства, зависит судьба многих людей [1, с. 112–113].

Установленный порядок уголовного судопроизводства требует, чтобы выводы о виновных в совершении преступных действий были однозначны и неоспоримы, изложены последовательно и непротиворечиво, снабжены необходимыми и достаточными доказательствами. Кроме того, не должно существовать обстоятельств, которые бы требовали закрыть производство или на время его прервать.

Передача материалов досудебного производства в прокуратуру в рассматриваемом нами случае осуществляется с соблюдением следующих правил:

а) обвиняемый должен исчерпывающим образом быть предварительно осведомлен обо всех имеющихся в деле документах и выводах следствия, экземпляр обвинительного заключения о его виновности должен быть вручен ему либо его официальному представителю;

б) руководитель следственного органа обязан проконтролировать и подтвердить достаточность, однозначность и неоспоримость выводов следователя о виновных криминальных действиях, последовательность и непротиворечивость изложения, наличие необходимых законных подтверждений и свидетельств;

в) руководитель следственного органа должен формально одобрить указанные выше выводы следователя и официально санкционировать надлежащую передачу дела надзирающему прокурору;

г) передача дела должна состояться с соблюдением законного регламента [2, с. 13–15].

Закон предоставляет обвиняемому право требовать и получать полный доступ ко всем документам, данным и сведениям по касающемуся его производству, включая официальные выводы следствия, которые распространяются на его официального представителя — защитника. Обвиняемый и его защитник также вправе копировать любые имеющиеся в деле документы, фиксировать любые выдержки из них, предъявлять законные требования и составлять официальные запросы.

По завершении данной процедуры необходимо протоколирование всех проведенных мероприятий, причем протокол ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела удостоверяется личной подписью упомянутых выше участников.

Регламент действий со стороны руководителя следственного органа, как уже было отмечено, предполагает проверку и подтверждение доста-

точности, однозначности и неоспоримости выводов своего подчиненного о виновных криминальных действиях, последовательность и непротиворечивость изложения, наличие необходимых законных подтверждений и свидетельств. Если обнаруживаются формальные нарушения либо существенные огрехи, они должны быть ликвидированы уполномоченным на то следователем [3, с. 23–24].

После того как руководитель следственного органа удовлетворен результатами проверки, требуется его одобрение, в дальнейшем выводы обретают законную и процессуальную силу.

Описанные действия следователя на этапе досудебного производства имеют принципиальное значение в нескольких аспектах: для соблюдения прав и свобод участников уголовного процесса; для обеспечения объективного и всестороннего расследования; для справедливого рассмотрения дела в суде [4, с. 114–115].

Резюмируя, подчеркнем, что рассмотренный этап имеет важность во всем уголовном судопроизводстве и для всех участников уголовного производства, поскольку предлагаемое следствием описание криминального события, собранные по делу доказательства будут предложены суду для оценки всех обстоятельств, призвания к справедливому и законному ответу виновных лиц, восстановления нарушенных прав. И от того, насколько полновесными и удовлетворительными с точки зрения закона будут эти доказательства, зависит судьба многих людей, фундаментальные естественные и законные интересы и права которых должны быть соблюдены. Само обвинение должно быть однозначно, непротиворечиво, надлежащим образом подтверждено и засвидетельствовано [5, с. 98–99].

Список источников

1. *Бастрыкин А. И.* Следственные действия: теория и практика. М., 2018.
2. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М., 2018.
3. *Калиновский К. Б.* Досудебное производство по уголовным делам: проблемы теории и практики. М., 2018.
4. *Ларин А. М.* Досудебное производство по уголовным делам: проблемы и перспективы. М., 2019.
5. *Смирнов А. В.* Досудебное производство по уголовным делам: теория и практика. М., 2017.

И. В. Хоменко

(Сибирский юридический университет, г. Омск)

Следственные действия как средство предупредительно-профилактической деятельности следователя

Предупреждение и профилактика преступлений являются перманентными задачами, стоящими перед правоохранительными органами.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) в действующей редакции ст. 6 не закрепляет в качестве назначения уголовного судопроизводства предупреждение преступлений, которое было отражено в ст. 2 УПК РСФСР от 27 октября 1960 г. Именно это положение говорило о предупредительной роли уголовно-процессуального закона и об обязанности должностных лиц, в том числе следователей, принимать меры не только к раскрытию преступлений, но и к выявлению причин и условий, способствующих совершению данных преступлений, а также к их устранению. Более того, уголовно-процессуальное законодательство ограничивает предупредительно-профилактическую функцию следователя внесением представлений об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления. Однако анализ норм уголовно-процессуального права позволяет сделать вывод о том, что одним из средств достижения теоретических и практических целей предупредительно-профилактической деятельности являются следственные действия.

Следственные действия представляют собой перечисленные уголовно-процессуальным законом процессуальные действия специально уполномоченных субъектов, направленные на собирание доказательств, а также осуществляемые в строго регламентированной форме [1, с. 679]. При этом к обстоятельствам, подлежащим доказыванию (ст. 73 УПК РФ), относятся обстоятельства, способствующие совершению преступления. Такие обстоятельства выявляются, прежде всего, в ходе осмотра места происшествия. Однако несправедливо считать, что следственные действия могут выступать только как средство установления обстоятельств, способствующих совершению преступления. Фактически, большинство следственных действий представляют определенные уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся в зависимости от установления психологического контакта, следовательно, возможности расположить к себе собеседника, позволить ему довериться. Именно этот фактор играет важную роль в возможности оказать влияние на объект следственного действия, профилактировав и предупредив соверше-

ние новых преступлений. Более того, в ходе производства следственных действий реализуется воспитательная функция системы предупреждения преступности, которая использует методы убеждения, направленные на коррекцию поведения человека в соответствии с нормами права и морали [2, с. 34].

В настоящее время одной из существенных проблем производства следственных действий, связанных непосредственно с работой с людьми, является формальный подход, заключающийся в выполнении тактически верных действий, направленных на получение необходимых по уголовному делу сведений, в целях своевременного принятия процессуального решения. Но нередко органы предварительного расследования не принимают во внимание возможности получения иных данных, которые не имеют прямого отношения к расследуемому преступлению, но могут указать на субъективные обстоятельства, оказавшие влияние на конкретное делинквентное поведение. Складывающаяся ситуация объясняется большой нагрузкой на следователей, в том числе молодых специалистов, в силу недостаточности опыта берущих пример со старшего поколения, которое, к сожалению, ограничивает предупредительно-профилактическую деятельность внесением представлений.

Независимо от того, кто является объектом следственного действия, будь то подозреваемый или свидетель, следователь во всех случаях должен устанавливать психологический контакт, благодаря которому, с одной стороны, должностное лицо оказывает психологическое воздействие на объект, с другой стороны, выстраивает доверительные отношения с ним. Часто в качестве свидетелей совершенного преступления выступают лица, склонные к антисоциальному, антиобщественному поведению, но ранее не совершавшие преступлений. В ходе допроса следователь должен не только установить обстоятельства совершенного деяния, но и объяснить допрашиваемому возможные последствия совершенного деяния в целях предупреждения совершения преступлений данным лицом. Стоит отметить, что мы не говорим о лицах, которые ранее неоднократно судимы, так как обычные методы убеждения для данной категории малоэффективны.

При производстве большинства следственных действий следователь обладает возможностью оказать психологическое воздействие на участвующих лиц. Например, при осмотре места происшествия, следственном эксперименте, обыске, выемке и других следственных действиях, при производстве которых участвуют понятые, следователь может оказать влияние на данных лиц, беседуя с ними, разъясняя определенные момен-

ты происходящего, а также возможные последствия совершенного преступления, предупреждая тем самым совершение преступлений этими лицами в дальнейшем.

Таким образом, следственные действия выступают в качестве средств предупредительно-профилактической деятельности следователя, направленных как на установление обстоятельств, способствующих совершению преступления, так и на предупреждение совершения новых преступлений.

Список источников

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017.
2. Симонова С. С. Теория и практика профилактики преступлений : учеб. пособие. Волгоград, 2022.

Д. А. Шайденко

(Омская академия МВД России)

Задержание лица по подозрению в совершении преступления с административной преюдицией

Уголовный закон содержит более 15 составов преступлений с административной преюдицией, большинство из которых предусматривает наказание в виде лишения свободы. Следовательно, к лицам, совершившим такие преступления, может быть применено задержание в порядке ст. 91 УПК РФ.

По объективным признакам указанные деяния являются административными правонарушениями. Общественную опасность и преступный характер они приобретают ввиду особого статуса лица, подвергнутого административному наказанию. Факт привлечения лица к административной ответственности выступает характеристикой субъекта преступления, а не элементом состава [1]. Этот факт не всегда заведомо известен сотрудникам и не может быть установлен на месте происшествия. В связи с этим можно обозначить ряд проблем.

Задержание подозреваемого предписано исчислять с момента фактического задержания. Если вести речь об административном задержании, то в КоАП РФ отсутствует институт фактического задержания как таковой. Предусмотрена обеспечительная мера — доставление (ст. 27.2 КоАП РФ), которая предполагает захват и препровождение лица в правоохранительный орган и не входит в срок административного задержания. Возможна ситуация, когда лицо доставлено и задержано на срок до 3 ча-

сов за административное правонарушение, однако при разбирательстве выяснилось, что имеет место административная преюдиция. Тогда при применении уголовно-процессуального задержания возникают сложности с началом исчисления его срока.

При доставлении лица, совершившего административное правонарушение, у сотрудников нет необходимости фиксировать время физического захвата, так как юридически значимым сроком является момент доставления в правоохранительный орган. Однако сфера уголовного судопроизводства требует учета любого времени ограничения свободы. Представляется, что после возбуждения уголовного дела при применении уголовно-процессуального задержания его срок следует исчислять с момента административного доставления, когда появляется объективная возможность установить, что лицо подвергнуто административному наказанию.

Следует также сказать о соотношении ограничения свободы в производстве по делам об административных правонарушениях и уголовном судопроизводстве. Например, за побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ) предусмотрено административное наказание в виде административного ареста, следовательно, к лицу, совершившему данное правонарушение, может быть применено административное задержание не на общий 3-часовой срок, а до 48 часов (ч. 3 ст. 27.5 КоАП РФ). Однако за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116¹ УК РФ), не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, что исключает возможность применения уголовно-процессуального задержания.

Очевидна ситуация, когда человек, привлекаемый к менее обременяющему виду ответственности, может испытать гораздо большее ограничение права на свободу и личную неприкосновенность, чем в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то, что это выглядит противоречивым, такой подход законодателя обоснован. За незаконное административное задержание не предусмотрена уголовная ответственность, оно не ставит лицо в имеющий серьезные юридические последствия статус подозреваемого. При анализе норм об уголовной ответственности за заведомо незаконное задержание подозреваемого Б. Б. Булатов и В. Н. Борков отметили, что потенциал нарушения законных прав и интересов личности незаконным уголовным преследованием, а возможно и осуждением, несравнимо больший, чем в случае незаконного административного задержания [2, с. 198].

Это лишний раз показывает, что задержание не может сводиться только к кратковременному лишению свободы. Несмотря на различия в усло-

виях и местах содержания, оба вида задержания по фактическому проявлению идентичны: лицо находится под стражей в изоляции от общества в течение определенного времени без судебного решения. Однако правовые сущности этих задержаний не сопоставимы, а складывающиеся отношения и юридические последствия отличаются принципиально.

Таким образом, большая сложность отграничения административных правонарушений от преступлений с административной преюдицией на месте совершения деяния показывает, что фактический захват и доставление всегда осуществляются в административном порядке и не должны регулироваться уголовно-процессуальным законом, вопреки мнению ряда авторов [3, с. 111; 4, с. 75].

Список источников

1. *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 января 2019 г. № 63-УДП18-3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

2. *Борков В. Н., Булатов Б. Б. Уголовно-правовая охрана свободы личности подозреваемого, обвиняемого и осужденного // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472.*

3. *Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе : монография. М., 2005.*

4. *Десятова О. В. Природа правоотношений, возникающих при фактическом задержании // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3(61).*

А. К. Шин

(Омская академия МВД России)

О повышении доказательственного значения объяснения

В изменениях, внесенных Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [1], законодатель для ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ прямо указал, что сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, могут использовать в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 УПК РФ. Отметим, что в УПК РФ не закреплена процессуальная форма для получения объяснения, но на практике правоприменитель пользуется ст. 166 УПК РФ, предусматривающей процессуальную форму для протокола следственного действия. При получении объяснения на стадии возбуждения уголовного дела правоприменитель использует уголовно-процессуальные нормы по аналогии с нормами, предусмотрен-

ными для такого следственного действия, как допрос. Если мы обратим внимание на протокол допроса и объяснение, то можем наблюдать явное сходство данных документов. Субъект процессуальной проверки, основываясь на судебно-следственной практике, интуитивно старается повысить доказательственное значение объяснения путем приближения процессуальной формы объяснения к протоколу допроса. Такой подход является вполне оправданным, так как при получении сведений в ходе взятия объяснения и при получении показаний при допросе используется один и тот же способ познания.

Не редки случаи, когда в практической деятельности сведения, содержащиеся в объяснении, полученные в рамках проверки сообщения о преступлении, дублируются без изменений и дополнений в протокол допроса уполномоченным лицом. Идентичность документов прослеживается не только в структуре и наличии необходимых реквизитов, но и в самом содержании.

Еще одним аргументом того, что правоприменитель повышает доказательственное значение объяснения, служат результаты интервьюирования следователей УМВД России по Приморскому краю, УМВД России по г. Томску, УМВД России по г. Омску. Отвечая на вопрос: «Каким образом объяснение признается иным доказательством?», мнения разделились. Одни респонденты (более распространенная практика) пояснили, что объяснение подшивается в уголовно дело, оценка и признание его иным доказательством описываются в обвинительном заключении (и/или в его аналогах). Другие опрошенные утверждают, что следователем выносится постановление о признании объяснения иным доказательством.

Отметим, что отнесение объяснения к такому виду доказательства, как «иной документ», по мнению ряда ученых, является спорным [2, с. 84; 3, с. 190]. Объяснение в материалах уголовного дела, приобретая доказательственное значение как иной документ, приравнивается к обозначенным в ст. 84 УПК РФ материалам фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и т. д. Не совсем верно ставить объяснение в один ряд с указанными выше материалами, поскольку они не предполагают целенаправленной фиксации сведений, имеющих отношение к обстоятельствам события, по которому проводится проверка сообщения о преступлении, предварительное расследование. Необходимо также учитывать участие должностных лиц, отбирающих объяснения, служащих гарантом объективно и в полной мере отразить необходимые сведения в объяснении.

Резюмируя, сделаем вывод, что имеются предпосылки к тому, чтобы выделить объяснение из иных документов (доказательств). Правопри-

менительная практика различными способами стремится повысить доказательственное значение сведений, полученных из объяснения. В целях унификации правоприменительной практики считаем необходимым признать сведения, содержащиеся в объяснении, равнозначными показаниям, полученным при допросе.

Список источников

1. *О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* : федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Овсянников И. В.* Проблема доказательственного значения объяснений // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 5.

3. *Актуальные проблемы уголовно-процессуального права* : учеб. пособие / под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. М., 2014.

В. А. Шипицин

(Омская академия МВД России)

Социальные сети как источник оперативно значимой информации

Одним из основных условий результативности деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел является непрерывное поступление оперативно значимой информации из различных источников. Оперативно-розыскная информация, являясь разновидностью социальной информации, обуславливается использованием специальных методов и средств сбора данных о криминальной деятельности отдельных лиц и преступных формирований [1, с. 20].

По данным глобального отчета Digital-2023, число активных пользователей социальных сетей составляет 106 миллионов человек (73,3% населения), опубликовавших за год более 20 миллиардов публичных сообщений (постов, репостов и комментариев). 48,5% всех пользователей социальных сетей — это граждане в возрасте от 18 до 54 лет [2]. Несмотря на запрет использования в Российской Федерации отдельных социальных сетей, число российских пользователей в них в 2023 г. снизилось незначительно — на 6%, при этом объем создаваемого пользовательского контента вырос на 30% по сравнению с 2022 г. Массовая вовлеченность пользовательской аудитории в процесс взаимодействия посредством социальных сетей позволяет сделать

вывод о том, что публикации в социальных сетях, сообщения в мессенджерах, фото-, видео-, аудиоматериалы, графические изображения, текстовые данные и иная информация, размещаемая в открытом и теневом сетевом пространстве, представляют особый интерес для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Одним из ключевых факторов эффективности выявления оперативно значимой информации в социальных сетях является понимание и правильная оценка целевой аудитории социальных сетей. Социально-демографические показатели, количество зарегистрированных пользователей, ежедневная и ежемесячная посещаемость, сфера интересов и размещаемый контент позволяют определить направления оперативного поиска в целях решения оперативно-розыскных задач.

Согласно отчету Mediascope-2023 среди популярных социальных сетей в Российской Федерации «ВКонтакте» занимает лидирующую позицию (86% российской интернет-аудитории), далее следует Telegram (62% российских интернет-пользователей), на третьем месте — социальная сеть «Одноклассники» (30% российской интернет-аудитории) [3].

Ввиду значительных объемов результативность поиска оперативно значимой информации напрямую зависит от наличия у сотрудников оперативных подразделений соответствующих цифровых компетенций, а также знаний об особенностях функционирования социальных сетей и способах эффективного взаимодействия с ними посредством современных программных продуктов. Поиск и распознавание лиц, образов, предметов, объектов и явлений, определение тональности текста, расшифровка аудио- и видеозаписей может осуществляться программными комплексами, построенным на технологиях искусственного интеллекта с использованием возможностей API* — посредника между разработчиком и какой-либо средой, с которой это приложение должно взаимодействовать.

Интерфейс взаимодействия API разработан для каждой из социальных сетей и позволяет автоматизировать процесс формирования массива первичной оперативной информации, используя определенные методы, описание которых, как правило, размещено на сайте социальной сети в разделе «Для разработчиков» (методы API «ВКонтакте» <https://dev.vk.com/ru/reference>). Так, метод `wall.get` социальной сети «ВКонтакте» позволяет сформировать массив оперативной информации о записях и постах, которые были опубликованы на стене сообщества (группы), с подробным описанием каждой публикации (количество комментариев,

* API (аббр. от англ. application programming interface — интерфейс программирования приложения, программный интерфейс, т. е. описание способов взаимодействия одной компьютерной программы с другими.

лайков, репостов и просмотров), с указанием идентификационных номеров пользователей. Для небольшого сообщества, состоящего из тысячи активных пользователей, массив первичной оперативной информации, содержащий в том числе IP-адреса, время активности, наименование поставщика интернет-услуг, браузера и операционной системы электронного устройства, составит более 500 миллионов записей, подлежащих дальнейшему исследованию и анализу.

Таким образом, массивы социальных сетей, являясь надежным и объективным источником оперативно значимой информации, в условиях экспоненциального роста компьютерной информации предполагают разработку и использование специализированных программных продуктов поиска и анализа данных, построенных на основе технологий искусственного интеллекта.

Список источников

1. Овчинский С. С., Овчинский В. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского и В. С. Овчинского. М., 2000.
2. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation/> (дата обращения: 15.03.2024).
3. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 15.03.2024).

Т. Н. Шумилова

(Омская академия МВД России)

Участие прокурора как общее условие судебного заседания в уголовном досудебном производстве

Как известно, после принятия Конституции РФ существенное ограничение конституционных прав и свобод личности стало допустимым только на основании судебного решения (ст. ст. 22, 23, 25 и др.). Эти конституционные положения конкретизированы в отраслевом законодательстве (преимущественно в ст. 29 УПК РФ). В соответствии с уголовно-процессуальным законом формой осуществления правосудия в ходе досудебного производства является судебное заседание. Оно проводится в специфическом порядке, т. е. отличным от рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции с применением норм главы 35 УПК РФ, но с учетом действующего правового регулирования и сложившейся правоприменительной практики в той части, в которой они согласуются с целями его проведения.

В досудебном производстве вопрос о виновности лица не подлежит рассмотрению, на этот факт неоднократно обращено внимание Конституционным Судом РФ [1, 2, 3]. Предметом рассмотрения являются законность и обоснованность ходатайств органов предварительного расследования об избрании мер процессуального принуждения, о производстве следственных действий и т. д. Таким образом, ст. 246 УПК РФ, регулирующая участие обвинителя как общее условие судебного разбирательства, по аналогии неприменима.

Прокурор в досудебном производстве обеспечивает соблюдение законности при осуществлении уголовного преследования, а также прав и свобод человека при производстве по уголовным делам. В судебных процедурах в досудебном производстве суд, рассматривая поступившие инициативные обращения и материалы в их обоснование, заслушивает мнение прокурора. Как верно отмечает Ф. М. Кобзарев, именно в ходе судебного заседания происходит «фактическое осуществление правоприменительных отношений, оказываются взаимные воздействия субъектов друг на друга» [4, с. 175].

При этом стоит согласиться с мнением И. С. Дикарева, что «будучи не связанным позицией следователя и руководителя следственного органа прокурор дает оценку обоснованности возбужденного перед судом ходатайства, что должно обеспечить соблюдение принципа законности» [5, с. 77]. Это означает, что прокурор выступает в роли гаранта соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также исполнения требований уголовно-процессуального закона и вправе не поддерживать позицию лица, возбудившего перед судом соответствующее ходатайство.

В отличие от всех судебных процедур досудебного производства, предусматривающих обязательное участие прокурора в судебном заседании и наделение его соответствующими полномочиями, интерес представляет законодательная формулировка о праве прокурора на участие в судебном заседании при рассмотрении ходатайств следователя (дознавателя) о даче судом согласия на проведение следственных и иных процессуальных действий (ч. 3 ст. 165 УПК РФ). При этом приказы Генерального прокурора РФ обязывают прокуроров не только принимать участие в судебном процессе, но и в каждом случае вынесения судом решения, вопреки позиции прокурора, тщательно изучать принятое судебное решение и при наличии оснований принимать меры к своевременному обжалованию [6; 7]. Интересна в этом отношении складывающаяся судебная практика, которая свидетельствует о значимости участия прокурора и демонстрирующая негативные последствия его отсутствия в судебном заседании в виде отмены судебного решения [8; 9].

Резюмируя, отметим, что участие прокурора в судебном заседании в уголовном досудебном производстве обязательно. Полагаем, что при отказе прокурора от поддержания заявленного органами предварительного расследования ходатайства на основании недостаточной обоснованности восполнить недостающую совокупность данных возможно по требованию судьи путем предоставления ему всех материалов уголовного дела следователем (дознавателем). Данная возможность обеспечит независимость судьи в принятии им решения.

Список источников

1. *По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан* : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан* : постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П.

3. *По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина с. А. Костромина* : постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П.

4. Кобзарев Ф. М. Проблемы теории и практики процессуальных и организационных отношений прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

5. Дикарев И. С. Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам // Журнал российского права. 2018. № 3.

6. *Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия* : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17 сентября 2021 г. № 544 (п. 1.8).

7. *Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания* : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19 января 2022 г. № 11 (п. 24).

8. *Постановление Президиума Ярославского областного суда от 21 февраля 2018 г. № 44у-9-2018.*

9. *Постановление Московского городского суда от 5 марта 2018 г. по делу № 10-3861/2018.*

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ; КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО; ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Асанова А. А. Цели издания нетипичных правовых актов.	3
Астафьев И. Н. Механизм профилактики и правового регулирования ответственности за неповиновение законному требованию сотрудника полиции.	6
Гукова Н. А. Наказание за незаконную передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в местах лишения свободы	8
Ергашева Е. Г. Перспективы развития законодательства в сфере деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав	10
Ковалева Е. В. О возможности применения специальных средств при вскрытии транспортных средств сотрудниками органов внутренних дел	13
Кривушин В. В. Роль преемственности в формировании института дисциплинарной ответственности	15
Литвякова С. В. Защита здоровья детей и действующее антитабачное законодательство	17
Молоков Е. С. К вопросу о нормативном употреблении и этимологии слов «дисциплина» и «ответственность» в правоохранительных органах Российской Федерации.	19
Перцев В. В. Воздушный маршал как субъект обеспечения безопасности на борту воздушного судна	21

Сабадаш Ю. М. Некоторые процессуальные проблемы привлечения несовершеннолетних к административной ответственности	23
Сотникова Е. И. К вопросу о субъекте административного правонарушения, предусмотренного статьей 5.35 КоАП РФ	25
Степина К. В. Аспекты взаимодействия России с межгосударственным объединением ОПЕК	27
Терских В. Д. Обычное право как предмет юридического исследования в XIX столетии: к постановке вопроса	28
Туркина Н. Ю. Административно-правовой режим военного положения в условиях переходного периода новых субъектов Российской Федерации	30
Честнов А. В. Анализ понятия «информация».	33
Шарипов С. Н. Обеспечение законности в административной деятельности милиции Республики Таджикистан	34
РАЗДЕЛ II. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.	
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Аполоненко А. Ю. Некоторые проблемы квалификации деяний, состоящих в незаконных выдаче и получении избирательных бюллетеней	38
Бадретдинов А. И. О некоторых особенностях правового статуса лица, осуществляющего продажу алкогольной продукции.	40
Бурмистрова А. А. Многообразие научных позиций толкования явления провокации преступления	43
Жуков Н. И. Соотношение ответственности за финансирование экстремистской и террористической деятельности	45
Звягин В. А. Наказания, содержанием элементом которых является работа, по уголовному законодательству Федеративной Республики Бразилия	47
Иванькович Д. В. Роль ситуации при совершении дорожно-транспортных преступлений (на примере России и Беларуси)	50
Ильиных Н. А. Структура преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.	52
Камолзода А. К. Некоторые особенности регламентации уголовной ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования по Уголовному кодексу Республики Таджикистан . . .	54

Карабеков К. О. Основные направления совершенствования мер предупреждения интернет-мошенничества в Республике Казахстан	57
Карамшоев Н. М. Тенденции терроризма в Российской Федерации и Республике Таджикистан	59
Климович Н. В. Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (ст. 90 УК РФ): некоторые проблемы назначения	61
Кондратюков С. С. Уголовно-правовые и криминологические аспекты экономических преступлений сотрудников частных охранных организаций	64
Карнакова О. И. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере государственного оборонного заказа	66
Кукасов М. В. Проблемы конкуренции взаимно-специальных составов преступления	68
Куровский В. М. Социально-демографическая характеристика личности иностранного гражданина и лица без гражданства, совершающего преступления экстремистской направленности	70
Лебедева К. А. Криптовалюта как предмет присвоения или растраты	73
Мамедов Ш. Г. Поведенческие маркеры лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях	75
Медведев А. Д. К вопросу об обороте оружия, имеющего культурную ценность, или старинного (антикварного) оружия	77
Медведев Р. К. Оценка объективной (непосредственной) малозначительности деяния в уголовном праве	80
Муртазина К. А. Опасность множества малозначительных мошенничеств	83
Мырзабергенов А. А. Анализ санкций уголовно-правовых норм, установленных за преступления, предусмотренные ст. ст. 205 ⁴ и 281 ³ УК РФ	85
Мялицина М. А. Проблемы законодательного описания ст. 302 УК РФ	87
Сибатуллин Ф. Ф. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 116 ¹ УК РФ	90
Тихонов И. Н. Превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: проблемы квалификации	92
Федорова Е. А. О необходимости использования возможностей административной преюдиции для профилактики повторного	

совершения правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков	94
Шайденов Е. А. Признаки предмета фальсификации доказательств по уголовному делу	96
Яхонтова Я. С. Трансформация насилия при совершении корыстно-насильственных преступлений в современной России	99
РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА.	
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.	
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
Вершинин А. Н. Ведомственный контроль по делам оперативного учета: всегда ли прав руководитель?	102
Гасперт М. А. Направления оптимизации взаимодействия сотрудников оперативных подразделений и следственных органов	104
Горшкова В. С. Использование сервиса электронного документооборота МВД России при проведении исследования предметов и документов	106
Гулян И. Н. Фантомные предприятия как один из способов осуществления неправомерной деятельности по реализации фальсифицированного молока и молочной продукции	109
Детков А. А. Способ сокрытия преступления как элемент оперативно-розыскной характеристики бесконтактного сбыта наркотиков	111
Емельянцева К. О. Предварительная проверка материалов по факту хулиганства	113
Еркалов А. А. Согласие на правоприменение	116
Ермакова А. Л. «Революционное» ограничение срока содержания под стражей: объективная необходимость или отрыв от реальности?	118
Ибишов М. Р. Способы неправомерного завладения транспортными средствами как элемент оперативно-розыскной характеристики	120
Каршиев М. Р. Оказание содействия следователю сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции при исполнении домашнего ареста	123
Киселева А. А. О возвращении к отечественным традициям оценки производных доказательств	125

Кочетов А. П. Эффективность использования биометрии для предотвращения преступлений в сфере интернет-торговли . . .	127
Лапин Д. Н. Оперативно-розыскная компетенция подразделений НЦБ Интерпола. Организационно-правовой механизм как ее элемент	130
Мандарханова Л. М. О необходимости изучения личностных свойств участников неочевидных дорожно-транспортных преступлений . . .	133
Мурашов Д. Ю. Право и ответственность в цифровой среде: обеспечение прав граждан	135
Сучкова Е. А. Некоторые вопросы участия специалиста при расследовании неправомерного оборота средств платежей . . .	137
Федорова Л. А. О совершенствовании взаимодействия следственных и оперативных подразделений при обеспечении безопасности участников оперативно-розыскной деятельности . . .	139
Фельк А. А. Значение этапа окончания предварительного следствия при направлении уголовного дела прокурору с обвинительным заключением	141
Хоменко И. В. Следственные действия как средство предупредительно-профилактической деятельности следователя . . .	144
Шайдено Д. А. Задержание лица по подозрению в совершении преступления с административной преюдицией	146
Шин А. К. О повышении доказательственного значения объяснения . . .	148
Шипицин В. А. Социальные сети как источник оперативно значимой информации	150
Шумилова Т. Н. Участие прокурора как общее условие судебного заседания в уголовном досудебном производстве	152

Научное издание

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ
В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Материалы международной научной конференции адъюнктов,
аспирантов и соискателей*

Редактирование и корректура Е. А. Жукова

Технический редактор П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 29.07.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 8,6. Тираж 130 экз. Заказ № 194.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7